

ISSN: 2542-212X

Кавказология

Caucasology

II

2019

Кавказология

Caucasology

№ 2 / 2019

DOI: 10.31143/2542-212X-2019-2

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова»

Е-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-
izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева, Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дердугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, президент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, ректор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Director, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Rector, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, President, Kabardinj-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Rector, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Director, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Кажаров А.Г. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Баразбиев М.И.,
Бауаев К.К., Бгажноков Б.Х., Берберов Б.А.,
Бозиева Н.Б., Борова А.Р., Бугай Н.Ф., Бухуров М.Ф.,
Геграев Х.К., Гутов А.М., Дзамихов К.Ф.,
Иванова С.Ю., Канукова З.В., Кочесоков Р.Х.,
Кудаева З.Ж., Кузьминов П.А., Кучукова З.А.,
Мамсиров Х.Б., Муратова Е.Г., Мусукаева А.Х.,
Нальчикова Е.А., Прасолов Д.Н., Сабанчиев Х.-М.А.,
Тамазов М.С., Текуева М.А., Тенов Т.З., Тимижев Х.Т.,
Тхагапсоев Х.Г., Узнародов Д.И., Узнародов И.М.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Kazharov A.G. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Akkieva S.I., Astvatsaturova M.A., Barazbiev M.I.,
Bauaev K.K., Bgazhnokov B.Kh., Berberov B.A.,
Bozieva N.B., Borova A.R., Bugay N.F., Buhurov M.F.,
Gegraev Kh.K., Gutov A.M., Dzamihov K.F.,
Ivanova S.Yu., Kanukova Z.V., Kochesokov R.Kh.,
Kudayeva Z.Z., Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A.,
Mamsirov Kh.B., Muratova E.G., Musukaeva A.Kh.,
Nalchikova E.A., Prasolov D.N., Sabadchiev Kh.-M.A.,
Tamazov M.S., Tekueva M.A., Tenov T.Z.,
Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G., Uznarodov D.I.,
Uznarodov I.M.

СОДЕРЖАНИЕ***ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*****Муратова Е.Г.**Балкарские горские общества в условиях имперской модернизации России: этносоциальная консолидация и развитие **12-36****Прасолов Д.Н.**Просветительские практики и интеллектуальная культура коренного населения Северного Кавказа в условиях имперской модернизации (школьный вопрос на Съездах доверенных Нальчикского округа в последней трети XIX – начале XX в.) **37-54****Тетуев А.И.**Кабардино-Балкария в период битвы за Кавказ (июль 1942 – январь 1943 гг.) **55-71****Боров А.Х., Бербекоева М.М.**Демографическая модернизация Кабардино-Балкарии: история и современные проблемы **72-104****Кушхабиев А.В.**Миграционные проблемы в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI века **105-126****Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Гугова М.Х.**Этнография кладбищ Центрального Кавказа **127-151****Махмутов З.А.**Новые формы функционирования и воспроизводства этничности (татарские этнолокализованные виртуальные сообщества) **152-163*****ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА*****Гулиева (Занукоева) Ф.Х.**К проблеме жанровой классификации фольклорной прозы карачаевцев и балкарцев **164-175****Кажарова И.А.**Детектив: к проблеме вариативности основного события и персонажей (на материале повестей А. Сарахова) **176-192**

Дискуссионные проблемы**Биттирова Т.Ш., Махиева Л.Х.**

Художественные параметры общетюркских памятников словесности XI-XIII вв. в карачаево-балкарской устной поэзии **193-205**

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ**Курбанов А.Д.**

Поиск путей к историческому синтезу **206-216**

Хотко С.Х.

Новый обстоятельный труд по истории российско-северокавказских отношений **217-228**

Наши авторы**229-230**

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY**Muratova E.G.**

Balkar Mountain Societies within the Context of the Imperial Modernization of Russia: Ethnosocial Consolidation And Development **12-36**

Prasolov D.N.

Educational Practices and Intellectual Culture of the North Caucasian Indigenous Population Within the Context of Imperial Modernization (Schooling Question at the Meetings of Entrusted Deputies of the Nalchik District in the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries) **37-54**

Tetuev A.I.

Kabardino-Balkaria During the Battle for the Caucasus (July 1942 – January 1943) **55-71**

Borov A.Kh., Berbekova M.M.

Demographic Modernization of Kabardin-Balkaria: History and Nowadays Problems **72-104**

Kushkhabiev A.V.

Migration Problems in Socio-Political Life of Kabardino-Balkaria at the End of the 20th – Early 21st Century **105-126**

Tekueva M.A., Nalchikova E.A., Gugova M.Kh.

Ethnography of the Cemeteries of the Central Caucasus **127-151**

Mahmutov Z.A.

New Forms of Functioning and Reproducing of the Ethnicity (Tatar Ethno-Localized Virtual Communities) **152-163**

LANGUAGES, FOLKLORE AND LITERATURE**Gulieva (Zanukoeva) F.H.**

To the Problem of Genre Classification of Folklore Prose of Karachays and Balkarians **164-175**

Kazharova I.A.

Detective Story: to the Problem of Variability of the Main Event and **176-192**

Characters (by the case of A. Sarakhov's Stories)

Debatable issues

Bittirova T.Sh., Mahieva L.H.

Artistic Parameters of the Common Turkic Monuments of Literature of the 11-13th Centuries in Karachay-Balkar Oral Poetry **193-205**

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Kurbanov A.D.

The Search After Historical Synthesis **206-216**

Hotko S.Kh.

New Substantive Work on the History of Russian-North Caucasian Relations **217-228**

Our authors

229-230

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 93/94

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-12-36

**БАЛКАРСКИЕ ГОРСКИЕ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ИМПЕРСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ
И РАЗВИТИЕ¹****Е.Г. МУРАТОВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: lena_gm@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты развития балкарских горских обществ в условиях имперской модернизации России XIX – начала XX в. В основу исследования положены архивные документы из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук (СПбФА РАН), Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА СО-Алания), которые позволяют детально представить историю Балкарии периода ее административно-политической и социокультурной интеграции в состав Российской империи. Источниковую базу дополняют законодательные акты и материалы периодической печати по теме исследования. Предложена интерпретация особенностей осуществления административно-судебных реформ XIX века в балкарских обществах как преобразований, проводившихся с учетом специфики местных условий и способствовавших их этносоциальной консолидации. Показано развитие коммуникаций, формирование социально-бытовой инфраструктуры и использование новых форм хозяйствования в горских обществах пореформенного периода. На материалах массовых исторических источников осуществлено изучение демографической и социально-экономической структуры и эволюции балкарских обществ к началу XX в. Анализ рассмотренных вопросов приводит к заключению, что источником исторической динамики балкарского общества, тех трансформаций, которые оно претерпело на протяжении XIX – начала XX в., стала политика Российского государства на Кавказе и его воздействие на внутреннюю жизнь местных обществ. Постепенно горская община приобретала все более «открытый», «разомкнутый» характер. Общество как бы выходило за пределы локальных общин, приобретая собственный социетальный масштаб, соответствующий этническим границам. Исследование представляет описание локальной модели традиционного общества на переходе к модерну. Полученные результаты имеют прикладное значение для написания обобщающего труда по проблеме интеграции такого культурно-сложного макрорегиона как Северный Кавказ в российское государственное пространство.

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России». Подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление». Проект «Исторический опыт и актуальные проблемы интеграции культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство: Северный Кавказ».

Ключевые слова: Северный Кавказ; кавказоведение; Балкария; балкарцы; горские общества; судебно-административное устройство; административная практика; этносоциальная консолидация; имперская модернизация; XIX – начало XX века.

BALKAR MOUNTAIN SOCIETIES WITHIN THE CONTEXT OF THE IMPERIAL MODERNIZATION OF RUSSIA: ETHNOSOCIAL CONSOLIDATION AND DEVELOPMENT

E.G. MURATOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: [lena_gm@mail.ru](mailto:lana_gm@mail.ru)*

Abstract. The article deals with some aspects of development of the Balkar mountain societies in the conditions of Imperial modernization of Russia. It is based on archival sources of the 19th – early 20th century from the Russian State Military Historical Archive (RGVIA), the Russian State Historical Archive (RGIA), the St. Petersburg branch of the Archive of Russian Academy of Sciences (SPb.FA RAN), the Central State Archive of the Kabardino-Balkar Republic (CGA KBR), the Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CGA RSO-Alaniya). The source base is supplemented by legislative acts and periodicals on the topic of the study. These sources allow depict the history of Balkaria during its political and socio cultural integration into the Russian Empire. It is proposed an original interpretation of the specific features of realization of administrative and judicial reforms of the 19th century in Balkar societies as transformations carried out taking into account the specifics of local conditions and contributed to their ethno-social consolidation. The development of communications, the formation of social infrastructure and new forms of economic activity in mountain societies of the post-reform period are shown. Based on the materials of mass historical sources, the study of the demographic and socio-economic structure and evolution of Balkarian rural societies by the beginning of the 20th century was carried out. The analysis of the considered issues leads to the conclusion that the source of the historical dynamics of the Balkar society, the transformations that it underwent during the 19th and early 20th centuries, was the policy of the Russian state in the Caucasus and its impact on the internal life of local societies. Gradually, the mountain community got more and more «open character». The society to go beyond local communities, acquiring its own social scale corresponding to ethnic boundaries. The paper presents a description of the local model of traditional society in the transit to modernity. The research results are indispensable for writing a generalizing work on the problem of integration of such a culturally complex macro-region as the North Caucasus into the Russian state area.

Keywords: North Caucasus; Caucasian studies; Balkaria; Balkarians; mountain society; judiciary and administrative system; administrative practice; ethno-social consolidation; imperial modernization; 19th – early 20th century.

Постановка проблемы

История политики России на Северном Кавказе и ее отношений с народами региона интерпретировались в отечественной историографии в терминах «покорения», «присоединения», «вхождения», «интеграции» народов региона в состав Российского государства. Наиболее активно в современной литературе используется категория интеграции, и чаще всего она

отождествляется с инкорпорацией территорий и населения в формальные административные и правовые структуры государства. Более глубоким представляется взгляд, согласно которому в определенном смысле Северный Кавказ был «региональным изобретением» имперской власти, «в пространстве которого решались задачи построения основ нового общества, способного интегрироваться в общероссийское пространство» [Хлынина и др. 2012: 5]. Реальная социально-культурная интеграция региона подразумевала освоение и использование местными обществами на индивидуальном и коллективном уровне правовых, экономических, социальных институтов и практик российского общества и государства в своих интересах [Россия и народы... 2018: 11]. Но сами эти институты и практики находились в процессе модернизационных преобразований, так, что вектор интеграции совпадал с вектором модернизации региона.

Общий взгляд на модернизирующие преобразования, проводившиеся на Северном Кавказе в процессе его включения в имперскую политико-административную систему России, нивелирует особенности развития отдельных этносоциальных общностей. Это суждение в полной мере относится к балкарским горским обществам (Балкарскому, Хуламскому, Безенгиевскому, Чегемскому и Баксанскому), замкнутым в труднодоступных ущельях Центрального Кавказа, и заставляет прибегнуть к специальному анализу тех изменений судебно-административного устройства и социально-культурного развития, которые имели здесь место в XIX – начале XX в.

Методологически конструктивным представляется рассмотрение вопросов судебно-административной организации и развития территории с точки зрения взаимодействия локального сообщества и государства. Ибо «строительство империи предполагало различные практики освоения пространства, зависящие от таких факторов как уровень социально-экономического развития, характер политической культуры населения, его демографические и этноконфессиональные параметры» [Пространство власти... 2001: 345].

Институциональная интеграция горских обществ: промежуточные формы

Большинство отечественных кавказоведов ведут отсчет включению территории балкарских обществ в политико-административную систему Российской империи с 11 января 1827 года. До этого российское правительство воздерживалось от прямого вмешательства в вопросы внутреннего управления горскими обществами. Их традиционное самоуправление выражалось в сложившихся ранее формах гражданских общин, руководимых старшими членами владельческих фамилий того или иного ущелья.

Следует отметить, что балкарские общества несколько позже, чем соседняя Кабарда, составлявшая с ними единое политико-административное пространство, были охвачены административно-судебными институтами, учрежденными российскими властями. Дифференцированный подход в способах осуществления административно-судебной власти в рамках Центра

Кавказской линии нашел свое отражение в Записке о политическом состоянии кавказских горских народов, составленной офицером Генерального штаба в 1842 году. К этому времени в составе Центра Кавказской линии значилось восемь подразделений: «1) великокабардинцы, 2) малокабардинцы, 3) дигорцы, 4) балкарцы, 5) бизингиевцы, 6) хуламцы, 7) чеченцы (следует читать «чегемцы» – Е.М.), 8) урусеевцы. Великокабардинцы управляются учрежденным генералом Ермоловым в 1822 году в крепости Нальчике Временным кабардинским судом... Малокабардинцы имеют пристава, прочие племена, осетинского происхождения (здесь имеются ввиду балкарцы – Е.М.), получившие названия от ущелий, в коих расположены их аулы, управляются старшинами» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4675. Л. 14 и об.]. В таком виде судебно-административное устройство просуществовало до 1858 года, когда Кабардинская линия была упразднена, и создан Кабардинский округ, а Кабардинский временный суд был преобразован в окружной. Некоторые изменения в политико-административном управлении связаны лишь с введением в середине 40-х годов XIX в. приставства балкарских обществ.

В своей деятельности Кабардинский временный суд руководствовался обычным правом и российским законодательством. Разбор дел балкарских жителей, по-видимому, также находился в компетенции этого учреждения. Н.Н. Муравьев, служивший на Кавказе в 1855 году, писал о нем А.П. Ермолову: «Я был в Нальчике, где устав ваш и прокламации служат единственным руководством для дел, встречающихся не только между кабардинцами, но даже и между племенами, живущими в горах» [Потто 1994: 377]. Вместе с тем требуют уточнения функциональные ограничения в деятельности этого учреждения относительно балкарских обществ. До учреждения в Балкарии специального приставства именно Кабардинский временный суд был тем административным институтом, через который осуществлялась трансляция распоряжений российских властей на горские территории. В Центральном государственном архиве КБР отложились единичные дела, касающиеся обращения балкарцев в Кабардинский временный суд. Так, в марте 1836 года чегемский старшина Шарахмат Балкароков обратился с просьбой к командующему Кабардинской линией генерал-майору Сергееву разобрать в суде спорное дело «об удовлетворении его за кровь подвластного его» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 2. Д. 2. Л. 2-4]. Примечательно, что это дело касалось традиционных правоотношений между членами владельческой фамилии и их подвластными и регулировалось адатами Чегемского общества. Несмотря на всю «поверхностность» российского судебно-административного управления горскими обществами, этот прецедент указывает на деформирующее воздействие российской администрации на властные структуры и традиционную саморегуляцию балкарских общин. Лояльно настроенные представители владельческих фамилий начинают апеллировать к российским властям при разрешении внутренних конфликтов.

Если судить по архивным документам, то в основной своей массе балкарцы, не имевшие в Кабардинском временном суде своего представителя, не спешили туда обращаться и ограничивались традиционным судебным

разбирательством в своих обществах. Так, за 1846 г. в Кабардинском суде нами обнаружено только 3 дела, подлежащих разбирательству с жителями балкарских обществ [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 440. Т. 2. Л. 117 об.]. Эти дела касались урегулирования взаимоотношений с соседними народами, кабардинцами и осетинами, или предписывали взимание штрафов, то есть выходили за пределы юрисдикции локального сообщества того или иного ущелья.

Разбор судебных дел, касавшихся жителей отдельного балкарского общества, по-прежнему находился в компетенции старшин этого общества и эфенди. Однако теперь для исполнения судебных функций они приводились к присяге в Кабардинском временном суде «о правильном разбирании жалоб» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 90. Т. 1. Л. 2 об.] и клялись в том, что будут рассматривать все дела «по справедливости, не делая поправки ни по какому случаю и никакому лицу» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 90. Т. 1. Л. 47], о чем Кабардинский временный суд доносил в управление Центра Кабардинской линии.

К середине XIX в. постепенно трансформировалась традиционная система ценностей, менялись социальные ориентиры, устоявшиеся правовые нормы. В зависимости от конкретных интересов судебные споры теперь могли быть разрешены на основе различных юридических систем (адата, шариата, русского законодательства) по выбору тяжущихся [Документы... 1959: 35-36]. Таким образом, судебные коллизии еще более усложнялись возможностью выбора нормативной основы и формы разбирательства.

Архивные документы со всей очевидностью отражают традиционное правосознание членов балкарского социума: представления о преступлении, о связи между типом правонарушения и способом его наказания. Так, Чегемское общество в жалобе на сванетов, угнавших скот, обратилось к начальнику Центра кавказской линии за разрешением совершить ответный набег с целью наказания и компенсации ущерба [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1549. Л. 1 об.]. Здесь парадоксально выглядит не только факт обращения к кавказской администрации за подобным рода разрешением, но и объяснение причины, почему такая санкция, по мнению чегемцев, может быть применима. Налицо наложение нескольких правовых полей.

С учреждением в 1846 г. специального приставства балкарских народов усилился контроль над традиционным судопроизводством со стороны российских властей. Из переписки начальника центра Кавказской линии Хлюпина и пристава балкарских народов Хоруева становится ясным механизм этого взаимодействия. Судебное разбирательство велось старшинами отдельного общества или эфенди в зависимости от характера дела. Штрафы, взимаемые деньгами или скотом за различные виды преступлений, делились между судьями. Такой порядок, вполне соответствовавший традиционным правоотношениям, признавался российскими военными властями вполне справедливым, поскольку судьи несли «общую повинность без пособия от казны» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 604. Л. 40 об.]. В то же время пристав должен был перед взысканием штрафов доставить начальнику Центра

ведомость «в каком обществе, кто сделал какой поступок, подвергающий его штрафу, уличен ли он, в чем именно, кем, или сам сознался, было ли обсуждено дело старшинами общества, и какое кем наложено взыскание» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 604. Л. 41]. Взимать штрафы за правонарушения можно было только после разрешения начальника Центра Кавказской линии. Ему поступала полная информация о том, «в каком обществе и кто облачен в права судей для разбирательства дел», рассматриваются дела «по обрядам или исключительно какие шариатом, в последнем участвуют ли старшины, или решаются одними эфендиями» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 604. Л. 41 е].

В 1857 г. в связи с готовившимися административными изменениями на Кавказской линии все балкарские общества и Дигория оказались под начальством одного пристава, штабс-капитана Масловского. Управляющий бывшим центром Кавказской линии А.П. Грамотин в ответ на просьбу одного из чинов Владикавказского линейного казачьего полка о назначении его дигорским приставом ответил, что «начальство желает для сохранения расходов уменьшить число приставских мест, на этом основании и для горских народов, в смежных с Кабардою... избрал одного пристава и до сих пор не видит надобности ставить другого, а только находит нужным дать ему двух или трех дельных помощников» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1878. Л. 11]. Тем не менее рациональное администрирование на такой большой и труднодоступной территории было невозможно. Отправляясь в отдаленное Баксанское ущелье, пристав Масловский требовал, чтобы его сопровождал горский народный эфенди Али, «ибо дела баксанского племени не разобраны за пять лет». По его словам, если духовный судья не будет с ним, то поездка пристава на Баксан будет бесполезной [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2. Л. 4]. Недостатки приставского правления отмечали и сами жители балкарских общин. Так, представители таубиев и «черного народа» из Балкарского общества подали прошение генералу Грамотину, в котором указывали, что, во-первых, разбор междоусобных дел и удовлетворение обиженных затягивается на три-четыре месяца, пока пристав добирается из одного общества до другого, и, во-вторых, дигорцы и все балкарские общества «имеют каждый свои права и народные обычаи особые», что затрудняет решение дел. Поэтому жители самой густонаселенной из горских общин просили назначать в свое общество «особого пристава», а его помощником – балкарца, который знал бы их обычаи. Решение этого вопроса было оставлено за приставом Б.Г. Масловским: в случае затруднений в управлении всеми горскими обществами резолюция командующего краем предписывала ему назначить помощников от балкарского, чегемского, безенгиевского, хуламского и урусбиевского народов [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1878. Л. 1 и об.]. Со временем институт пристава трансформировался сначала в должность Управляющего Балкарией, а затем в институт участковых начальников.

Один из архивных документов сохранил свидетельство о своего рода «культурном шоке», который испытали горцы Балкарского общества, став свидетелями того, как пристав арестовал одного из жителей «за отнятие баранты у экзекуторов», и его, вопреки обычаю, «связанного провели через всю

Балкарию». «Это был первый пример, до настоящего времени в Балкарии неслыханный» [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 29. Л. 1-2]. Впервые внешняя, чуждая по своей природе политическая сила, непосредственно вмешивалась во внутренний, веками сложившийся, привычный строй общественной жизни и отодвигала на второй план традиционный правовой обычай. При этом такая мера воздействия, как арест, была применена к свободному человеку.

Самопроизвольное барантование (захват скота и другого имущества за потраву полей, покос сена и воровство) вполне соответствовало традиционному правосознанию горцев о заслуженном наказании, но вступало в противоречие со статутным государственным правом и представлениями кавказской администрации о законности и порядке. Поэтому хотя институт баранты еще долго применялся в общественной практике для покрытия ущерба, но его функционирование было поставлено под контроль местных властей. Начальник Центра Кавказской линии предписывал приставам довести до сведения подопечных им горских народов, что если кто «на будущее время позволит себе барантовать самопроизвольно, то не только потеряет всякое право на вознаграждение убытков, но подвергнется сам взысканию» [ЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 68]. В последующий период административно-полицейские функции российских властей все больше и больше будут обнаруживать себя в горских обществах.

В конце 1850-х гг. в рамках преобразования административной системы определенные изменения претерпел Кабардинский временный суд, который до этого времени имел депутатов только от Большой Кабарды. В 1858 г. он был преобразован в Окружной народный суд, выполнявший функции высшей судебной инстанции в Кабардинском округе. Первоначально в новом суде планировалось широкое представительство от населения разных частей округа. Согласно «Записке» Д.А. Милютина, кроме депутатов от кабардинцев предполагалось включить в его состав «одного от остальных поименованных горских народов, известных под названием балкарцев» [АКАК 1904: 647-648]. Всего 7 депутатов. Однако при утверждении проекта суда его состав сократился до 4 депутатов, один из которых представлял Балкарию.

В декабре 1859 г. рассматривался вопрос об образовании в Кабардинском округе и участковых народных судов. При этом в суд Балкарского участка надо было представить одного участкового кадия, по одному члену от Балкарского, Чегемского и Урусбиевского общества и одного от Безенгиевского и Хуламского обществ, а также по одному депутату от простого народа на каждого члена суда, всего 9 человек [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 8 об.]. Это объяснялось тем, что горские общества имели различия в обычаях, и для решения дел необходимо было иметь по одному человеку от высшего сословия и простого народа от каждой общины, исключая Хулам и Безенги, самые малочисленные и мало разнящиеся. Члены участкового суда избирались из таубиев, а депутаты – из вольноотпущенников. Притом сами общества должны были содержать своих участковых судей и кадия: каждый двор, кроме самых бедных, платил по 50 копеек серебром в пользу членов участкового суда, которые делили эту сумму поровну, и по 25 копеек в пользу кадия. Депутаты от

простого народа не получали никакого содержания и имели только ту привилегию, что освобождались от общественных повинностей в своих аулах.

Российские власти стремились без резкой, радикальной ломки адаптировать традиционные судебные институты горцев к новым политическим реалиям. В рамках учрежденной системы, получившей название «военно-народного управления», провозглашались следующие принципы: во-первых, «туземное население» управлялось не по законам империи, а по «народным обычаям и особым постановлениям»; во-вторых, суд над «туземцами» принадлежал местным «народным судам» и осуществлялся под надзором местной военной власти – по адату, в некоторых случаях – по шариату и «по особым правилам». Предполагалось постепенное развитие нормативной базы судопроизводства на основании опыта и возникающих потребностей [Положение об управлении... 1865].

Административная «автономизация» и консолидация горских обществ

На примере балкарских горских обществ хорошо видно, как учитывалась специфика отдельных этносоциальных образований при проектировании судебных учреждений в Кабардинском округе. Местная администрация неоднократно обращалась к начальнику Терской области, указывая на то обстоятельство, что «жители пяти горских обществ ...не принадлежат к кабардинскому племени, резко отличаются от него языком, правами и обычаями, что крайне затрудняет разбор их дел в окружном и участковых судах» [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 69. Л. 5]. Все это указывало на настоятельную необходимость создать специально для балкарского населения особое участковое управление. Прежде чем решить этот вопрос в вышестоящих инстанциях Кавказское горское управление сделало запрос начальнику Терской области о проектировании выборов депутатов в Кабардинский окружной суд и о предполагаемой деятельности судебных учреждений в Горском участке, увязывая административное и судебное устройство балкарских обществ. В рапорте от 11 июня 1866 года на этот запрос в частности говорилось: «При предполагаемом разделении Кабардинского округа на четыре участка, начальник области, согласно с мнением подполковника Нурида (начальник Кабардинского округа – Е.М.), полагает иметь в Окружном народном суде 5 депутатов по одному от каждого участка: Баксанского, Черекского, *Горского* и Малокабардинского из среды князей, узденей и свободного сословия и одного от черного народа: вольноотпущенников и холопов: первые избираются свободным сословием каждого участка отдельно, а последний – черным народом целого округа». Более того, до тех пор, пока не будет устроено проектируемое Горское участковое управление в Хуламе, «начальник участка, независимо от обыкновенных разъездов по аулам и разбора дел в Нальчике, будет обязан особою инструкцией иметь *подвижной участковый суд*, который несколько раз в год, в свободное от полевых работ и более удобное для сообщений время, должен будет выезжать в горы и открывать свои действия на месте, начиная от крайнего общества, и переходить постепенно из одного в другое, до окончания всех дел, подлежащих разбору» [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп.

7. Д. 69. Л. 10]. Осенью 1866 года был образован Горский участок, в него вошли Балкарское, Безенгиевское, Хуламское, Чегемское и Урусбиевское общества [ЦГА РСО-Алания. Ф. 119. Оп. 1. Д. 22. Л. 326 и об.].

По мнению современников, функционировавшие тогда народные суды представляли обоюдную школу. Председатели – чиновники колониального аппарата управления разного уровня – знакомились через депутатов «с духом адатов», все яснее оценивали их и, отличая те из них, применение которых удобно и полезно, усваивали их для судебной практики. Судьи, со своей стороны, прислушиваясь к новым веяниям, вносили эти идеи в массу, которая и делала постановления [П.П.-в. Листки из портфеля... 1868].

Следующий этап реформирования судебной системы на Северном Кавказе связан с преобразованиями конца 60-х – начала 70-х гг. XIX в. Они были инициированы судебной реформой 1864 г. в России. Но судебные уставы от 20 ноября 1864 г. распространялись только на русское население Терской и Кубанской областей. При этом «Государственный совет признал лучше оставить на первое время существовавшую уже для горского населения форму судопроизводства, то есть разбор дел ... возложить на окружные горские словесные суды, преобразовав состав их согласно новому назначению» [Эсадзе 1907: 86]. Таким образом, для горского населения значение «самой последовательной буржуазной реформы» было сведено на нет.

В 1869 г. на основании Высочайшего указа, данного Сенату, был образован Нальчикский горский словесный суд. Но уже в 1887 г. поверенные горских обществ, ссылаясь на то, что в этом суде накоплено очень много дел, и они разбираются чрезвычайно медленно, постановили ходатайствовать перед Начальником области об открытии отделения Горского суда на счет обществ: Балкарского, Хуламского, Безенгиевского, Урусбиевского, Чегемского и Гунделеновского. На содержание этого суда горские общества обязались вносить ежегодно с 1888 г. по раскладке 2500 рублей [ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 89. Л. 123]. Таким образом, стало функционировать Временное отделение Нальчикского окружного суда, которое разбирало уголовные и гражданские дела балкарцев. В эту судебную инстанцию от горских обществ избирались один кадий, два депутата и столько же кандидатов в судьи [ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 523. Л. 47 об.]. По данным Ж.А. Калмыкова, Кабардинское отделение Нальчикского окружного суда и Временное отделение работали поочередно, каждое по пятнадцать дней. «Разбор судебных дел, касающихся балкарцев, приурочивали к тому пятнадцатидневному периоду, когда заседали депутаты от Балкарии» [Калмыков 1975: 89]. По сведениям современника, путешествовавшего в 1896 г. по слободе Нальчик, в горском суде работало «два состава: один из кабардинских депутатов, заседающих три недели, для разбора дел кабардинских, а другой – из горских депутатов, заседающих одну неделю в месяц, для разбора тяжб горцев (балкарцев – Е.М.)» [Далгат 1991: 148].

Деятельность Нальчикского горского словесного суда охарактеризовал видный балкарский общественный деятель и публицист Мисост Абаев, некоторое время работавший на различных административных должностях, в том числе переводчиком в Нальчикском окружном полицейском управлении и

начальником второго участка, куда входили Балкарское, Хуламское, Безенгиевское, Чегемское, Урусбиевское общества и селение Гунделен [Биттирова, Сабанчиев 2017: 11, 13]. Отношение его к деятельности этого суда весьма противоречивое. С одной стороны, М. Абаев в 1900 г. писал о том, что «горский суд... по существу своему есть суд народный, решающий дела по народным обычаям, прибегая к законам империи в решении при разборе лишь таких дел, на решение которых не сложился обычай в народе. В суде этом заседают выборные от населения депутаты, ...он является судом совести, и лучшего судебного учреждения для горского населения трудно придумать» [Горец 1900]. С другой стороны, в 1911 г. в историческом очерке «Балкария» он назвал и существенные недостатки этого судебного учреждения. «Депутаты судов последнего периода мало того, что неграмотные и не знают русского языка, но они не знают своих народных обычаев и малоразвитые. Председательствующими назначаются чиновники или офицеры, не знающие языка народов и не имеющие ни малейшего понятия об обычаях и шариате и о самом народе» [Абаев 1911: 626].

В 1912 г. горские словесные суды были специально обследованы Н.М. Бушеном и В.Д. Агишевым. В отношении Балкарии эксперты указали на специфическую практику Нальчикского суда, который решал иногда «многотысячные земельные процессы, касающиеся пользования землями, расположенными в пяти горских обществах Нальчикского округа, территория которых еще не обмежевана; в этих обществах земельный вопрос еще не разрешен в законодательном порядке, но в них искони существует крупная земельная собственность и целая система юридических земельных институтов...» [Агишев, Бушен 1912: 106].

С 70-х гг. XIX в., согласно «Положению о сельских (аульных) обществах в горском населении Терской области», утвержденному наместником Кавказа 30 сентября 1870 г., низовой судебной инстанцией становился аульный суд. Он состоял из судей, избранных общественным сходом. В суде заседали не менее трех человек, а в случае болезни или отсутствия одного из судей место его занимал кандидат. В Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики хранится значительное количество общественных приговоров об избрании аульных судей в Балкарии. Например, типичным является документ, составленный 20 декабря 1892 г. жителями Урусбиевского общества. «Мы нижеподписавшиеся жители Урусбиевского общества ... из числа 346 домохозяев, имеющих право голоса на сходе, быв сего числа на оном в числе 263 человек, составили настоящий приговор ... Мы с общего и непринужденного согласия определили: избрать сельскими судьями... (далее идет перечисление имен и возраста избираемых – Е.М.), избираемые лица под судом и следствием не состояли и ныне не состоят. Постановили: представить настоящий приговор установленным порядком к начальству и просить об утверждении их в означенных должностях. В чем и подписываемся» [ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 42а. Л. 44]. Избранные таким порядком лица утверждались в своих должностях кавказской администрацией, а затем общество через эфенди и в присутствии старшины приводило их к присяге. «Обещаюсь и клянусь

всемогущим Богом, перед святым его Кораном, хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Императору Самодержцу Всероссийскому, честно и добросовестно исполнять свои обязанности принимаемую мною на себя должности и всех относящихся до обязанностей законы и правила, распоряжения и поручения, не превышать предоставленной мне власти и не причинять с умыслом никому ущерба или убытков, а напротив, вверяемые мне интересы ограждать как свои собственные, помятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ перед Богом на страшном суде Его...» [ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 9. Т. 1. Л. 96]. Такого рода присяги записывались и передавались в управление Нальчикского округа, в фондах которого и отложились.

Разбор дел аульные суды проводили словесно по жалобе истца или по требованию старшины и его помощника. Судопроизводство отличалось простотой и отсутствием формальностей. В компетенцию этого суда входило разбирательство споров и тяжб жителей, иск которых не превышал 100 рублей. Самыми распространенными были дела, связанные с нарушением общественного порядка, внутриобщинными земельными спорами и воровством. Аульный суд за означенные проступки приговаривал виновных к удовлетворению обиженных и налагал взыскания. Они могли быть различны: денежные штрафы до 10 рублей, арест до 7 дней, наряд на общественные работы до 6 дней. При этом надо отметить, что последняя мера не могла быть применена к таубиям и караузденям (привилегированные и свободные сословия – Е.М.), а касалась только лиц простого сословия, то есть тех, которые до сословной реформы не были полноправными членами балкарской общины. Налагаемые аульным судом денежные штрафы поступали в аульную общественную сумму. Все дела в таком суде решались на основе существовавшего обычая, а дела совести и бракоразводные – по шариату.

Повседневный контроль за аульным обществом, сбор податей, взыскание с населения штрафов за различные провинности, поддержание порядка во время праздников, оповещение о распоряжениях властей и сборе аульного схода, участие в судебных разбирательствах и исполнении приговора – выполняли наемные бегеулы за определенное содержание [ЦГА КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 183. Л. 20 об.].

Специалисты правомерно сравнивают сельские (аульные) суды горцев с волостными судами Центральной России. Дела, подсудные этим учреждениям, были во многом схожи [Малахова 2001: 241]. Главенствующую роль там играл правовой обычай. Но в отличие от волостных судов, сельские суды не пользовались правом наложения на виновных телесного наказания. Это свидетельствовало о том, что узаконивая определенные виды наказаний, правительство вынуждено было считаться с понятием горцев о личном достоинстве человека.

Новый социально-демографический формат развития

После отмены крепостного права сельская община балкарцев формально стала всесословной. Отныне и бывшие чагары, и патриархальные рабы,

выкупившиеся на свободу, стали считаться полноправными членами общества. Однако сословные перегородки продолжали сохраняться и проявлялись в различных областях общественной жизни и в быту. Один из русских путешественников конца XIX в. писал: «Теперь, после уничтожения крепостного права, такого разграничения между жителями не существует, хотя деление на классы в обиходе наблюдается, и теперь встречаются понятия «высший круг» и «низший круг» [Леонтьев 1897: 134].

Во второй половине XIX в. происходил рост населения балкарских обществ. С 1851 по 1897 г. балкарское население увеличилось с 8870 до 23184 человек, то есть в 2,6 раза [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 190. Л. 3; Первая всеобщая перепись... 1905: 60]. Рост населения шел преимущественно за счет естественного прироста. Приток людей извне был незначительным. Если в первой половине XIX в. пришлое население в основном формировалось за счет людей, купленных в рабство или захваченных в плен в ходе вооруженных столкновений, то во второй половине XIX в. миграционные процессы были связаны с отходничеством и притоком людей из соседних районов на сезонные работы, а также с паломничеством в Мекку. Определенная часть балкарцев переселилась в Турцию во время мухаджирского движения.

Источники позволяют дифференцированно рассмотреть прирост населения в отдельных горских обществах. В Балкарском обществе население увеличилось с 5 до 7,6 тыс. чел.; в Чегемском – с 3 до 4,5 тыс. чел., в Безенгиевском – с 800 чел. до 1,6 тыс. чел.; в Хуламском – с 1150 чел. до 3 тыс. чел. и в Урусбиевском – с 1,3 до 3,7 тыс. чел. [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 439. Л. 10 об.; Труды... 1908: 68-69]. Сравнительно медленное увеличение численности жителей Балкарской и Чегемской общин, вероятно, связано с большим оттоком их населения в другие общества, а также с образованием новых сел для безземельных горцев в предгорных районах в 70-х гг. XIX в.

К этому надо добавить, что число аулов, заключенных в одном ущелье и образующих отдельное общество, непрерывно росло. Если, по данным Н. Забудского, в 1851 г. Балкарское общество включало в себя 14 аулов, то по сведениям за 1896 г. их было уже 23. Число аулов Хуламского общества выросло за этот период с 3 до 5, Чегемского – с 6 до 25, Урусбиевского – с 3 до 21 аула. И только Безенгиевское общество по-прежнему включало в себя 2 аула: Шики и собственно Безенгиевский [Забудский 1851: 130; РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2384. Л. 34-212]. Каждый такой аул объединял от 3 до 100 дворов (редко больше) и входил в состав того общества, на землях которого расположен.

Вместе с тем наибольший удельный вес жителей балкарских обществ приходился именно на поселения с численностью от 500 до 1000 человек, при том, что в конце XIX-начале XX в. эти поселения составляли не более 15% от общего количества. В то же время, в маленьких поселках с численностью до 50 человек, составлявших 12-14% всех населенных мест, проживало в этот период не более 2% всех жителей горских обществ [Геграев 2007].

В 70-х гг. XIX в. все балкарские общества, занимая площадь около 3600 кв. км, имели среднюю плотность населения около 3,8 чел. на 1 кв. км

[Сборник сведений... 1878: III-IV; Списки... 1878].

Надо отметить, что в балкарских обществах и в XIX в. сохранялись пережитки более архаичных форм родовой и семейной общины, причем настолько рельефно, что в 80-х гг. XIX в. список жителей общины составлялся не по аулам, а по родовым группам. Однако в этот период от родовой общины остались только те пережитки, которые не определяли все стороны социально-экономической жизни, а лишь напоминали о былом единстве родов. Таковы совместные поселения членов бывших родов – родовые кварталы внутри сельской общины, родовые тавро, родовые кладбища, строгая экзогамия патронимии, взаимопомощь родственников. Но если родовая община стала в XIX в. лишь пережиточной формой, то семейная община с коллективной собственностью на скот и землю, с коллективным трудом и совместным уравнильным потреблением занимала заметное место в структуре общины. Однако и она претерпевала изменения в течение XIX в. В пореформенный период семейные общины постепенно приходят к упадку, о чем свидетельствуют увеличившееся количество разделов, сокращение численности и поколенного состава большой семьи, изменение их удельного веса. К концу XIX в. основной формой семьи становится малая семья – «аз юйюр», состоявшая от 3-4 до 7-8 человек и включавшая в себя два поколения. По своему внутрисемейному укладу она почти не отличалась от большой.

К 1916 г. численность балкарцев уже превысила 30 тысяч. Мужское население всех балкарских обществ численно несколько превышало женское, что является особенностью демографической ситуации региона. Анализ возрастной структуры по данным 1886 г. показывает, что самую многочисленную группу составляли дети до 10 лет (свыше 30%), возрастная группа от 10 до 20 лет составляла около 20%; от 20 до 60 лет находилась в пределах 40%; лица старше 60 лет составляли от 4 до 7% населения в разных балкарских обществах. Это распределение возрастных групп находит свое подтверждение и в материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Первые сведения об уровне грамотности балкарцев относятся к началу 1860-х гг. и показывают чуть более 0,3% умеющих читать и писать по-русски или по-арабски [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 654. Л. 1-6]. По данным 1886 г., грамотность балкарцев в среднем не превышала полпроцента, а в 1897 г. этот показатель составлял около 1,5% (2,4% – у мужчин и 0,4% – у женщин). Таким образом, несмотря на незначительную его величину, можно говорить о неуклонной тенденции роста числа грамотных среди балкарцев к началу XX в., притом отмечаются более высокие темпы роста арабской грамотности.

Начиная с 70-х гг. XIX века в предгорных районах для безземельных горцев стали создаваться новые селения: Гунделен, Кашхатау, Хасаут, Хабаз и Чижок-Кабак. Переселение части балкарцев из ущелий в предгорья, изменение границ расселения этноса благотворно сказалось не только на экономических условиях жизни балкарцев, но и на росте их народонаселения, на активизации консолидационных процессов. В новых поселках, где в начале XX в. проживала уже четвертая часть балкарского населения, субэтнические различия начали постепенно стираться, обнаружилась перестройка внутрисистемных связей.

Вторая половина XIX – начало XX в. отмечены появлением новой социально-бытовой инфраструктуры в горских обществах. Одним из самых важных событий, разомкнувшим изолированный образ жизни горцев, явилось строительство грунтовых дорог. Запертые в труднодоступных ущельях балкарцы остро нуждались в удобном колесном сообщении с плоскостью. Еще в 1859 г. корреспондент газеты «Кавказ» писал: «Пути сообщения в этих обществах чрезвычайно трудны, а местами и вовсе неудобны, да и в трудных местах можно ехать только верхом на лошади, и то не везде, есть места, где и пешком сообщение трудно» [М. Татарское племя... 1859]. В 1861 году Измаил Урусбиев предпринял попытку построить колесную дорогу по Баксанскому ущелью. Работы велись два года, и к весне 1863 года дорога, протяженностью 60 верст, от аула Урусбиева достигла Кабардинской плоскости [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 42. Л. 18]. В своем донесении Измаил Урусбиев сообщал: «Кроме разработанной дороги, в прошлом году я успел поставить один новый мост через р. Баксан выше аула князя Магомеда Наурузова, после чего уже было несколько колесных подвод с тяжестями из плоскости в наше общество, и горцы до сих пор не понимавшие выгоды этой дороги теперь сплошь запаслись к весне арбами, чтобы с приведением к желаемой цели дороги бросить навсегда свои выюки» [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1105а. Л. 49]. В 1869 г. братья Урусбиевы изъявили желание продолжить дорогу вглубь ущелья до Донгуз Оруна и получили для строительства, порох, железо и необходимый инвентарь [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 33-53].

Источники, датируемые 1864 г., содержат сведения о попытках устройства удобного сообщения с плоскостью и в других горских обществах. Все расходы балкарские общества взяли на себя. «В Чегеме на покупку и ремонт инструмента собрано жителями 500 рублей. Вышло на работу 200 человек, работы производились 40 дней. В Балкарии на покупку и ремонт инструмента собрано 300 руб. Вышло на работу 350 человек, работы производились с 21 мая по 21 июня. Во все время работы рабочие получали продовольствие от жителей по следующему расчету: на каждые 10 человек одного барана и 30 фунтов хлеба в день» [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 244. Л. 38 и об.]. По данным Н.Ф. Грабовского, уже в 1870 г. начальник округа, без особых затруднений, проехал в Урусбий на тарантасе. В Балкарии более половины дороги разработано по ущелью р. Псыган-су, а из Безенги и Хулама она доведена до теснины р. Хуламского Черка. Из Чегема дорога проводилась в Баксанское ущелье [Грабовский 1870: 7].

Терское областное правление отмечало особую важность разработки горных дорог, способствовавших развитию материального благосостояния населения. Строительство удобных путей сообщения исключило бы убытки, связанные с падением навьюченных животных в пропасть, и позволило бы горцам в большом количестве приобретать на базаре и в лавках слободы Нальчик соль, просо, муку, железо, сталь и другие необходимые товары [ЦГА КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 289. Л. 16, 19 и об.]. Начальник Терской области в своем отчете за 1880 г. с пафосом писал: «Путь этот, представляющий ныне свободный доступ в горы, без сомнения в ближайшем будущем поднимет

экономический быт массы горского населения, несколько веков не знавшего другого сообщения с плоскостью кроме вьючного» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 25. Д. 297. Л. 366 об.].

В 80-х гг. XIX в. дорожное строительство получило новый импульс. Для этого на общественных сходах принимали решения о строительстве путей сообщения, соединявших горы с плоскостью, распределяли необходимое количество средств по дворам, заключали договор с подрядчиком. В случае необходимости общество поставляло рабочую силу и обеспечивало работников продовольствием [Документы... 1959: 135-153]. Первыми закончили строительство колесной дороги в горах Хуламское и Безенгиевское общества, пробив путь сквозь неприступные скалы. В 1884 г. и Балкарское общество последовало их примеру. В отчете начальника Терской области за 1884 г. говорилось, что Балкарское общество «обложило себя добровольным налогом от 80 до 100 руб. на каждый двор» [РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4477. Л. 583 об.]. А чиновник из областной администрации в путевых заметках с воодушевлением записал: «Попытка Балкарского горского общества проложить себе дорогу для сообщения с плоскостью – увенчалась полным успехом. Население это, не имея с плоскостью в прежнее время даже порядочной тропы для верховой езды, в настоящее время располагает для колесного сообщения весьма порядочной дорогой, разработанной населением за свой счет» [Кипиани 1884: 4]. Вслед за Балкарским обществом жители Чегемского ущелья также провели с гор на плоскость колесный путь на свои средства.

Формирование социально-бытовой инфраструктуры

Когда в 1868 г. проводилась реформа местного управления, начальнику Горского участка было дано распоряжение найти по одному писарю в каждое общество, «если нельзя из русских, то из грамотных туземцев, на жалование из общественной суммы» [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 14]. Но чаще эту должность при сельском правлении исправлял кто-либо из русских. Многие путешественники отмечали это обстоятельство в своих путевых заметках. Например, Вс. Миллер и М. Ковалевский сообщали, что в Чегемской общине они повстречали одного русского, который уже 8 лет живет там в качестве писаря. «Он уже года через два стал хорошо говорить по-татарски и, по-видимому, вполне освоился в ауле. Живет он при аульном правлении, получая в год 300 руб.» [Миллер, Ковалевский 1884: 583]. В 1890-е гг. о встрече в Чегеме с русским писарем и его женой также упомянул В.Я. Тепцов [Тепцов 1892: 134, 152].

Аульные правления начали строиться в каждом балкарском обществе в связи с циркулярным предписанием от 10 октября 1868 г. В нем, в частности, говорилось: «...построить аульные управления по прилагаемому чертежу, стараясь поставить их против середины аула, постройка управления должна быть произведена обществом, а содержание оных, ремонтное и наем сторожей на аульные денежные средства» [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 9]. В 1869 г. начальник Горского участка отчитывался перед начальством, что в Балкарии, Хуламе и Безенги уже куплены места для постройки аульных

управлений, а в первых двух обществах уже приступили к строительным работам [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 19 об.]. Все горские общества состояли из небольших поселков, и тот поселок, где располагалось правление, считался в общине главным. Е. Баранов, совершивший в начале 90-х гг. XIX в. поездку в Урусбиевское общество отметил, что «правление состояло из двух комнат: одна судейская, другая спальня писаря и канцелярия» [Баранов 1891: 4]. Дополняя это описание, другой современник писал: «Сельское управление помещается в частном доме одного из местных кулаков-богачей... Общественная квартира или «кунацкая» тоже нанимается» [Тепцов 1892: 134]. И хотя на путешественников горский аул производил в целом неблагоприятное впечатление из-за убогих саклей, узких грязных улиц и тесной скученной застройки, тем не менее, в их записках нашли отражение те новые знаковые явления, которые сигнализировали о постепенно меняющемся облике балкарских поселений, и были связаны как с реорганизацией системы местного управления, так и с социокультурными трансформациями внутри горского общества. Постепенно менялось то, что мы называем жизненной средой. Неслучайно один из бытописателей отмечал то огромное впечатление, которое произвело на жителей Урусбиевского общества строительство деревянного домика в европейском стиле. «...Каждый день приходят группы женщин и с удивлением и любопытством осматривают устройство голландских печей, филенчатых дверей с замками, обыкновенных шкафов со стеклами...» [М. И-ев. Урусбиевское общество... 1890: 4].

С 1860-х гг. в горских аулах постепенно налаживается медицинское и ветеринарное обслуживание. Анализ санитарного состояния аулов, здоровья населения и статистика болезней в Балкарии, попадает в медицинские отчеты [ЖС. 1992. № 2. С. 148-153]. В 1863 г. в Урусбиевский аул был командирован окружной медик «для исследования там, на месте о причинах обнаружившейся болезненности и смертности между малолетними детьми и принятия необходимых медико-полицейских мер к прекращению этой болезни» [ЦГА КБР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 22 об.].

В записной книжке М. Ковалевского во время его путешествия по Кавказу в 1885 г. была сделана запись о Хасаутском ауле. «Полтора года, как существует школа, в ней два учителя, учат татарскому языку, учению Корана, учеников 35 человек, только мальчики. Русскому не учат. Я встретил всего двух мальчиков, знавших по-русски, учились в Пятигорской горской школе. Аул существует всего 21 год» [СПб.ФА РАН. Ф. 103. Оп. 1. Д. 319. Л. 18 об.].

С целью религиозного образования в некоторых больших селениях при мечети действовали мусульманские школы – медресе, где мальчиков, а иногда и девочек, обучали арабской грамоте. Это был один из основных каналов распространения исламского вероучения и исламской культуры в горском обществе. Ученики эфенди назывались софты (или сохты). Обычно они собирались из разных селений и жили за счет общества, для этого дети ходили по аулам и собирали себе продовольствие [Тульчинский 1903: 193]. В основном весь курс обучения состоял в заучивании наизусть арабского текста Корана, который не всегда понимался учениками. И когда, наконец, софты

обнаруживали достаточные познания в богословских науках, то они получали звание эфенди. Один из путешественников конца XIX в. отметил, что в Урусбиевском ауле «при мечети обучалось около 15 софт». Учитель веры был из местных жителей, учился в Дагестане, а закончил свое образование в Стамбуле [Леонтьев 1897: 138]. В 1890 г. в балкарских селах было зарегистрировано 20 школ-медресе, в которых обучался 151 человек [Кумыков 1965: 347]. В конце XIX – начале XX в. в примечетских медресе произошли некоторые изменения. На смену простому заучиванию Корана и арабской графики, пришли более современные методики, больше внимания стали уделять изучению естественных наук, религиозной литературы, истории и риторики; повысился уровень образования служителей исламского вероучения. По данным участкового начальника за 1915 г. в балкарских селениях действовало 17 школ-медресе, в них работало 18 учителей и обучалось 164 человека. Эти школы содержались на частные средства [Биттирова 1999: 16].

Надо сказать, что все побывавшие в 1880-е гг. в горских обществах, обращали внимание на красивые, недавно построенные мечети, которые к концу века были практически в каждом населенном пункте [Кипиани 1884: 44]. Причем крупные аулы обзаводились несколькими квартальными мечетями, при наличии главной соборной. «Список населенных мест по сведениям 1874 года» фиксирует мечеть уже практически в каждом балкарском обществе [Списки... 1878]. Первое, на что обратили внимание путешествовавшие по Чегемскому ущелью в 80-х гг. XIX в. академики Вс. Миллер и М. Ковалевский, – это «новая, довольно обширная деревянная мечеть, русской постройки, окруженная крытой галереей» [Миллер, Ковалевский 1884: 558]. Как достопримечательность ее отметил и В.Я. Тепцов, добавив что «вблизи мечети тоже на средства общества, выстроены аульные ватер-клозеты. В них правоверные делают свои омовения из ручья» [Тепцов 1892: 165]. Наиболее интенсивно строительство мечетей в балкарских обществах велось в 1880-90-е гг. Список населенных мест Терской области за 1888 г. фиксирует в Балкарском обществе уже 13 мечетей, в поселке Кашхатау – 1, в Хуламе – 2, в Безенги – 3, в Чегеме-2 и в Урусбиевском обществе 1 мечеть [Казбек 1888: 74-75]. Еще более впечатляющие данные о количестве мусульманских культовых сооружений в балкарских населенных пунктах показывают сведения, собранные в 1896 г. ЦСК МВД. Так, в Балкарском обществе значится 14 мечетей и один молельный дом, в Хуламском – 6, в Чегемском – 13, в Урусбиевском обществе – 1, в Гунделене – 4, в Хасауте – 1 мечеть [РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2384. Л. 34-197]. В целом в Балкарии сложилась ситуация, благоприятная для сохранения, воспроизводства и трансмиссии мусульманской культуры. Этому способствовала и организация хаджа в святые земли.

Что касается светского образования, то сеть министерских школ была сформирована в Терской области только к 1914 г. В балкарских селах находилось всего три начальных учебных заведения. Наряду со школой в Кашкатау, действовавшей с начала XX в., в 1913 г. были открыты еще две – в Урусбиевском и в Хасаутском аулах. В 1915 г. во всех школах Балкарии обучалось только 110 человек [Саблиров 2001: 112].

Новые формы хозяйствования

С 1860-х гг. отмечается проникновение в горское хозяйство товарно-денежных отношений; в балкарских аулах появляются стационарные торговые лавки, постепенно вытесняя меновую торговлю. М. Кипиани, в 1881 г. осматривая селение Чегем, «нашел здесь лавку с красным товаром, где торгует русский человек из Нальчика» [Кипиани 1884: 45]. Естественно, что уровень развития социально-бытовой инфраструктуры в том или ином ауле напрямую был связан с численностью его жителей. Вместе с тем важную роль играло местоположение селения и время его возникновения. По сведениям за 1897 г. в Хасауте имелась 1 мелочная и 1 мануфактурная лавки, в Хуламе – 1 мелочная и 3 временных мануфактурных лавки, в Гунделене – 1 мелочная и 3 мануфактурных лавки, в Урусбиевском поселке – 3 мануфактурных лавки, в Чегеме – 2 мелочные и 7 мануфактурных лавок [РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2384. Л. 34 и об., 67 и об., 114 и об., 115 и об., 196-197].

В 70-х XIX в. Хамзат Урусбиев, изучив швейцарскую технологию производства сыра, открыл в Баксанском ущелье сыроварню, которая «в 1874 г. выработала от 150 коров до 400 пудов швейцарского сыра. Затрудняло дело отсутствие рынков. Урусбиев сдавал сыр на комиссию в Пятигорске в магазине Эрина, а во Владикавказе начал недавно продажу на базаре», – сообщала газета «Терские ведомости» [ТВ. 1875. 9 июля: 2-3]. Это предприятие было закрыто в связи с эпидемией чумы. В 1887 г. Александр Урусбиев возобновил производство сыра «в весьма скромных размерах». Но случаи такой предпринимательской активности были единичны. В начале XX в. в Чегемском обществе Балкароков организовал сыроваренный, а Барасбиев – маслодельный завод, куда население этого общества сбывала часть молока. Отхожим промыслом население не занималось, за исключением жителей Черекского ущелья, которые отправлялись на заработки в другие общества во время уборки сена, а также для устройства каменных изгородей вокруг загонов. Средства к жизни население получало, главным образом, от продажи скота в Закавказье и на рынке слободы Нальчик, кроме того, некоторый доход давала выделка простых сукон и полстей.

В условиях развернувшейся во второй половине XIX – начале XX в. «горнопромышленной лихорадки» в Балкарии началась интенсивная разведка месторождений полезных ископаемых. Еще в начале 1860-х гг. сообщалось об открытии подпоручиком Чекаловым месторождения серебряно-свинцовой руды, находящейся «в горах Большой Кабарды на казенной пустопорожней земле от укр. Нальчика приблизительно верстах в 60-ти» [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 29. Л. 2]. В 1870-х гг. геологическая разведка в горских ущельях велась действительным статским советником Абигом [ЦГА КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 190. Л. 8-9, 27]. Мещанин Житомирской губернии Зейпик Фрахтман и кабардинец Измаил Лиев хлопотали о разрешении добывать каменный уголь на землях, принадлежавшим частным собственникам Балкарукову, Кучукову и Барасбиевым [ЦГА КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 190. Л. 17-18, 40-и об., 57-60]. В конце века Гунделеновское общество предоставило право присяжному поверенному

Ф.И. Тимченко-Ярещенко производить геологическую разведку на своих общественных землях и устраивать технические сооружения для добычи полезных ископаемых [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 29. Л. 29 и об.]. Этот предприниматель получил подобные приговоры также от Хуламского и Чегемского обществ [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 29. Л. 40; Ф. 6. Оп. 1. Д. 427. Л. 3]. Но местная администрация наложила запрет на сдачу в аренду земли и разработку руд в горских обществах. В 1900 г. возникло дело о предоставлении учредителю «Русско-кавказского горнозаводского общества» Вендровскому права «войти в соглашение с жителями обществ селений Балкарского и Безенгиевского» по использованию их земель «под разведку и разработку рудных месторождений» [Крикунова 1961: 69]. Но самое примечательное то, что отдельные представители балкарского народа активно включились в промышленную разработку полезных ископаемых и проявили выдающуюся предприимчивость. Так, источники свидетельствуют о предпринимательской деятельности братьев Муллаевых, занимавшихся «изысканием и разведкой полезных ископаемых в Нальчикском округе в пределах Балкарии» в конце XIX–начале XX в. Студент Харьковского технологического института Магомед Муллаев получил разрешение Хуламского общества на разработку киноварной руды [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 29. Л. 39], а его брат Исхак Муллаев добился от безенгиевцев разрешения производить разведку горных богатств на землях общества, прокладывать для заводских надобностей дороги, ставить мосты, пользоваться силой рек, камнем и песком для построек [Крикунова 1961: 71].

Описанные случаи предпринимательской активности по переработке сельскохозяйственной продукции, в строительстве дорог и разработке полезных ископаемых носили единичный характер. Сохранялось безусловное доминирование традиционных видов деятельности. По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи, в сельском хозяйстве было занято – 90% а в обрабатывающей промышленности и городских промыслах только 1,2% балкарского населения [Первая всеобщая перепись... 1905: 140-141, 146-147].

Новые виды деятельности были освоены только отдельными представителями балкарской элиты, но они сформулировали и вынесли на повестку дня наиболее актуальные вопросы социальной, культурной и экономической жизни горского населения. Под руководством И.А. Урусбиева создан музыкальный кружок, дававший публичные концерты в слободе Нальчик [ЖС. 1991. № 1. С. 133]. В 1908 г. в Нальчикском округе «г. Урусбиевым открыта первая в слободе типография и при ней переплетная мастерская и писчебумажный магазин» [ТВ. 1908. 8 августа. № 172].

Итоги

Итак, в течение XIX в. российское правительство осуществляло административно-судебные преобразования на Северном Кавказе не по шаблону, а с учетом специфики местных условий. Дифференцированный подход применялся даже для отдельных местностей и этнических групп, и балкарские горские общества – тому прекрасный пример. Вводимые

российскими властями административно-судебные институты повторяли социально-правовой ландшафт региона. С одной стороны, это имело некоторые негативные, последствия, так как консервировало архаические социальные структуры местных этносоциальных общностей и затрудняло одновекторное с Россией социально-политическое развитие.

С другой стороны, оценки, высказанные американской исследовательницей Джейн Бербанк в отношении волостных судов Центральной России [Бербанк 2000: 294], могут быть отнесены к горским и аульным судам, действовавшим в Терской области с 70-х гг. XIX в. до 1917 г. Созданная судебная система, основанная на принципе сегрегации и отвечавшая специфическим чертам горского общественного уклада, была в то же время учреждена имперской властью, что приблизило горцев к пониманию статутного государственного права и способствовало развитию чувства гражданственности. Для северокавказских народов это была конструктивная правовая практика, доступное судопроизводство, осуществляемое местными судьями, и, тем не менее, узаконенное государством. Посредством этих институтов горцы могли осуществлять связь с государством, участвовать в официальных процедурах выборов, рассматривать юридические учреждения как средства защиты своих прав.

Само оформление низовой судебно-административной единицы проходило по инициативе государства, которое своими законами определяло основные параметры территориальных общностей, однако этот процесс шел в активном диалоге с местным социумом, внося существенную корректировку в судебно-административное устройство региона. Поэтому его итоги можно расценивать как результат, созданный двусторонними усилиями общества и государства.

С 1860-х гг. можно констатировать складывание в балкарских обществах качественно новой социально-бытовой инфраструктуры, включавшей такие несвойственные для горских поселений начала XIX в. элементы, как колесные дороги, медицинское обеспечение, образовательные учреждения, культовые мусульманские сооружения, административные и общественные здания, торговые и промышленные заведения. Развитие инфраструктуры усиливало эффективность механизмов воздействия государства на традиционные институты самоорганизации. Основными каналами влияния на локальное сообщество становились местное чиновничество, инкорпорированные органы самоуправления и хозяйственная практика.

Изолированность горских обществ была нарушена участвовавшими экскурсиями с познавательными и научными целями. Определенная предпринимательская активность в удаленных ущельях внесла свежую струю в замкнутый традиционный образ жизни. Тем не менее, масштабы включения горского населения в систему всероссийского рынка оставались весьма ограниченными. Балкарцы втягивались в рыночные отношения почти исключительно через реализацию продуктов традиционных промыслов и животноводства.

Источником исторической динамики балкарского общества, тех

трансформаций, которые оно претерпело на протяжении XIX – начала XX в., стала политика Российского государства на Кавказе и его воздействие на внутреннюю жизнь местных обществ. Постепенно горская община приобретала все более «открытый», «разомкнутый» характер. Одновременно с этим, благодаря переселенческой политике администрации существенно расширился ареал расселения горцев. Возник пояс балкарских поселений в предгорьях как бы соединяющий выходы из ущелий и придающий им территориальную целостность. Общество выходило за пределы локальных общин, приобретая собственный социетальный масштаб, соответствующий новым этническим границам. Сами понятия «Балкария» и «балкарцы», ранее относившиеся только к одному из горских обществ получают в начале XX в. свое современное наполнение. Более точный поиск той грани, за которой социальная история должна превратиться в историю общества представляется важной задачей изучения истории Балкарии XX века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1911 – *Абаев М.К.* Балкария: Исторический очерк // Мусульманин (Париж). – 1911. – № 14-17. – С. 586-627.

Агишев, Бушен 1912 – *Агишев Н.М., Бушен В.Д.* Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. – СПб.: Сенатская типогр., 1912. – 288 с.

АКАК 1904 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. XII. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.

Баранов 1891 – *Баранов Е.* Поездки в Урусбиевское общество горских татар // Терские ведомости. – 1891. – № 56. – С. 4.

Бербанк 2000 – *Бербанк Дж.* Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция: перспективы начала XX в. // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. – Самара: Самар. ун-т, 2000. – С. 269-298.

Биттирова 1999 – *Биттирова Т.Ш.* Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев. – Карачаевск: изд-во КЧГПУ, 1999. – 66 с.

Биттирова, Сабанчиев 2017 – *Биттирова Т.Ш., Сабанчиев Х.-М.А.* Мисост Кучукович Абаев // Мисост Абаев: историк, публицист, общественный деятель. – Нальчик: Печатный двор, 2017. – С. 5-34.

Геграев 2007 – *Геграев Х.К.* Особенности процессов естественного воспроизводства населения Балкарии в конце XIX – начале XX века // Перспектива-2007: Материалы Международного конгресса студентов, аспирантов и молодых ученых. – Нальчик: КБГУ, 2007. – Т.1. – С. 20-27.

Горец 1900 – *Горец.* Горцы Нальчикского округа // Каспий (Баку) – 1900. – № 46.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.3. – Тифлис, 1870. – Отд. IV. – С. 1-28.

Далгат 1991 – *Далгат Б.К.* Слобода Нальчик (Отрывок из дневника туриста) // Живая старина. – 1991. – № 1. – С.146-150.

Документы... 1959 – *Документы* по истории Балкарии. 40-90-е гг. XIX в. / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Каб-Балк. кн. изд-во, 1959. – 262 с.

ЖС – Живая старина (журнал).

Забудский 1851 – *Забудский Н.* Военно-статистическое обозрение Российской империи. Ставропольская губерния. – СПб.: Тип-я Департамента Генштаба, 1851. – 274 с.

Казбек 1888 – *Казбек Г.Н.* Военно-статистическое описание Терской области: в 2-х ч. – Тифлис: Изд-во Кавказ. воен. округа, 1888. – Ч. 1. – 412 с.

Калмыков 1975 – *Калмыков Ж.А.* Из истории судебных учреждений в дореволюционной Кабардино-Балкарии (1890-1917 гг.) // Известия северокавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – 1975. – № 1. – С.87-92.

Кипиани 1884 – *Кипиани М.З.* От Казбека до Эльбруса: Путевые заметки о нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Типография Тер. обл. правл., 1884. – 47 с.

Крикунова 1961 – *Крикунова Е.О.* К истории промышленной разработки минеральных богатств в Кабардино-Балкарии // Краеведческие записки. – Вып. 1. – Нальчик: Каб-Балк. кн.изд-во, 1961. – С.64-74.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – 420 с.

Леонтьев 1897 – *Леонтьев И.* Поездка к Баксанскому леднику // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1897. – Вып. 22. – Отд. 2. – С. 119-162.

М. И-ев. Урусбиевское общество... 1890 – *М. И-ев. Урусбиевское общество.* Нальчикский округ // Терские ведомости. – 1890. – 24 июня. – № 51. – С.4.

М. Татарское племя... 1859 – *М. Татарское племя* на Кавказе // Кавказ. – 1859. – № 91.

Малахова 2001 – *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX вв. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2001. – 400 с.

Миллер, Ковалевский 1884 – *Миллер Вс., Ковалевский М.М.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. – 1884. – Т.2. – Кн. 4. – С. 540-588.

П.П.-в. Листки из портфеля... 1868 – *П.П.-в. Листки из портфеля служащего* // Терские ведомости. – 1868. – № 14.

Первая всеобщая перепись...1905 - *Первая всеобщая перепись* населения Российской империи 1897 г. Терская область / Под ред. Н.А. Троицкого. – Т. 68. – СПб., 1905. – 236 с.

Положение об управлении... 1865 – *Положение об управлении* Терской областью. 29 мая 1862 года // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. XXXVII. – № 38326. – Отд.1. – СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1865. – С. 497-502.

Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война: в 5 т. Т. 2: Ермоловское время. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – 688 с.

Пространство власти... 2001 – *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности* / Науч. ред. Ананьич Б.В., Барзилов С.И. – М.: Москов. обществ. науч. фонд, 2001. – 511 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Россия и народы... 2018 – *Россия и народы* Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 268 с.

Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX-начале XX вв. – Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. – 232 с.

Сборник сведений... 1878 – *Сборник сведений* о Кавказе: в 9 т. Т. 4 / Под ред. Н. Зейдлица. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. – С. III-IV.

СПб. ФА РАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.

Списки... 1878 – *Списки* населенных мест Кавказского края. – Вып. 1. Терская область: список населенных мест по сведениям 1874 года / Сост. Н Зейдлицем. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. – 83 с.

ТВ – Терские ведомости (газета).

Тепцов 1892 – *Тепцов В.Я.* По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1892. – Вып.14. – С. 59-212.

Труды... 1908 – *Труды* комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Электропечатня Н.К. Григорьева, 1908. – 372 с.

Тульчинский 1903 – *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. – Владикавказ, 1903. – Вып. 5. – С. 152-216.

Хлынина и др. 2012 – *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 272 с.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

Эсадзе 1907 – *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом: в 2-х т. Т.2. – Тифлис: тип. «Гуттенберг», 1907. – 246 с.

REFERENCES

АБАЕВ М.К. *Balkariya. Istoricheskii ocherk* [Balkaria: Historical essay]. IN: Musul'manin (Paris). – 1911. – No 14-17. – P. 586-627. (In Russian)

AGISHEV N.M., BUSHEN V.D. *Materialy po obozreniyu gorskikh i narodnykh sudov Kavkazskogo kraya* [Materials on the review of the mountain and people's courts of the Caucasus region]. – SPb.: Senatskaya tipografiya, 1912. – 288 p. (In Russian)

АКАК – *Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: V 12 t. T. 12* [Acts, collected by the Caucasian Archeographic Commission: in 12 vols. Vol. 12]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russian)

BARANOV E. *Poezdki v Urusbievskoe obshchestvo gorskikh tatar* [Trips to the Urusbiev Society of Mountain Tatars]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1891. – No 56. – P. 4. (In Russian)

BITTIROVA T.Sh. *Religioznaya kul'tura i literatura karachaevo-balkartsev* [Religious culture and literature of Karachay-Balkars]. – Karachaevsk: izd-vo KChGPU, 1999. – 66 p. (In Russian)

BITTIROVA T.Sh., SABANCHIEV Kh.-M.A. *Misost Kuchukovich Abaev* [Misost Kuchukovich Abaev]. IN: *Misost Abaev: istorik, publitsist, obshchestvennyi deyatel'* [Misost Abaev: historian, publicist, public figure]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2017. – P. 5-34. (In Russian)

BURBANK J. *Pravovaya kul'tura, grazhdanstvo i krest'yanskaya yurisprudentsiya: perspektivy nachala XX v.* [Legal culture, citizenship and peasant jurisprudence: prospects of early XX century]. IN: *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period: Antologiya* [American Russian Studies: Milestones in the Historiography of Recent Years. The Imperial Period: Anthology]. – Samara: Samar. un-t, 2000. – P. 269-298. (In Russian)

DALGAT B.K. *Sloboda Nalchik (Otryvok iz dnevnika turista)* [Sloboda Nalchik (Fragment from the diary of a tourist)]. IN: *Zhivaya starina*. – 1991. – No. 1. – P. 146-150. (In Russian)

Dokumenty po istorii Balkarii. 40-90-e gg. XIX v. / Sost. E.O. Krikunova [Documents on the history of Balkaria. 40-90 years of 19th century. Comp. E.O. Krikunova]. – Nalchik: Kab-Balk. kn. izd-vo, 1959. – 262 p. (In Russian)

ESADZE S.S. *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom: v 2-h t. T. 2* [Historical note on the administration of Caucasus: in 2 vols. Vol. 2]. – Tiflis: Tip. «Guttenberg», 1907. – 246 p. (In Russian)

GEGRAEV Kh.K. *Osobennosti protsessov estestvennogo vosproizvodstva naseleniya Balkarii v kontse XIX – nachale XX veka* [Characteristics of the Balkaria's population natural reproduction in the late 19th – early 20th century]. IN: *Perspektiva-2007: Materialy Mezhdunarodnogo kongressa studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Perspectives – 2007: Proceedings of the International congress of students, postgraduates and young scientists]. – Nalchik: KBGU, 2007. – Vol. 1. – P. 20-27. (In Russian)

- GOSETS. *Gortsy Nalchikskogo okruga* [Highlanders of the Nalchik District]. IN: *Kaspii*. – 1900. – No 46. (In Russian)
- GRABOVSKII N.F. *Ehkonomicheskoe polozhenie byvshikh zavisimykh soslovii Kabardinskogo okruga* [Economic conditions of former dependent estates of Kabardian district]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh: v 12 t.* [Collection of reports on Caucasian mountaineers: In 12 vols.]. – Vol. 3. – Tiflis, 1870. – Section IV. – P. 1-28. (In Russian)
- KALMYKOV Zh.A. *Iz istorii sudebnykh uchrezhdenii v dorevolyutsionnoi Kabardino-Balkarii (1890-1917 gg.)* [From the history of judicial institutions in the pre-revolutionary Kabardino-Balkaria (1890-1917)]. IN: *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the North Caucasus Scientific Centre for Higher Education. Social Sciences]. – 1978. – No 2. – P. 6-11. (In Russian)
- KAZBEK G.N. *Voенно-statisticheskoe opisanie Terskoi oblasti: V 2-kh ch.* [Military statistical review of the Terek region: In 2 parts]. – Tiflis: Izd-vo Kavkaz. voen. okruga, 1888. – Part 1. – 412 p. (In Russian)
- KHLYNINA T.P., KRINKO E.F., URUSHADZE A.T. *Rossiiskii Severnyi Kavkaz: istoricheskii opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona* [Russia's North Caucasus: historical experience of governing and making of the region's boundaries]. – Rostov on Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2012. – 272 p. (In Russian)
- KIPIANI M.Z. *Ot Kazbeka do El'brusa: Putevye zametki o nagornoj polose Terskoi oblasti* [From Kazbek to Elbrus: Travel notes on the highlands of the Terek region]. – Vladikavkaz: Tipografiya Ter. obl. pravl., 1884. – 47 p. (In Russian)
- KRIKUNOVA E.O. *K istorii promyshlennoi razrabotki mineral'nykh bogatstv v Kabardino-Balkarii* [On the history of the industrial development of minerals in Kabardino-Balkaria]. IN: *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes]. – Vol. 1. – Nalchik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1961. – P. 64-74. (In Russian)
- KUMYKOV T.KH. *Ekonomicheskoe i kulturnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX v.* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the XIX century]. – Nalchik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1965. – 420 p. (In Russian)
- LEONTE'V I. *Poezdka k Baksanskomu ledniku* [A trip to the Baksan glacier]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. – Tiflis, 1897. – Iss. 22. – Section 2. – P. 119-162. (In Russian)
- M. I-EV. *Urusbievskoe obshchestvo Nalchikskii okrug* [Urusby society. Nalchik district]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1890. – June 24. – No 51. – P. 4. (In Russian)
- M. *Tatarskoe plemya na Kavkaze* [Tatar tribe in the Caucasus]. IN: *Kavkaz*. – 1859. – No 91. (In Russian)
- MALAKHOVA G.N. *Stanovlenie i razvitie rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII-XIX vv.* [The forming and development of Russian public administration in the North Caucasus in the end of 18th – 19th centuries]. – Rostov on Don: Izd-vo SKAGS, 2001. – 400 p. (In Russian)
- MILLER Vs.F., KOVALEVSKII M.M. *V gorskikh obshchestvakh Kabardy* [In the mountain societies of Kabarda]. IN: *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. – 1884. – Vol. 2. – Book 4. – P. 540-588. (In Russian)
- P.P.-V. *Listki iz portfelya sluzhashchego* [Leaflets from the clerk's portfolio]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1868. – No 14. (In Russian)
- Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Terskaya oblast' / Pod red. N.A. Troitskogo* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897. Terek Region. Ed. by N.A. Troitsky]. – Vol. 68. – SPb., 1905. – 236 p. (In Russian)
- Polozheniye ob upravlenii Terskoy oblast'yu. 29 maya 1862 goda* [Standing order on the rule of the Terek region. May 29, 1862]. IN: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Vtoroe. T. XXXVII. Otd. 1. № 38326*. [Complete collection of the laws of Russian empire. Second

collection]. – Vol. XXXVII. – Section I. – No 38326. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1865. – P. 497-502. (In Russian)

POTTO V.A. *Kavkazskaya voina. Ermolovskoe vremya* [Caucasian war. Ermolov time]. – Vol. 2. – Stavropol': Kavkazskii krai, 1994. – 688 p. (In Russian)

Prostranstvo vlasti: istoricheskii opyt Rossii i vyzovy sovremennosti / Nauch. red. Anan'ich B.V., Barzilov S.I. [Area of power: historical experience of Russia and challenges of modernity. Ed. by Ananyich B.V., Barzilov S.I.]. – Moscow: Moskov. obshchestv. nauch. fond, 2001. – 511 p. (In Russian)

RGIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [the Russian State Historical Archive]

RGVIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [the Russian State Military Historical Archive].

Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu [Russia and the peoples of the North Caucasus in the sixteenth – mid nineteenth centuries: sociocultural distance and movement towards state and political unity]. – Nalchik: IGI KBNTs RAN, 2018. – 268 p. (In Russian)

SABLIROV M.Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX-nachale XX vv.* [The culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late XIX – early XX centuries]. – Nalchik: Adyge kheku, 2001. – 232 p. (In Russian)

Sbornik svedenii o Kavkaze / pod red. N. Zeidlitsa [Collection of reports on Caucasus: in 9 vols. Vol. IV. Ed. by N. Zeidlitz]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1878. – P. III-IV. (In Russian)

SPbFA RAN – *Sankt-Peterburgskij filial arhiva Rossijskoj akademii nauk* [St. Petersburg branch of the archive of Russian Academy of Sciences].

Spiski naseleennykh mest Kavkazskogo kraja. V. 1. Terskaya oblast': spisok naseleennykh mest po svedeniyam 1874 goda / Sost. N Zeidlitsem [Lists of settlements of the Caucasus region. Vol. 1. Terek region: a list of settlements according to 1874. Comp. N. Seidlitz]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1878. – 83 p. (In Russian)

TEPTSOV V.Ya. *Po istokam Kubani i Tereka* [At the origins of the Kuban and Terek]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of materials to describe the localities and tribes of the Caucasus]. – Tiflis, 1892. – Issue 14. – P. 59-212. (In Russian)

Trudy komissii po issledovaniju sovremennogo polozhenija zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya v Nagornoj polose Terskoj oblasti [The proceedings of the Commission to study the present situation of land tenure and land use in the mountainous strip of the Terek region]. – Vladikavkaz: Elektropechatnya N.K. Grigor'eva, 1908. – 372 p. (In Russian)

TsGA KBR – *Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [The Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic].

TsGA RSO-Alaniya – *Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania].

TULCHINSKII N.P. *Pyat gorskikh obshchestv Kabardy* [Five Mountain Societies of Kabarda]. IN: *Terskii sbornik* [Tersky Collection]. – Vladikavkaz, 1903. – Issue 5. – P. 152-216. (In Russian)

TV – *Terskie vedomosti* (newspaper). (In Russian)

ZABUDSKII N. *Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii. Stavropol'skaya guberniya* [Military Statistical Review of the Russian Empire. Stavropol province]. – SPb.: Tip. Departamenta Genshtaba, 1851. – 274 p. (In Russian)

Zh S – *Zhivaya starina* (journal). (In Russian)

УДК 94(47)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-37-54

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В
УСЛОВИЯХ ИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (ШКОЛЬНЫЙ ВОПРОС
НА СЪЕЗДАХ ДОВЕРЕННЫХ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА В
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX в.)¹**

Д.Н. ПРАСОЛОВ

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»*

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Аннотация. Съезды доверенных – самобытный институт окружного самоуправления кабардинцев и балкарцев, регулярно функционировавший под контролем коронной администрации в последней трети XIX – начале XX в. Представители сельских обществ неоднократно обращались к рассмотрению школьного вопроса, который включал несколько аспектов, связанных с возможностями получения школьного образования кабардинцами и балкарцами, в том числе и на уровне аульных школ (училищ). Однако в 1878 и 1907 гг. съезды доверенных составляли приговоры об упразднении аульных школ. Обстоятельства принятия этих постановлений и их последствия были различными, а их анализ позволяет увидеть в формах обсуждения и способах решения школьного вопроса особенности просветительских практик и интеллектуальной культуры коренного населения Нальчикского округа. Выявляется определенная эволюция просветительской деятельности местного самоуправления, объясняемая расширением доступа кабардинцев и балкарцев к образованию, культуртрегерскими инициативами региональных властей и представителей национальной интеллигенции. Вместе с тем проявилась ограниченность возможностей местного образования, в первую очередь, ее начальной ступени – аульных школ, обусловленная трудностями в освоении русскоязычной программы обучения, отсутствием образовательных практик на родном языке, а также предрассудками традиционной этноконфессиональной среды, ориентированной на замкнутость и неприятие культурных новаций, представлявших угрозы традиционалистской социокультурной самоорганизации. Закрепление дифференциации просветительских стратегий немногочисленной образованной части общества с необразованным большинством, способствовало нарастанию культурных дистанций внутри этнических сообществ и сохранению трудностей их преодоления. Съезды доверенных, регулярно принимавшие решения по софинансированию образования кабардинцев и балкарцев в учебных заведениях в Нальчике или за пределами округа, но лишь эпизодически обращавшихся к проблемам аульных школ, не способствовали разрешению выявленных противоречий.

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России». Подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление». Проект «Исторический опыт и актуальные проблемы интеграции культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство: Северный Кавказ».

Ключевые слова: кабардинцы; балкарцы; Нальчикский округ; Терская область; съезд доверенных; местное самоуправление; аульские школы; Нальчикская горская школа; Кабардинская общественная сумма; особое мнение; интеллектуальная культура.

EDUCATIONAL PRACTICES AND INTELLECTUAL CULTURE OF THE NORTH CAUCASIAN INDIGENOUS POPULATION WITHIN THE CONTEXT OF IMPERIAL MODERNIZATION (SCHOOLING QUESTION AT THE MEETINGS OF ENTRUSTED DEPUTIES OF THE NALCHIK DISTRICT IN THE LAST THIRD OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES)

D.N. PRASOLOV

*Institute of humanitarian researches – branch of FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: dmprasolov@gmail.com*

Abstract. Congress of entrusted – an original institution of district self-government of Kabardinians and Balkars, regularly functioning under the control of the Russian administration in the last third of the 19th – beginning of the 20th centuries. Representatives of rural societies have repeatedly turned to the school issue, which included several aspects related to the possibility of getting a school education by Kabardians and Balkars, including at the level of aul schools. However, in 1878 and 1907. congress of entrusted drew up sentences on the abolition of aul schools. The circumstances of the adoption of these decisions and their consequences were different, and their analysis allows us to see in the discussion forms and ways of solving the school issue the features of educational practices and intellectual culture of the indigenous population of the Nalchik district. A certain evolution of the enlightenment activity of local self-government is revealed, explained by the increased access of Kabardians and Balkars to education, cultural and treger initiatives of regional authorities and representatives of the national intelligentsia. At the same time, the limited possibilities of local education, first of all, of its initial stage – aul schools, appeared due to difficulties in mastering the Russian-language curriculum, lack of educational practices in the native language, as well as prejudices of the traditional ethno-confessional environment, focused on isolation and rejection of cultural innovations, represented by threats of traditionalist sociocultural self-organization. The consolidation of the differentiation of educational strategies of a small educated part of society with an uneducated majority contributed to the growth of cultural distances within ethnic communities and the persistence of difficulties in overcoming them. Trusted congresses, regularly making decisions on co-financing the education of Kabardians and Balkars at educational institutions in Nalchik or outside the district, but only occasionally addressing the problems of aul schools, did not contribute to resolving the revealed contradictions.

Keywords: Kabardians; Balkars; Nalchik district; Terek oblast'; Congress of entrusted; local self-government; aul schools; Nalchik mountain school; Kabardian public sum; dissenting opinion; intellectual culture.

Школьный вопрос в повестке съездов доверенных понимается как общественное обсуждение и содействие получению начального образования кабардинцами и балкарцами. Различные аспекты этой проблемы прежде всего были связаны с распределением средств на обучение из Кабардинской общественной суммы [далее – КОС]. Этот финансовый институт сложился со

второй четверти XIX в. на основе отчислений от судебных и административных штрафов [УЦГА АС КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 131], а также от дохода за вывоз леса из предгорных районов [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 23-24, 30-31]. Первоначально капиталом распоряжался начальник Центра Кавказской линии и подконтрольный ему Временный кабардинский суд. В 1859 г. для упорядочения использования общественного капитала Кавказский наместник кн. А.И. Барятинский утвердил специальные «Правила об управлении кабардинской общественной суммы» [ЦГА КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 5. Л. 94 об; ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 704. Л. 53]. Контроль за движением средств поручался «особому казначею на первый раз из русских обер-офицеров с добавочным жалованьем 150 руб. на счет этой суммы», с условием, «когда отыщутся между туземцами офицеры, способные к несению этой должности, предоставить народу выбор из них» [ЦГА КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 5. Л. 4].

Еще до введения «Положения...» из общественного капитала расходовались некоторые средства на нужды местного образования. Например, в 1841 г. представители кабардинского общества высказывали предложение учредить и содержать на средства общественной суммы училище в Нальчике [Народное образование... 2001: 30], которое, однако, так и не было открыто. В 1850-х гг. из КОС финансировалось содержание Кабардинской школы в Нальчике [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 102] и, в том числе, ежемесячные «квартирные выплаты» по 5 руб. школьному инспектору Кабардинской школы поручику Кильчевскому [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 39]. В 1860 г. составители проекта устава учреждаемых Горских школ ссылались на положительный пример общественного финансирования, который обеспечивал обучение «25 детей Кабардинских князей и узденей» [АКАК 1904: 659]. В 1860-х гг. из КОС регулярно выделялись средства на софинансирование Горской школы [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 57. Л. 5] и даже женской школы в Нальчике [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 1-3; Ф. 2. Оп. 1. Д. 279. Л. 44], где не обучались кабардинские и балкарские девочки. Финансовая помощь обучающимся могла также выражаться в выдаче «прогонных денег» на проезд до места обучения. Например, в 1858 г. на отправку в Ставропольскую гимназию Карашая Куденетова и Султанбека Абаева было выделено 52 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 36-36 об.]. Одними из первых получателей стипендий из КОС на образование за пределами Кабардинского округа стали Фуза Шакманова и Ханифа Абаева, обучавшиеся с 1862 г. в пансионе имени Св. Нины в Тифлисе [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 547. Л. 3]. В тот же период отсутствие материальной поддержки со стороны администрации и общества, по мнению Т.Х. Кумыкова, стали одной из причин скоростного закрытия педагогических курсов для подготовки аульских учителей, организованных Кази Атажукиным в Нальчике в 1866-1867 гг. [Кумыков 2001: 211].

Имеющиеся источники позволяют говорить, что съезды доверенных стали участвовать в санкционировании расходов из Кабардинской общественной суммы не раньше второй половины 1860-х гг. Тем не менее «общенародность» капитала была привычным речевым оборотом в

делопроизводстве съездов доверенных, в том числе и по вопросам местного образования. В 1879 г., обращаясь к начальнику Терской области по поводу предоставления нового здания Горской школе, 147 доверенных ходатайствовали о передаче учебному заведению «каменного здания № 7» с условием содержать его «на свою народную обязанность». До 1875 г. это помещение занимал начальник Центра Кавказской линии, а затем начальник округа. В обосновании отмечалось: «на постройку этого здания была употреблена часть нашей народной штрафной суммы; камень, из которого построено это здание, вывозился средствами нашего кабардинского народа и добыт из наших общественных дач» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 67. Л. 4]. По наблюдениям современника, в 1878 г. Горская школа располагалась в «доме начальника округа и помещение это более чем роскошное, ему могут позавидовать многие наши прогимназии» [Остряков 1879: 699].

20 декабря 1875 г. «почетные жители Большой и Малой Кабарды и горских обществ по доверенности от народа», составили приговор, которым, учитывая «безвыходное положение нашей единоплеменницы девицы Фузы Шакмановой, определенной в малолетстве по желанию родителей и народа в заведение св. Нины и окончившей в оном курс в 1873 году, ныне оставшейся сиротою без всяких средств к жизни», по настоянию начальника округа продлили ей ежегодное пособие в 300 руб. «впредь до выхода ее в замужество» [УЦГА АС КБР. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 49, 50]. Это решение, очевидно, было связано с другой просветительской инициативой. Немногим ранее, в феврале 1875 г. доверенные от всех кабардинских обществ обратились к начальнику Пятигорского округа В. Мазаракий с просьбой «об открытии в аулах школ для обучения их детей русской грамоте» [Народное образование... 2001: 93], которые начали работу осенью того же года.

В 1876 г. "совершенно секретно" сообщая в канцелярию начальника Терской области сведения о народных школах и сельских учителях, начальник Пятигорского округа, упоминал о трех «весьма усердных и благонамеренных» учительницах в аулах Кабарды: в Шардановом девица Елизавета Мазаракий, в Куденетово 1-м девица Фуза Шакманова и в Кучмазукино княгиня Г. Уракова [УЦГА АС КБР. Ф.3. Оп.1. Д.237. Т.2. Л. 350].

В январе 1877 г. газета «Кавказ» позитивно отзывалась об организации школьного дела в Пятигорском округе, отметив, что, Е. Мазаракий не владея кабардинским языком, учит при помощи переводчика – одного из бывших учеников Нальчикской [Горской] школы. Также сообщалось, что 15 выпускников последней заявили желание записаться на педагогические курсы, организованные при Горской школе, чтобы впоследствии занять места аульных учителей [Учебное дело... 1877]. Условия обучения «на общественный счет» предполагали последующую обязательную трехлетнюю службу выпускников курсов в должности аульных учителей [ЦГА РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1019. Л. 13 об]. Однако последовавшее решение съезда доверенных произвело неожиданный поворот в развитии школьного дела в Кабарде.

18 декабря 1877 г. доверенные от Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ приняли следующий приговор: «Обсудив сего числа в полном

нашем собрании вопрос об аульных школах, введенных в 1875 г. в аулах Кучмазукина, Куденетова 1-го и Шалушкинском, нашли:

1. на содержание означенных трех школ употреблено денег, собранных с народа до девяти тысяч рублей;

2. Ходившие в школы в течение всего времени мальчики не показали успехов в изучении и понимании русской грамоты и на будущее время не могут сказать успехов по отдельности аулов;

3. употребленная на содержание школ сумма затрачена бесполезно

4. Таковой сбор с народа слишком обременителен, а потому постановили: просить разрешения г. начальника Терской области о закрытии с 1 января будущего 1878 года означенных аульных школ и об учреждении взамен оных ремесленного отделения при нальчикской окружной Горской школе с увеличением числа воспитанников из кабардинцев и горцев сверх положенного ныне штата, для какового учреждения обязываемся вносить ежегодно, начиная с будущего 1878 года, по девяти сот рублей сбором от народа» [УЦГА АС КБР. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 9-9об.].

В исследованиях по истории образования в Кабарде и Балкарии обстоятельства данного решения не рассматривались. Т.Х. Кумыков писал об открытии трех школ в 1875 г., и вкратце замечает, что «они перестали существовать ввиду того, что начальник Пятигорского округа Полозов отказался поддержать учителей и деятельность школы» [Кумыков 2002: 357]. В монографии М.З. Саблирова закрытие школ упоминается как известный факт, но подробности этого события не освещаются [Саблиров 2001: 110]. Однако в составленном им же тематическом сборнике документов приведен большой корпус источников, характеризующих процесс учреждения и закрытия трех аульных школ [Народное образование... 2001: 73-103].

В ходе проверки деятельности школы выяснилось существенное превышение необходимых расходов на аульные школы и явные упущения в организации их работы со стороны прежнего начальника Пятигорского округа В. Мазаракий. Его дочь в числе трех учительниц получала ежегодное жалованье 350 руб. и еще 150 руб. на переводчика. Также подверглось критике «бесконтрольное положение учительниц, позволявших себе праздновать и магометанские, и православные праздники», что ограничивало учебный год до 40 дней и, разумеется, не могло привести к заметным познавательным успехам учеников. В августе 1877 г. эти упущения были устранены дирекцией народных училищ Терской области назначением учителями кабардинцев, окончивших курс в специальном классе Налчикской окружной школы, с назначением им 300 руб. жалованья [Народное образование... 2001: 95-96]. Тем не менее новый начальник Пятигорского округа, И. Полозов, несмотря на протест дирекции народных училищ Терской области, присутствуя на съезде доверенных в декабре 1877 г., заверил приговор о ликвидации аульных школ и представил его на утверждение в управление области [Народное образование... 2001: 93-94].

Дирекция народных училищ Терской области в заочной полемике с кабардинскими доверенными возражала некоторым из положений приговора, в том числе, аргументируя целесообразностью повышения грамотности для

самих же доверенных. Начальнику области предлагалось пересмотреть принятое решение. При этом в докладе о возникшей ситуации цитировался какой-то еще документ съезда доверенных: «Предположение, высказанное уполномоченными кабардинских обществ в приговоре о том, «что изучение и понимание русской грамоты учениками аульных школ и в будущем недостижимо по причине отдаленности аулов от русских селений и невозможности поэтому иметь практику в разговоре по-русски», крайне неосновательно... самый приговор кабардинских обществ служит убедительнейшим доказательством необходимости распространения в горском населении грамотности вообще, а русской в особенности, хотя бы даже для того, чтобы представители горских обществ умели подписывать свои приговоры вместо прикладывания печаток, постановки чернильных пятен или размазывания чернильных точек пальцами» [Народное образование... 2001: 96].

Тем не менее начальник Терской области утвердил приговор. В январе 1878 г. новый начальник Пятигорского округа И. Полозов вызвал учителей и приказал им прекратить занятия в школах [ЦГА РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1019. Л. 7-7 об.], хотя совершать такие действия он мог только по согласованию с Дирекцией народных училищ.

Настаивая на правильности принятого решения, в феврале 1878 г. начальник Терской области особо указывал, что приговор доверенных обоснован «после всех тех расходов и потерь, которые пришлось понести кабардинскому обществу по случаю войны» (имеется ввиду снаряжение Кабардино-Горского конного иррегулярного полка для участия в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. – *Д.П.*). Далее следовало резкое заключение, вызванное оппозицией региональных школьных властей: «По выразившемуся направлению нынешней дирекции народных училищ Терской области, всякая народная школа в Кабарде может быть только рассадником идей своеволия и беспорядка» [Народное образование... 2001: 98].

Конфликт между Терскими школьными властями и администрацией обострился до того, что директор народных училищ был отчитан начальником области за «наклонность к пререканиям с местной в Пятигорском округе полицейской властью, пререканием крайне неуместным и подрывающим в среде кабардинского юношества основные начала дисциплины и порядка». Далее следовало предупреждение, что в условиях действовавшего в области военного положения, в случае дальнейшего несоблюдения служебной субординации, он может быть выслан из края [ЦГА РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1019. Л. 14].

Рассмотренная ситуация также может рассматриваться как пример конфликта интересов, возникшего в связи со сменой окружной власти. Новый начальник округа И. Полозов, использовал просчеты и злоупотребления своего предместника И. Мазаракий для самоутверждения на новом посту, даже несмотря на устранение школьными властями проблем в организации трех аульных школ. Акцентировав внимание на чрезмерности расходов по содержанию школ, И. Полозов спровоцировал отрицание обыденной

рациональностью доверенных целесообразности начального школьного образования. Представители кабардинских обществ стали инструментом административных манипуляций, что свидетельствовало о существенной значимости в местном самоуправлении фактически председательствующего на съезде доверенных начальника округа.

Помимо уже перечисленных, в качестве частной причины единодушия съезда доверенных в упразднении аульных школ, нельзя исключать и гендерные предрассудки. Для традиционного сознания образованные и даже «благонамеренные» учительницы в публичном пространстве школьных учреждений могли представляться слишком девиантной моделью женского поведения, несовместимой с консервативным и замкнутым этноконфессиональным миром кабардинских сельских обществ.

Разумеется, после такого развития ситуации, реальный эффект педагогических курсов при Нальчикской Горской школе оказался ничтожным. Согласно отчету Дирекции народных училищ, в 1876-1878 гг. «специально-педагогическое отделение окончили только 3 ученика за первый год из тех, кто поступал, не доучился никто и желающих к поступлению нет» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 67. Л. 13]. И особенно на это повлиял факт упразднения сельских школ, сделавший бесперспективным это направление деятельности. Уже в марте 1878 г. двое «воспитанников стипендиатов специального класса» Гасташев и Астемиров подали «прошения об увольнении их из класса по причине закрытия аульных школ» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1019. Л. 13]. Закрытие начальных школ и затем педагогических курсов прервало потенциальную преемственность в местном начальном образовании, затрудняло подготовку детей для поступления в Нальчикскую горскую школу и снижало целесообразность ее преобразования в учебное заведение более высокого уровня, что с конца 1870- гг. стало регулярным пунктом в повестке дня съездов доверенных.

О последствиях новых приговоров доверенных, предполагавших повысить уровень образования Нальчикской горской школы в 1879 г. писал П. Остряков в «Вестнике Европы». Автор сообщал, что «кабардинцы составили приговор о том, что они вполне гарантируют все расходы, нужные для преобразования школы в прогимназию и при последней сделать отдельные классы для желающих, или, вернее, недостаточных, где-бы преподавались основания земледелия и садоводства, а также ремесла: столярное, слесарное и кожевенное, как самые необходимые в крае. Тот, кто имеет средства и желает получить высшее образование – пусть, мол, проходит общий курс прогимназии, а неимущий должен сделать из себя человека все-таки полезного обществу и краю. Мысль хорошая, но уже при своем рождении она, кажется, встречает себе преграду. Несмотря на готовность всего народа, на сочувствие и непосредственное участие начальника округа, запятая уже вышла в том, том, что когда предложили учебному персоналу школы составить новые программы, то он весь выразился против прогимназии. Дело совершенно понятно: по существующему законоположению, почти никто из нынешних преподавателей не имел бы права занять должность учителя в прогимназии и при

осуществлении плана придется всем оставит насиженные местечки» [Остряков 1879: 700].

Все это приостановило развитие аульного образование на 20 лет, а в повестке дня съездов доверенных в содержании школьного вопроса произошла подмена предмета просветительских инициатив. С упразднением трех аульных школ был запущен длительный процесс ходатайств доверенных с различными проектами изменения статуса Нальчикской Горской школы, который завершился в 1909 г. ее преобразованием в Реальное училище [Саблиров 2001: 118-126; Кумыков 2002: 355].

31 декабря 1880 г. съезд доверенных принял решение о передаче 5 десятин земли для садоводства Горской школе «из общественного участка, находящегося близ слободы Нальчик, под названием Атажукинского сада» О том же съезде в выпуске за 14 февраля 1881 г. газета «Кавказ» сообщала: «Нальчик составляет центральный пункт для окружающих его горских племен. В конце каждого года сюда съезжаются представители их для обсуждения общественных вопросов и выбора властей для управления делами обществ. В нынешний раз съезд этот ознаменовал себя весьма важным постановлением, принятым единогласно: ходатайствовать чрез начальника округа о преобразовании находящейся в Нальчике кабардинской горской школы в реальное училище. Вместе с тем горские общества изъявили согласие принять на себя третью часть всех расходов по содержанию и весь ремонт здания предполагаемого реального училища. [Из Нальчика... 1881].

11 октября 1885 г. приговор Съезда доверенных делегировал комиссии в составе подполковника Карашая Куденетова, штабс капитана Хацу Абезыванова, поручика Хамзата Урусбиева, поручика Султанбека Жогишева, штаб ротмистра Пака Тавкешева и корнета Мисоста Абаева согласовать с начальством возможность более эффективного использования ранее выделявшихся 2400 руб. из общественной суммы «на улучшение учебной части Горской школы» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 89. Л. 11-12].

Еще более широкие возможности по целевой поддержке образования открылись в 1889 г. 21 мая Александр III «высочайше пожаловал» в вечное совместное пользование Большой и Малой Кабарде и пяти горским обществам Зольские и Нагорные пастбища. Для увековечения памяти об этом событии съезд доверенных в июне 1889 г. выделил «особый сбор» из поступлений в КОС доходов от поддесятиной платы за пользование пастбищными землями. Из него были учреждены ежегодные расходы: «на содержание проектируемого училища в память дарования кабардинцам запасных земель – 6100 р., на четыре стипендии в средних и высших училищах имени Их Величеств – 1200 р., 4) на стипендию имени кн. Дондукова-Корсакова – 450 р.; на призы на скачках, устраиваемых ежегодно в день дарования запасных земель (21 мая) в Нальчике – 400 р., на стипендию – имени гр. Лорис-Меликова – 450 р. [Максимов, Вертепов 1892: 163]. Как подчеркивал в июле 1897 г. начальник Нальчикского округа Д. Вырубов, «назначение стипендий из Кабардинской общественной суммы для воспитания детей в высших и средних учебных заведениях зависит от обществ Большой и Малой Кабарды и горских обществ» [УЦГА АС КБР. Ф.

6. Оп. 1. Д. 197. Т. 2. Л. 257 об.]. В конце XIX – начале XX в. среди стипендиатов КОС были многие видные общественные деятели кабардинцев и балкарцев.

В продолжении обсуждений и решений съездов доверенных в мае 1892 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 254. Л. 14.], декабре 1893 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 51. Оп. 1. Д. 21. Л. 1], сентябре 1894 г. [Народное образование... 2001: 142-148] и в мае 1895 г. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 63. Д. 140. Л. 40] 18 февраля 1896 г. приговором была сформирована очередная комиссия по преобразованию Горской школы [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 343. Л. 92] во главе с отставным генерал-лейтенантом Т. Шипшевым. Приветствуя это событие, автор газеты «Казбек», подписавшийся Пшемахо, отмечал, что «кабардинцам, стоящим в несравненно лучших экономических условиях [имеются в виду накопленные средства КОС. – *Д.П.*], чем, например, осетины и чеченцы, было бы грешно отставать от последних в деле культурного преуспеяния» [Пшемахо 1896].

Однако в дальнейшей работе комиссии возникли новые трудности. Предполагавшаяся в качестве целевой модели преобразования сельскохозяйственная школа оказывалась «заложником» правовой коллизии. Она возникла из спора кабардинского общества и Нальчикской слободы по поводу принадлежности Атажукинского сада, на участке которого предполагалось разместить опытные угодья школы. Ситуация вылилась в многолетнюю тяжбу, не завершившуюся до 1917 г.

В 1905 г. с восстановлением Кавказского наместничества вопрос о преобразовании Нальчикской горской школы был возобновлён. 17 апреля 1906 г. Наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков писал барону Э.Ю. Нольде, управляющему делами Комитета министров, который представлял интересы наместничества по делам, вносимым на рассмотрение министерств и главных управлений: «Доверенные кабардинского народа и пяти горских обществ Терской области ходатайствуют о преобразовании существующей в Нальчике горской школы в среднее учебное заведение, на устройство и содержание которого жители предлагают по 13150 руб. в год и 75 000 единовременно. Кабардинцы уже много лет просят о том, чтобы в Нальчике была средняя школа, где могли бы их дети получать необходимое для них общее образование. Ходатайства жителей не поступали в Центральное управление и оставались около 17 лет. на рассмотрении в местных учреждениях, которые проектировали для жителей различных типов училища, но жители неизменно повторяли одну просьбу о необходимости для них общеобразовательного учебного заведения. Нахожу ходатайство жителей заслуживающим уважения [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 795. Л. 22].

При возросших финансовых возможностях КОС первичный уровень сельского школьного образования оставался не охваченным общественным софинансированием. Новое учреждение сельских министерских школ было инициировано коронной администрацией, но для реализации было адресовано не съезду доверенных, а непосредственно сельским обществам, с приданием этим событиям явной верноподданнической мотивации.

В ноябре 1895 г. приговором схода селения Коголкино была учреждена первая «школа грамотности» с обучением русскому и арабскому языку, полное содержание которой обеспечивалось сельскими общественными суммами. По настоянию начальника 3 участка Нальчикского округа Мокрицкого произошедшее было приурочено к рождению великой княжны Ольги Николаевны [Селение Коголкино 1895]. В марте 1896 г. в преддверии коронации Николая II по рекомендации дирекции народных училищ Терской области начальник Нальчикского округа Д. Вырубов предложил сельским обществам «в память священного коронования Их Императорских Величеств» учредить аульные школы [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 343. Л. 33]. Докшоковское, Аргуданское, Кайсын-Анзорское, Хату-Анзорское, Коголкинское [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 343. Л. 153], Абаевское [ЦГА РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 147. Л. 1] сельские общества поддержали эту инициативу. По итогам этой приговорной кампании директор народных училищ Терской области «разрешил» открыть в нескольких кабардинских селениях в 1896 г. одноклассные сельские министерские училища на общественном финансировании [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 343. Л. 166].

Несмотря на активное начало, практика школьного образования столкнулась со множеством проблем. В мае 1897 г. начальник Нальчикского округа Д. Вырубов сообщал начальнику Терской области: «вопрос об устройстве русских школ в селениях с величайшим трудом проводится администрацией в сознание туземного населения, которое скорее склонно иметь у себя в каждом селении, при каждой мечети специально магометанские школы софтов, чем ассигновать по особой раскладке суммы даже на самые элементарные сельские школы русской грамотности... со стороны влиятельных и состоятельных кабардинцев в деле распространения среди туземного населения начальных русских школ, администрация не имеет поддержки и сочувствия и, хотя отставной генерал Шипшев свою памятную записку 4 апреля 1897 г. заканчивает глубоким сожалением о том, что Кабарда ни в одном селении не имеет сельской школы, тем не менее при своих громадных средствах, до сих пор не помог этому ни словом ни делом [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 509. Л. 17-17 об.]. Один из «успехов» Т. Шипшева 3 декабря 1893 г. был особо отмечен благодарностью съезда доверенных «за пожертвование им дома с садом под школу в сел. Докшукино». Однако, как сообщал Д. Вырубов, «сам генерал Шипшев в своем письме от 7 декабря 1893 г. просил меня не спешить с представлением этого приговора [на утверждение. – Д.П.], в виду того, что у него встречаются неожиданные препятствия для передачи этого дома народу, что дом этот не соответствует зданию, потребному под школу, и что для этого потребуется построить новый и т.д.». По состоянию на 1897 г. кабардинское общество так и не получило этот дом [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 509. Л. 8 об.].

В среде местной интеллигенции также выражалась обеспокоенность высокой степенью неприятия культурных новшеств традиционным сознанием коренного населения. Молодой Б. Шаханов, приветствуя в 1899 г. открытие в «аристократической Кабарде» нескольких школ, понимал, что «результаты их

скажутся еще не скоро, а пока – тот же мрак, то же невежество и та же беспомощность во всем, что выходит из круга старосветских занятий» [Биттирова 2018: 129]. Обычным явлением были непосещение школы учениками из-за хозяйственных работ и по «не желанию их родителей», неподобающее отношение аульных учителей, несостоятельность сельских обществ по содержанию школьных зданий и т.п. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 147. Л. 25, 56, 68-69, 72]. И даже примененный однажды в качестве крайней меры воздействия трехдневный арест нерадивых родителей не меняли ситуации [ЦГА РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 147. Л. 25, 56, 68-69].

По данным на 15 марта 1905 г. в Нальчикском округе значилось 27 сельских училищ с одним учителем в каждом. Только три из них – Докшоковское, Кашкатаусское и Лафишевское получали финансирование от казны, а остальные финансировались только из сельских общественных сумм [ЦДНИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 15. Л. 57-57 об.].

За 10 лет в деятельности сельских школ накопилось немало проблем, что вернуло школьный вопрос в повестку дня съездов доверенных. 18 декабря 1906 г. был принят приговор следующего содержания: «В настоящее время имеется по Кабарде, считая и Малую, 27 школ [сельских], на содержание которых ежегодно тратится в среднем по 700 руб. на школу или около 20000 руб. на все школы. При таких крупных сравнительно расходах население не извлекает из них никакой пользы и результаты учения в сельских школах со времени открытия их до сих пор получаются самые плачевные: ни в одном селении со школой нельзя найти почти ни одного мальчика, научившегося перевести самую простую обиходную краткую речь, тем менее прочитать и объяснить письмо. Происходит это по многим причинам, в числе коих первое место занимает крайняя затруднительность изучения русского языка среди их обстановки и недостаточность их содержания учителей. В виду этого мы находим более целесообразным вместо содержания этих двадцати семи сельских школ, не принесших нам никакой пользы, открыть на эти средства три участковых школы причем к содержанию их привлечь все селения Большой и Малой Кабарды». Приговором избиралась комиссия из 13 человек для разработки проекта участковых школ [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 1. Л. 6].

В марте 1907 г. областное правление предложило пересмотреть этот приговор на очередном съезде [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 1. Л. 1]. Однако и 11 декабря 1907 г. в той же самой редакции приговор под №7 был принят доверенными [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 2. Л. 156].

Представляя приговор на утверждение Временному генерал-губернатору Терской области А. Колюбакину начальник Нальчикского округа П. Тизенгаузен 8 января 1908 г. выражал уверенность: «Желание открыть вместо сельских школ участковые школы у народа является, по мнению моему, не в виду выгоды и ожидаемой пользы от них, а исключительно для того, чтобы избавиться от сельских школ, к которым народ относится далеко не симпатично, о чем я уже подробно доносил...

В скором времени ожидается преобразование Нальчикской Горской школы в Реальное училище, а затем ожидается введение всеобщего начального обучения, следовательно накануне этого недопустимо закрытие существующих сельских школ, которые дадут молодому поколению выход к более высшему образованию...». При этом он прибавлял, что «оборудование предполагаемых участковых школ с пансионом потребует много времени и средств и содержание их будет непосильно для населения». [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 874. Л. 36-36 об.].

К приговору прилагались два «особых мнения» доверенных селения Атажукина 3-го надворного советника Исхака Кармова и селения Докшукина Магометгирея Шипшева. Этот делопроизводственный формат сравнительно недавно вошел в практику съездов доверенных. С его помощью индивидуально или коллективно сельскими представителями выражались альтернативные точки зрения по вопросам, обсуждавшимся на окружных собраниях. В основном особые мнения предназначались не для обсуждения на съезде, а вышестоящей администрации для учета возможных вариантов решения вопросов, выраженных приговорами.

И. Кармов преподавал в Нальчикской Горской школе с конца 1870-х гг. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 67. Л. 24, 28]. Благодаря многолетней педагогической работе он обладал солидным опытом и пользовался большим авторитетом, которого, однако, оказалось недостаточно для убеждения большинства доверенных. Поэтому обоснование своей точки зрения он представил отдельным документом. Перечислив заслуги властей в создании 27 начальных школ и 2-х годичных педагогических курсов при Горской школе, он особо отметил, что «Правительством разрешено вести учение на родном языке первые два года, а с 3-го года параллельно на русском языке».

И. Кармов убежден, что «открытие 3-х пунктовых школ, якобы взамен закрываемых 27 сельских бесполезных школ, есть продукт вредных лиц, кабардинская политика фанатиков, которые вполне уверены, что, избавившись от сельских школ участковые сами по себе останутся номинально созданными и через год одно будет поминание, ибо, игнорируя училище в своем ауле, при благоприятных условиях, нельзя допускать, чтобы кто-либо воспользовался участковыми школами на свои средства».

И. Кармов изобличал и меркантильные мотивы сельских уполномоченных: «Доверенные в одном случае закрывают во всех селениях школы, а в другом – отпускают на педагогические курсы около 4 тысяч рублей. Как это понять? Для чего тратить такую большую сумму, если нет школ? Естественным ответом является: содержания сельских школ прямо падают на личные карманы, а содержание педагогического курса – на специальный народный капитал, освобождающий от расходов личные карманы. Раз расход не касается личных средств, то и народ, а в особенности доверенные, подпишут какой угодно непроизводительный расход, или приговор, идущий вразрез народным интересам». В заключении выражалась надежда, что «просвещенное воззрение господина временного генерал-губернатора не допустит закрытие храмов науки в интересах правительства, в интересах умственного и

нравственного прогресса темного народа, который имеет средство боле, чем следует, для содержания сельских школ» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 874. Л. 37-37об., 40].

Избранный доверенными в комиссию по подготовке проекта участковых школ Магомет-Гирей Шипшев также не согласился с приговором. Отстаивая целесообразность сельских школ, он привел знаменитую фразу о роли школьного учителя в победе во франко-прусской войне 1870-1871 гг. и оспаривал тезис об отсутствии результатов у сельских школ, упоминая в пример достижения Т. Кашежева и К. Кудашева. Признавая, что все еще остро ощущается нехватка подготовленных учителей, М.-Г. Шипшев указывал на то, «что доверенные проглядели и не заметили, что неуспешность сельских школ происходит главным образом от халатного, невнимательного отношения к школе самого населения... Для создания контингента подготовленных сельских учителей при Нальчикской горской школе открыты двухлетние педагогические курсы, где к лету оканчивают свое учение 10 молодых людей, т.ч. К осени у нас будет уже 10 подготовленных сельских учителей, а далее дело пойдет все лучше и лучше, т.к. будет из кого выбирать учителей. Теперь же этим приговором сразу хотят уничтожить то, что еле-еле наладилось, с чем никак нельзя мириться... пока участковые школы будут созданы, население Кабарды останется совсем без школы...

Я лично подозреваю, что темные, неразвитые доверенные стремятся этим приговором лишь совсем отделаться от школы, содержание которой кажется им тяжелым, и мечтают в будущем уклониться и от участковой, которую они теперь выставляют. Ввиду всего изложенного я не согласен с настоящим приговором и стою за сохранение и распространение сельских школ [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 874. Л. 38-38 об.].

20 апреля 1908 г. избранная комиссия по подготовке проекта участковых школ смогла собрать на свое заседание только 5 человек из 13 и заседание было перенесено на 20 мая [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 2. Л. 159].

15 мая 1908 г., один из членов Комиссии, доверенный от сел. Кайсын-Анзорово подпоручик Темирбулат (Тембот) Анзоров представил начальнику Нальчикского округа заявление, которое по своему формату вполне может рассматриваться в ряду особых мнений И. Кармова и М. Шипшева. Автор обращения признал идею закрытия сельских школ «нецелесообразной и не полезной», а учреждение участковых школ противоречащим интересам общества, так как «только класс состоятельных лиц в состоянии будет содержать своих детей в селении участковой школы». Заявитель предложил ряд мер по обеспечению общественного контроля за деятельностью сельских школ и повышению качества подготовки учителей. Анзоров предлагал: «У нас, у кабардинского общества, есть очень почтенный учитель в отставке Исхак Кармов, педагог опытный, он мог бы быть в продолжении по крайней мере нескольких лет очень полезен при ревизиях и осмотрах сельских школ, если бы таковые он объезжал бы периодически постоянно, указывая и замечал те или иные недостатки метода преподавания на родном языке юным ученикам и рекомендуя вместо совершенно не соответствующих своему назначению

учителей других известных ему» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 2. Л. 160-161].

Документов о последующих заседаниях Комиссии по учреждению участковых школ обнаружить не удалось. Можно предположить, что общественная позиция, выраженная составителями особых мнений, дали основание областной администрации оставить приговор об упразднении сельских школ без последствий.

В 1910 г. в газете «Новая Русь» была опубликована статья Пшемахо Коцева, в которой он выразил личное мнение о приговоре доверенных в 1907 г. Следует заметить, что среди членов Комиссии по разработке проекта участковых школ значился его отец – Тамаша Коцев. Автор признавал множество причин неприятия аульных школ населением: учителя, не соответствующие своему назначению, отсутствие инспекторского надзора, равнодушие национальной интеллигенции, враждебность мусульманских священнослужителей и, разумеется, убежденность кабардинцев в их бесполезности. П. Коцеву было известно, что «основным требованием начального обучения является преподавание предметов на родном языке с постепенным переходом к изучению на русском» [Коцев 2005: 176-177]. Этого требовал «учебный план начальной школы в среде туземного населения Кавказского учебного округа» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 9. Д. 67. Л. 5 об.]. Коцев признавал, что отсутствие «сколь угодно развитой письменности на родном языке» существенно ограничивало результативность 2-3 летнего обучения. Маловероятно, что ему не было известно о том, что в 1907 г. по заявлению доверенных от Большой и Малой Кабарды было получено официальное разрешение попечителя Кавказского учебного округа и временного генерал-губернатора Терской области на выработку кабардинского алфавита на основе арабского языка» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 699. Т. 2. Л. 73]. Однако дальнейшее развитие этого проекта в источниках не прослеживается.

Завершая статью, П. Коцев разочарованно отмечал, что Кабарда возлагала большие надежды на участковые школы и «с нетерпением ждала ответа, но ответом почему-то было отклонение приговора» [Коцев 2005: 177]. Тем не менее оставленные без развития просветительские инициативы местного самоуправления едва ли способствовали преодолению проблем сохраненных начальных школ.

Инспекция дирекции народных училищ Терской области в 1906 г. выявила низкий уровень посещаемости и неприятие школ сельскими обществами, «отсутствие у кабардинского населения сознания необходимости ученья своих детей», трудности в сочетании обучения с аграрным календарем с весны до осени, убежденность родителей в отсутствии перспектив для дальнейшего обучения или службы, тяжесть дополнительных денежных повинностей. Сообщалось, что «кабардинцы не посылают детей в школы, чтобы довести последние до необходимости закрытия и таким образом освободить себя от расхода на содержание их», а также от того, что «думают, что школою хотят подготовить их к отбыванию воинской повинности, чего они

очень бояться» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 9. Д. 67. Л. 2-5 об.]. Не редкими оставались и конфликты односельчан с учителем (он же смотритель сельского училища). Причем, вопреки предположениям инспектора, далеко не всегда проблема решалась назначением на должность учителя-кабардинца, которых в 1906 г. из 27 было всего 6 человек. В 1905 г. негативно настроенная часть Кармовского сельского общества добилась увольнения учителя Т. Кашежева, после чего ученики прекратили посещать сельское училище [Туганов 1981: 19-21, 115-118]. В 1909 г. жители селения Шалушкинского, возбужденные «недоверием в том, что русская школа может привести детей к отпадению от ислама», пыталась насильственно закрыть сельскую школу, «выражая во время происшедших беспорядков крайнее неудовольствие и на учителя сельской школы Куныжева» [ЦДНИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 11. Л. 6-8].

Сообщения об отрицательном отношении в среде кабардинцев к русской школе упоминали и в газетах [Аким Уткин 1911]. Хотя на страницах прессы появлялись и вдумчивые материалы, в которых описывались множество причин настороженного отношения к сельскому школьному образованию [Решетин 1910; Решетин 1911].

Съезды доверенных продолжали санкционировать выделение средств из КОС на различные просветительские нужды: регулярные и единовременные стипендии, содержание 2-х годичных подготовительных курсов, а затем «приготовительного класса» для поступления в Реальное училище [Народное образование... 2001: 214-215, 219, 220]. В 1911 г. на торжествах по случаю закладки нового здания Реального училища начальник Терской области С. Флейшер напомнил, что одной из целей надежного функционирования Реального училища является обеспечение постоянного, устойчивого контингента учащихся, что может быть обеспечено только открытием возможно большего числа аульных школ [Торжество закладки... 1911. № 156]. Тем не менее съезды доверенных больше не обращались к обсуждению проблем сельских училищ, они по-прежнему оставались предметом забот сельского общественного самоуправления.

«Ввиду больших расходов, производимых в данное время кабардинским народом на постройку Реального училища», съезды доверенных отказывали в выделении средств на открытие в слободе Нальчик «ремесленного учебного заведения» и женской прогимназии. [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 3. Л. 40, 184]. При этом целевую финансовую поддержку из КОС оказывали другим школьным проектам. 20 ноября 1912 г., рассмотрев заявление Гузера и Махмуда Гуговых об ассигновании по 1000 р. в год на открывающееся в селении Кучмазукино частное медресе для подготовки сельских эфенди, приговором съезда доверенных единовременно было выделено 1000 р. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 972. Л. 62]. После февральской революции 1917 г. создаваемая мусульманская школа стала самым известным новометодным учебным заведением Нальчикского округа, сочетавшим в своей программе исламские и светские дисциплины. Данная тенденция в развитии образования выразила, с одной стороны, глубинные потребности этноса в сохранении своей идентичности через синтез традиционной культуры с исламской цивилизацией,

а с другой, стала одним из свидетельств поступательной интеграции кабардинского общества в социокультурное пространство «русского мусульманства», феномен которого сложился в значительной мере под влиянием идей джадидизма. [Века... 2017: 381-383].

Вместе с тем, не получая средств из КОС, сельские школы оставались целевой аудиторией других просветительских инициатив. Подготовленная по решению съезда доверенных и изданная в январе 1913 г. на средства КОС тиражом более 3000 экземпляров брошюра «Верность кабардинцев русскому престолу в эпоху Смутного времени», прежде всего предназначалась для раздачи «школьникам и всем грамотным кабардинцам и балкарцам» [Кабардинцы... 1913]. Издание было приурочено к 300-летию воцарения династии Романовых и таким образом продолжала закреплять в образовательных практиках верноподданнические тенденции.

Таким образом, при рассмотрении форм участия съездов доверенных в решении школьного вопроса, можно сформулировать ряд общих выводов.

Представители сельских обществ неоднократно обращались к рассмотрению школьного вопроса, который включал несколько аспектов, связанных с возможностями получения школьного образования кабардинцами и балкарцами. Приговоры 1878 и 1907 гг. об упразднении аульных школ были приняты в различных обстоятельствах и имели не одинаковые последствия. Если при закрытии трех сельских школ в 1878 г. не нашлось оппонентов из среды самих кабардинцев, то в 1907-1908 гг. была выражена и поддержана коронной администрацией обоснованная точка зрения по актуальности сельских школ, как необходимого условия дальнейшего просвещения народа. Пример «особых мнений» позволяет зафиксировать определенную эволюцию интеллектуальной культуры образованной элиты кабардинцев, сложившейся в рамках российской просветительской традиции.

Просветительская деятельность самоуправления на основе съездов доверенных сопровождалась множеством проблем. Ограниченность возможностей местного образования, в первую очередь, ее начальной ступени – аульных школ, проявилась трудностями в освоении русскоязычной программы обучения, отсутствием образовательных практик на родном языке, а также предрассудками традиционной этноконфессиональной среды, ориентированной на замкнутость и неприятие культурных новаций, представлявшихся угрозами традиционалистской социокультурной самоорганизации. Закрепление дифференциации просветительских стратегий немногочисленной образованной части общества с чуждым к образовательным интересам большинством, способствовало нарастанию культурных дистанций внутри этнических сообществ и сохранению трудностей их преодоления. Съезды доверенных, регулярно принимавшие решения по софинансированию образования кабардинцев и балкарцев в учебных заведениях в Нальчике или за пределами округа, но лишь эпизодически обращавшихся к проблемам аульных школ, не способствовали разрешению выявленных противоречий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- АКАК 1904 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. XII. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.
- Аким Уткин 1911 – *Аким Уткин*. Поселок Баксан // Терские ведомости. – 1911. – №19. – С. 2.
- Биттирова 2018 – *Биттирова Т.Ш.* Басият Шаханов. Жизнь и творчество (Исследование, тексты). – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. – 336 с.
- Века... 2017 – *Века* совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557-1917 гг.). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.
- Из Нальчика... 1881 – *Из Нальчика*, Терской области // Кавказ. – 1881. – № 36. – С. 2.
- Кабардинцы... 1913 – *Кабардинцы* и 300 лет дома Романовых // Терские ведомости. – 1913. – № 23. – С. 2.
- Коцев 2005 – *Коцев П.* Народное образование в Кабарде // Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века (Избранное) / Сост. Р.Х. Хашхожева. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – С. 175-177.
- Кумыков 2002 – *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 448 с.
- Максимов, Вертепов 1892 – *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып.1. Осетины, ингуши, кабардинцы. – Владикавказ: Тип. Обл. Прав. Терской Обл., 1892. – 187 с.
- Народное образование... 2001 – *Народное образование* в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX века: сборник архивных документов. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 272 с.
- Остряков 1879 – *Остряков П.* Народная литература кабардинцев и ее образцы // Вестник Европы. – 1879. – Т. IV. – С. 697-710.
- Пшемахо 1896 – *Пшемахо*. Слоб. Нальчик // Казбек. – Владикавказ. – 1896. – № 39. – 19 марта. – С.2.
- Решетин 1910 – *Решетин Н.* К вопросу о языке преподавания // Терские ведомости. – 1910. – № 57. – С. 2.
- Решетин 1911 – *Решетин Н.* Школа и мусульмане // Терские ведомости. – 1911. – № 4, 5, 6.
- Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. – Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. – 232 с.
- Селение Коголкино... 1895 – *Селение Коголкино* 3 участка Нальчикского округа // Терские ведомости. – 1895. – № 145. – С. 2.
- Торжество закладки... 1911 – *Торжество закладки* здания для Нальчикского Реального училища // Терские ведомости. – 1911. – № 154, 155, 156.
- Туганов 1981 – *Туганов Р.У.* Талиб Кашежев. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 124 с.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
- Учебное дело... 1877 – *Учебное дело* и народные школы // Кавказ. – 1877. – № 2. – С. 3.
- ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.
- ЦДНИ – Центр документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

REFERENCES

АКАК – *Акты, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: V 12 t. T. 12* [Acts, collected by the Caucasian Archeographic Commission: in 12 vols. Vol. 12]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russian)

- AKIM UTKIN. *Poselok Baksan* [Settlement of Baksan]. IN: Terskie vedomosti. – 1911. – № 19. – P. 2. (In Russian)
- BITTIROVA T.Sh. *Basiyat Shakhanov. Zhizn' i tvorchestvo (Issledovanie, teksty)* [Basiyat Shakhanov. Life and creativity (Research, texts)]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2018. – 336 p. (In Russian)
- Iz Nalchika, Terskoi oblasti* [From Nalchik, Tersky region]. IN: Kavkaz. – 1881. – No 36. – P. 2. (In Russian)
- Kabardintsy i 300 let doma Romanovykh* [Kabardians and the 300 years of house Romanovs]. IN: Terskie vedomosti. – 1913. – No 23. – P. 2. (In Russian)
- KOTSEV P. *Narodnoe obrazovanie v Kabarde*. IN: *Adygsкая publitsistika kontsa XIX – nachala XX veka (Izbrannoe)* [People's education in Kabarda]. Comp. R.Kh. Khashkhozheva. – Nalchik: El'-Fa, 2005. – P. 175-177. (In Russian)
- KUMYKOV T.Kh. *Obshchestvennaya mysl' i prosveshchenie adygov i balkarokarachaevtsev v XIX – nachale XX v.* [Public thought and education of Adygs and Balkars-Karachaevs in the 19th – early 20th century]. – Nalchik: El'brus, 2002. – 448 p. (In Russian)
- MAKSIMOV E., VERTEPOV G. *Tuzemtsy Severnogo Kavkaza. Istoriko-statisticheskie ocherki. Vyp.1. Osetiny, ingushi, kabardintsy* [Natives of the North Caucasus. Historical and statistical essays. Issue 1. Ossetians, Ingushi, Kabardians]. – Vladikavkaz: Tip. Obl. Prav. Terskoi Obl., 1892. – 187 p. (In Russian)
- Narodnoe obrazovanie v Kabarde i Balkarii v XIX – nachale XX veka: sbornik arkhivnykh dokumentov* [Popular education in Kabard and Balkaria in the 19th and early 20th century: collection of archival documents]. – Nalchik: El'-Fa, 2001. – 272 p. (In Russian)
- OSTRYAKOV P. *Narodnaya literatura kabardintsev i ee obraztsy* [People's literature of Kabardians and its samples]. IN: Vestnik Evropy. – 1879. – Vol. IV. – P. 697-710. (In Russian)
- PSHEMAKHO. *Slob. Nalchik* [Settlement Nalchik]. IN: Kazbek. – Vladikavkaz. – 1896. – No 39. – P. 2. (In Russian)
- RESHETIN N. *K voprosu o yazyke prepodavaniya* [To the question of the language of teaching]. IN: Terskie vedomosti. – 1910. – No 57. – P. 2. (In Russian)
- RESHETIN N. *Shkola i musul'mane* [School and Muslims]. IN: Terskie vedomosti. – 1911. – No 4, 5, 6. (In Russian)
- SABLIROV M.Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX – nachale XX v.* [Culture of the Kabarda and Balkaria peoples in the late 19th and early 20th centuries]. – Nalchik: Adyge kheku, 2001. – 232 p. (In Russian)
- Selenie Kogolkino 3 uchastka Nalchikskogo okruga* [Village Kogolkino 3 sections of Nalchik District]. IN: Terskie vedomosti. – 1895. – No 145. – P. 2. (In Russian)
- Torzhestvo zakladki zdaniya dlya Nalchikskogo Real'nogo uchilishcha* [Celebration of laying of the building for the Nalchik Real school]. IN: Terskie vedomosti. – 1911. – No 154, 155, 156. (In Russian)
- TsDNI – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Center for Documentation of the Recent History of the Archive Service of the Kabardino-Balkan Republic].
- TsGA RSO-A – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania].
- TUGANOV R.U. Talib Kashezhev. – Nalchik: El'brus, 1981. – 124 p. (In Russian)
- Uchebnoe delo i narodnye shkoly* [Educational business and national schools]. IN: Kavkaz. – 1877. – No 2. – P. 3. (In Russian)
- UTsGA AS KBR – Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki* [Management of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkar Republic].
- Veka sovместnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (1557-1917 gg.)* [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilization process]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 544 p. (In Russian)

УДК 93/94(470.64) 084.8

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-55-71

**КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ В ПЕРИОД БИТВЫ ЗА КАВКАЗ
(ИЮЛЬ 1942 – ЯНВАРЬ 1943 гг.)****А.И. ТЕТУЕВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»*

360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Аннотация. В статье исследована деятельность в Кабардино-Балкарии органов военного, государственного и партийного руководства в условиях приближения фронта. Проанализированы принятые нормативные документы по эвакуации населения, оборудования, техники, скота, сырья и их реализация. Отмечено, что меры государственных органов и военного руководства по эвакуации были запоздалыми и не были реализованы в полном объеме. Особое внимание уделено организации эвакуации отступавшими воинскими частями 46-й армии рабочих Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината, членов их семей, а также вольфрама, молибдена, скота и вооружения через перевалы Донгуз-Орун и Бечо в Закавказье. На основе новых источников приведена общая численность эвакуированного населения, оборудования, тракторов и скота. Раскрыта организация подпольной работы и партизанского движения на оккупированной территории республики, выявлены причины их слабости. Указано, что эти недостатки существенным образом повлияли на общественно-политическую ситуацию в Кабардино-Балкарии, явились одним из факторов в эскалации напряженности в республике. Освещены боевые действия подразделений 37-й и 9-й армий по обороне и освобождению территории республики. Особое внимание уделено боям на Эльбрусском направлении.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Кабардино-Балкария; фронт; оборона; эвакуация; население; оборудование; Закавказье; боевые действия; освобождение.

**KABARDINO-BALKARIA DURING THE BATTLE FOR THE CAUCASUS
(JULY 1942 – JANUARY 1943)****A.I. TETUEV**

*Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal
State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences»*

360000, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Abstract. The article examines the activities of military, state and party authorities of Kabardino-Balkaria in the context of the approach of the front. They adopted a number of regulatory documents on the evacuation of the population, equipment, machinery, livestock and raw materials.

The analysis of their content and implementation revealed that the measures of state bodies and the military leadership were belated and were not fully implemented. Particular attention is paid to the organization of the evacuation by 46th army retreating units of workers of the Tyrnauz tungsten-molybdenum plant and their families, as well as tungsten, molybdenum, livestock and weapons through the Donguz-Orun and Becho passes in the Caucasus. Drawing on the new sources, the total number of evacuated population, equipment, tractors and livestock is defined. The analysis of organization of the underground work and partisan movement in the occupied territory of the republic revealed the causes for their weak effectiveness. It is indicated that these shortcomings significantly affected the socio-political situation in Kabardino-Balkaria. The combat operations of the units of the 37th and 9th Armies on the defense and liberation of the territory of the republic are highlighted. Particular attention is paid to battles in the Elbrus direction.

Keywords: World War II; Kabardino-Balkaria; front; defense; evacuation; population; equipment; Transcaucasia; military operations; liberation.

Изучение, обобщение и осмысление деятельности государственных и партийных органов власти Кабардино-Балкарии в ходе битвы за Кавказ имеют большое научное и практическое значение. По данной проблеме опубликован ряд научных работ, затрагивающих общие и частные аспекты рассматриваемой проблемы.

Наиболее ценным с точки зрения учета общего военно-политического контекста событий на Северном Кавказе и в Кабардино-Балкарии является фундаментальный 12-томный труд о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. В его третьем томе освещаются факторы, которые обеспечили коренной перелом в войне. Основное внимание уделено решающим битвам и сражениям, изменившим ход Великой Отечественной, в том числе борьбе, за Кавказ [Великая... 2012].

В книге Х.М. Ибрагимбейли анализируются этапы битвы за Кавказ, а также срыв гитлеровского плана по захвату Кавказа «Эдельвейс» [Ибрагимбейли 1977]. В другой работе Х.М. Ибрагимбейли [Ибрагимбейли 1981] освещает формирование и деятельность национальных эскадронов «Бергманн» и «Национального представительства интересов Кабардино-Балкарии». Автор показывает несостоятельность гитлеровского оккупационного режима.

В своей монографии С.И. Линец [Линец 2009] исследует различные стороны положения Северного Кавказа накануне и в период немецко-фашистской оккупации. Рассматриваются вопросы организации и проведения местными органами власти эвакуационного процесса, деятельность партизанского движения и подполья в борьбе против гитлеровцев в регионе и др.

В работе А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугай, Е.Ф. Кринко [Безугольный и др. 2012] рассматривается состояние историографии и источниковедения проблем участия северокавказских народов в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., анализируются оккупационный фашистский режим, история национальных дивизий и др. Проблемам изучения хода военных действий на Кавказе в годы

Великой Отечественной войны посвящены работы К.-М.И. Алиева и О.Л. Опрышко [Алиев 2005; Опрышко 1970; Опрышко 1976].

В диссертационном исследовании А.А. Татарова раскрываются замысел, основные направления и результаты реализации «северокавказского эксперимента» Германии на материалах Кабардино-Балкарии [Татаров 2016]. В ней анализируется общественно-политическая ситуация в республике накануне оккупации, деятельность оккупационной администрации, партизанское движение.

Отдельные аспекты исследуемой темы нашли отражение в работе М.Х. Гуговой [Гугова 2018: 23-29]. В ней освещается социально-культурное и экономическое развитие Кабардино-Балкарии накануне и в начальный период Великой Отечественной войны. Особое внимание автор уделяет деятельности партийных и советских органов власти по мобилизации ресурсов республики для нужд войны.

Источниковая база изучения проблемы включает значительный объем опубликованных источников и материалов. Особую ценность имеют воспоминания И.В. Тюленева – командующего Закавказским фронтом, генерала армии [Тюленев 1975]. Значительный интерес представляют воспоминания участника боев в Приэльбрусье А.М. Гусева [Гусев 1980]. Ценные сведения по исследуемой теме содержится в документальных сборниках «Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», «Лики войны», «Боевые действия на территории Кабардино-Балкарии» [Кабардино-Балкария... 1975; Лики войны... 1996; Опрышко 2015]. В них собран интересный фактический материал, рассказывающий о деятельности государственных и партийных органов Кабардино-Балкарии по эвакуации промышленного оборудования, скота, организации партизанского движения, а также о боевых действиях на Эльбрусском направлении и на территории республики.

Анализ литературы показывает, что проблема деятельности государственных и партийных органов власти Кабардино-Балкарии в ходе битвы за Кавказ не стала предметом специального исследования. За пределами внимания ученых остались вопросы управления экономическими, социальными политическими и идеологическими процессами накануне и в период оккупации республики. В данной статье на основе архивных и опубликованных источников исследуется деятельность государственных и партийных органов власти Кабардино-Балкарии по эвакуации населения, промышленного оборудования, сырья, скота, продовольствия и сельскохозяйственной техники, формы и методы борьбы с оккупантами, а также боевые действия на Эльбрусском направлении и на территории республики.

Военное руководство Германии придавало большое значение захвату Северного Кавказа. Замысел операции был сформирован в дополнении к директиве от 22 июля 1941 г. и конкретизирован затем в документе под названием «Операция из района Северного Кавказа через Кавказский хребет и Северо-Западный Иран с целью овладения перевалами Ревандуз и Ханаган на ирано-иракском направлении» [Великая... 2012: 292]. Захват Северного

Кавказа позволял германскому руководству не только задействовать ресурсы этого региона, но и распространить свою гегемонию на все Закавказье, а затем и на Ближний Восток с его огромными запасами нефти. Однако эти задачи не удалось решить в 1941 г.

Вновь к планам овладения Северным Кавказом немецкое руководство вернулось весной 1942 г. Почти одновременно с наступлением на Сталинград германское командование начало операцию «Эдельвейс» по захвату Кавказа. Сюда была переброшена группа армий «А» под командованием фельдмаршала В. Листа. В основу плана наступления в 1942 г. командование вермахта положило стремление достичь военно-политических и стратегических целей войны против СССР. Главным направлением являлось южное. На допросе в июне 1945 г. фельдмаршал Кейтель в числе целей немецкого командования назвал стремление отрезать Советскому Союзу подвоз нефти по р. Волга и захватить главные базы нефтяного снабжения в городах Майкопе и Грозном [Типпельскирх 1999: 349-350]. После захвата Ростова 24 июля 1942 г. немецкие войска к середине августа 1942 г. достигли района Невинномысска, Черкесска и двинулись к перевалам Главного Кавказского хребта.

В этой связи Военный совет Закавказского фронта принял постановления «О введении военного положения на территории Дагестанской АССР Чечено-Ингушской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Орджоникидзевского края и Северо-Осетинской АССР» от 7 августа 1942 г. и «О порядке эвакуации населения, оборудования сырья и материалов из краев, области и республик Северного Кавказа» от 12 августа 1942 г. [УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-3]. В соответствии с указанными постановлениями Нальчикским комитетом обороны 8 августа 1942 г. были созданы три комиссии по эвакуации промышленных предприятий и сырья, а также уничтожению их; сельскохозяйственной продукции (зерно) и скотопоголовья; госпиталей, учреждений, ценностей, банков [УЦДНИ АС КБР Ф. 26. Оп. 1. Д. 3. Л. 51]. В тот же день Нальчикский комитет обороны принял другое постановление «О мероприятиях по эвакуации скота, МТС, сельскохозяйственной продукции и животноводческого сырья» [Кабардино-Балкария... 1975: 143, 144]. Были определены направления перегона скота с 9 августа: с Нагорных Зольских пастбищ, из Эльбрусского, Нагорного и Зольского районов – через Эльбрусский перевал (Донгуз-Орун – А.Т.); с Черекского, Хуламо-Безенгиевского, Нальчикского, Урванского районов и из г. Нальчика – через Черекский перевал (Шар-Вцек – А.Т.); из Курпского, Терского, Майского, Прохладненского, Прималкинского и Лескенского – по Военно-Осетинской дороге; из Баксанского, Кубинского, Чегемского районов – через Чегемский перевал (Твибер – А.Т.)

В целях обеспечения безопасности населения, сохранения имущества и продуктов питания СНК республики и бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) приняли постановление от 24 августа 1942 г. В нем было предложено «секретарям райкома ВКП (б) и председателям райисполкомов Баксанского, Нальчикского, Урванского и Майского районов обеспечить проведение с 25 по

29 августа полную эвакуацию всего населения из 10 километровой зоны от передовой линии фронта [Кабардино-Балкария... 1975:147, 148].

Но все вышеуказанные меры государственных органов и военного руководства были запоздалыми и не были реализованы в полном объеме, так как с 13 по 20 августа немцы уже полностью оккупировали пять районов республики: Зольский, Баксанский, Кубинский, Прималкинский, Нагорный, с 20 по 26 сентября – Прохладненский, Урожайненский, Терский. Остальные 7 районов республики и г. Нальчика были еще тыловыми территориями [УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 908. Л. 8].

В целях создания необходимых условий частям Красной Армии в деле обороны г. Нальчика бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) приняло постановление от 27 сентября 1942 г. В нем Нальчикскому горкому и горисполкому предписывалось эвакуировать в обязательном порядке все городское население, не связанное с производством и работой в учреждениях столицы республики, в более безопасные горные районы республики (Урванский (горную часть), Хуламо-Безенгиевский, Черекский). 30 сентября часть городского населения. Нальчика была эвакуирована на подводах, выделенных этими районами [Кабардино-Балкария... 1975: 165, 166]. Установить численность городского населения, эвакуированного в горные районы республики не представилось возможным. К тому же в октябре и ноябре 1942 г. республика полностью была оккупирована.

С 9 августа 1942 г. началась эвакуация в Грузию работников партийных, государственных, правоохранительных органов, их семей и домашнего имущества, которая завершилась в октябре. В докладе секретаря обкома ВКП (б) на Пленуме Областного комитета партии (15 октября 1942 г.) указывалось: «...было эвакуировано главным образом в Закавказье и Среднюю Азию до 10 октября 1942 г. 1101 человек членов и кандидатов в члены ВКП (б)» [Кабардино-Балкария... 1975: 170]. Вместе с тем из общего состава парторганизации республики 3744 коммунистов на оккупированной территории оставалось 2723, что составляет 72 % [РГАСПИ Ф. 17. Оп. 88. Д. 614. Л. 7].

Всего из Кабардино-Балкарии было эвакуировано 7647 человек, в том числе из Нальчика 5800 (75% от общего числа выехавших граждан), из Прохладненского района – 825 человек, из других районов – 1022 [Кабардино-Балкария... 1975: 178].

Одновременно органы государственной власти проводили эвакуацию промышленного оборудования, сельскохозяйственной техники, сырья, зерна и общественного скота в тыловые районы страны. Нальчикский комитет обороны 8 августа 1942 г. утвердил ориентировочный план эвакуации различного промышленного оборудования. Были определены основные маршруты эвакуации, однако ход военных событий на Северном Кавказе внес свои коррективы в эвакуационный план, и он не был полностью реализован. Всего к 25 августа 1942 г. было эвакуировано 15 из 66 предприятий республики [УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 2. Д. 113. Л. 45].

В Тбилиси, Баку и Ереван было вывезено технологическое оборудование кондитерской фабрики и мясокомбината, а также большое количество сырья,

материалов и полуфабрикатов [УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 5. Д. 194. Л. 45; Ф. 1. Оп. 2. Д. 113. Л. 41; Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 11]. С Муртазовского элеватора везли в глубь страны свыше 350 тысяч пудов хлеба, тогда как немецкие войска находились от ст. Муртазово в 8-10 километрах» [УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 2. Д. 118. Л. 118].

При вывозе 2,5 млн. руб. государственных средств из-за преступной беспечности ряда местных руководителей деньги оказались оставлены на территории Лескенского района, оккупированного противником [РГАСПИ Ф. 17. Оп. 44. Д. 392. Л. 123].

После занятия немецкими частями Минеральных Вод и их стремительного выхода в ночь на 9 августа 1942 г. к Пятигорску возникла угроза прорыва врага в направлении Нальчика и захвата Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината, предприятия оборонного значения, входившего в систему Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР. Получив об этом известие 9 августа, начальник комбината капитан госбезопасности Н.И. Чирков и парторг ЦК ВКП (б) на комбинате П.Д. Чепарин принимают решение провести срочную эвакуацию специалистов предприятия с семьями и семей сотрудников, находившихся на фронте, чтобы предотвратить их захват врагом. Руководство эвакуацией в Закавказье через перевал Бечо было поручено опытному альпинисту, начальнику горноспасательной станции в Приэльбрусье Г.В. Однолюбому. Он с проводниками А.И. Сидоронко, А.А. Малеиновым, В.П. Кухтиным, Н.П. Моринец с 11 августа по 2 сентября 1942 г. эвакуировали через перевал Бечо (высота – 3375 метров над уровнем моря) более 1500 человек, в том числе 600 рабочих и инженерно-технических работников комбината. Переправившихся в Грузию тырнаузцев вывозили в Баку. Из Закавказья тырнаузцы направились к берегам Каспийского моря (г. Красноводск), а затем в Среднюю Азию и Сибирь, откуда многие из них были отправлены на Норильский комбинат и в Красноярск, где работали на горнорудных предприятиях.

В те августовские дни через перевал Бечо одновременно с гражданским населением переходили отступавшие воинские части. В оперсводке штаба 46-й армии за 16 августа отмечалось: «По донесению штаба 63-й кавдивизии на перевале Бечо скопление беженцев. На северных скатах перевала до 1400 человек, ожидается подход еще 2000 военнослужащих.... В течение дня самолеты противника производили разведполеты побережья Черного моря и Главного Кавказского хребта». После освобождения Тырнауза почти все они в 1943-1944 гг. вернулись на комбинат и возрождали его из руин [Опрышко 2015: 31-33].

По распоряжению командования Закавказским фронтом были эвакуированы из Баксанского ущелья через перевал Донгуз-Орун части 392 стрелковой дивизии, а также вольфрам и молибден, крупный и мелкий рогатый скот, материальная часть, минометы и орудия. В боевом приказе № 014 от 4 ноября 1942 г. командира 392-й стрелковой дивизии полковника Г.И. Купарадзе был утвержден план перехода через перевал Донгуз-Орун: «...При следовании к

перевалу каждый боец берет по дороге в лагере «Дом учителя» мешочек молибдена и переносит его через перевал. Тяжелораненые эвакуируются при помощи выделенных людей из расчета 8 человек на каждого тяжелораненого. Весь крупный рогатый скот пригнать к подножию перевала Донгуз-Орун (северная сторона) и при невозможности перехода организовать убой... У подножия перевала (северная сторона), на вершине и у южного подножия организовать питательные пункты для проходящих подразделений. У подножия перевала (северная сторона) организовать учет и контроль эвакуируемых людей дивизии и гражданского населения, а также вооружения, имущества и людей» [ЦАМО Ф. 392. Оп. 178554. Д. 2. Л. 100, 105].

Организацию эвакуации раненых осуществлял 477-й Отдельный стрелковый медико-санитарный батальон 392-й стрелковой дивизии (командир – военврач 2-го ранга С.И. Метонидзе). Благодаря медицинской помощи военных врачей и медицинских сестер и их самоотверженности в крайне тяжелых горных условиях все эвакуированные раненые были спасены. Всего с 4 по 15 ноября 1942 г. было эвакуировано: личного состава – 7941 человек, в том числе раненых 305, кроме того лошадей – 512, ослов – 171, мелкого рогатого скота – 18 244, крупного рогатого скота – 878, орудий 76-мм – 6, 122-мм минометов – 3, вольфрама и молибдена – 15 тонн, 3 тонны остались закопанными в Баксанском ущелье [ЦАМО Ф. 242. Оп. 484161. Д. 1. Л. 30]. Прикрывала эвакуацию частей 392-й горнострелковой дивизии 242-я горнострелковая дивизия под командованием Г.Г. Курашвили. В оперативной сводке № 067 штаба 242-й горнострелковой дивизии к 21.00 16 ноября 1942 г. отмечалось: «... 897 гсп, прикрывая отход арьергарда 392 сд, в ночь с 15 на 16.11 начал отход, оттянув свои передовые подразделения из «Дома учителя» к подножию перевала Донгуз-Орун. При отходе все имевшиеся строения в районе «Дома учителя» нашими частями разрушены, а тропа в ущелье Донгуз-Орун заминирована. Подразделения 897 гсп эвакуированы через перевал Донгуз-Орун и достигли подножия перевала Басса, оставив одну усиленную стрелковую роту у подножия перевала Донгуз-Орун... По сведениям нашей разведки, к «Дому учителя» с юго-востока подошли до 40 человек противника, два мотоцикла и две автомашины. Из района «Приюта – 11» спустились 10 человек противника. Нашей разведкой убит один солдат» [ЦАМО Ф. 242. Оп. 51848. Д. 7. Л. 81].

Большую помощь республике в эвакуации общественной собственности оказали воинские части. Личный состав 42-го бронепоезда под командованием заместителя политрука К.С. Соснова, например, под сильным вражеским огнем восстановил разрушенный путь в районе двенадцатого километра и вывел из района Налчика в тыловые районы два эшелона с заводским оборудованием [ЦАМО Ф. 5871. Оп. 57121. Д. 17. Л. 151, 241].

Эвакуацию промышленного оборудования и населения из прифронтовых районов нельзя было успешно осуществлять без слаженной работы железнодорожного транспорта. Поэтому государственные органы власти и военное руководство приложили немало усилий, чтобы обеспечить своевременное продвижение поездов, вовремя разобраться в возникших

трудностях и помочь руководителям транспорта навести порядок в перевозках, которые увеличивались по мере приближения фронта к территории республики. Железнодорожники Кабардино-Балкарии в свою очередь оказывали посильную помощь трудящимся соседних краев и республик в эвакуации населения и материальных ценностей.

После оккупации немцами Терского района и других районов обком ВКП(б) и СНК КБАССР направили «Закрытое письмо председателям исполкомов и секретарям райкомов о перегоне общественного скота республики» от 20 сентября 1942 г. В нем предлагалось провести следующие меры: «Немедленно начать перегон всего наличного общественного скота (маршрут прилагается) за исключением рабочих лошадей и волов, которые остаются в колхозах для выполнения текущих сельскохозяйственных работ, и при наличии угрозы оккупации территории – последних также эвакуировать... В случае приближения фронта и возможной оккупации районов или отдельных селений семенные фонды раздать заслуживающим доверия колхозникам под строгую расписку, рекомендовав им зарыть семенной материал в землю, а неубранный материал и необмолоченный урожай раздать колхозникам по трудодням. Трактора и моторы комбайнов эвакуировать в район Алагира Северо-Осетинской» [Лики войны... 1996: 117-119].

Во исполнение вышеуказанных решений государственных и партийных органов из 16-ти МТС республики эвакуацию тракторов осуществили 13 [Гугова 2018: 24]. Общие потери тракторного парка МТС республики в период оккупации показаны в Таблице №1.

Таблица 1

Общие показатели потерь тракторов МТС Кабардино-Балкарии по состоянию на 15.01.1943 г.

МТС КБАССР	Было на 04.04.1941 г.	Осталось на 15.01.1943	%
Нагорная	75	49	65,3
Баксанская	75	51	68,0
Кишпекская	69	49	71,0
Чегемская	52	31	59,6
Нальчикская	51	31	60,7
Урванская	41	21	51,2
Урухская	52	36	69,2
Прохладненская	56	18	32,0
М.-Кабардинская	54	28	51,8
Терская	78	12	15,3
Гнаденбургская	98	60	61,2
Солдатская	72	37	51,3
Акбашская	58	47	81,0
Итого	831	470	56,5

Источник: [УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 275. Л. 48; Лики войны... 1996: 191].

Анализ таблицы показывает, что по состоянию на 04.04.1941 г. на учете имелся 831 трактор. После освобождения Кабардино-Балкарии от немецких оккупантов на 15.01.1943 г. в 13 МТС осталось 470 тракторов, что составляет 56,5% от их численности на 04.04.1941 г. Больше всего потери понесли Терская МТС, в которой осталось только 15,3% тракторов, и Прохладненская – 32%. Это связано с тем, что 20 сентября 1942 г. указанные районы были оккупированы. Из этого следует, что в период оккупации потери МТС республики составили 361 трактор (43,4%).

Бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) приняло постановление «Об эвакуации скота колхозников, рабочих и служащих из прифронтовой полосы» от 1-го октября 1942 г., где указывалось: «Обязать секретарей райкомов и председателей райисполкомов на основе развертывания широкой массово-политической работы среди колхозников, рабочих и служащих организовать эвакуацию личного принадлежащего им скота в тыловые районы. Установить, что в случае угрозы оккупации врагом района, села, города скот, принадлежащий колхозникам, рабочим и служащим, эвакуируется в принудительном порядке с выдачей колхознику, рабочему и служащему обязательства в том, что при установлении хозяйственной деятельности колхозе, селе, городе ему будет возвращен его скот или равноценный ему. Предложить райкомам ВКП (б) и райисполкомам обеспечить к 10 октября 1942 г. выполнение плана мясopоставок и молокопоставок колхозниками, рабочими и служащими, к уклоняющимся от выполнения применять беспopное изъятие» [Лики войны... 1996: 125,126]. В последующем Совнарком и бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) приняли постановление «О сдаче скота государству» от 16 октября 1942 г. [Кабардино-Балкария... 1975: 176,178]. В нем предполагалось обеспечить сдачу государству 90 тысяч овец и коз и 5 тысяч крупного рогатого скота. В этой связи райкомам и райисполкомам республики необходимо было провести сдачу выбракованного скота.

Указанные решения не были выполнены в полном объеме. Фактически было сдано крупного рогатого скота 889, овец 7630 и свиней 807 голов. Было передано частям Советской Армии, защищавшим территорию Кабардино-Балкарии от фашистских захватчиков, лошадей 22947, крупного рогатого скота 38507, овец 189237 и свиней 1555. Вместе с тем большое количество колхозного и совхозного скота все же оказалось во вражеском тылу. Общие потери скота с 01.07.1942 г. по 15.01.1943 г. показаны в Таблице №2.

Таблица 2

Общие показатели потерь поголовья скота Кабардино-Балкарии на 15.01.1943 г.

Виды скота	Было скота на 01.07.1942 г.	Расходы с 01.07.1942 г. по 05.10.1942 г.			Всего расходов	Численность скота в период оккупации и после освобождения республики		
		Красной Армии	Сдано в госпоставки и госзакупки	Прочие расходы (общественное питание, падеж, хищение)		Оставлено на оккупированной территории	Кол-во уничтоженного скота	Собрано скота после освобождения республики
Лошади	48993	22947	–	537	23484	25509	5988	19521
Крупный рогатый скот	89188	38507	889	4245	43641	45547	28164	22383
Овцы и козы	541196	189237	7630	29359	226226	314970	248102	66868
Свиньи	16768	11555	807	1507	13869	2899	2713	180

Источник: [РГАСПИ Ф. 17. Оп. 44. Д. 392. Л. 114 об.; Лики войны... 1996: 196].

Анализ таблицы показывает, что из оставленного на оккупированной территории республики скота, большая часть уничтожена немцами: лошадей – 23 %, крупного рогатого скота – 61,8 %, овец и коз – 78,7 %, свиней – 93,5 %. Указанные потери, на наш взгляд, связаны с тем, что военное руководство, партийные и государственные органы власти республики не приняли своевременно соответствующие решения об эвакуации скота. Поэтому запоздалые постановления выглядели нереальными, так как принимались при начавшейся уже оккупации территории республики.

Для организации борьбы с врагом областной комитет партии 17 октября 1942 г. образовал подпольный обком партии во главе с А.Ш. Фокичевым. Его заместителями были назначены Х.Х. Кадиев и М.И. Белов. Были образованы подпольные районные и один городской комитеты партии. Однако указанные комитеты не сумели наладить эффективную работу. В этой связи А.Ш. Фокичев, выступая на Пленуме Кабардинского обкома ВКП(б) 6 сентября 1944 г., отмечал: «22 октября я выехал в Тбилиси на совещание (Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б). – А.Т.), а 26 октября Налчик был оккупирован. Таким образом, к осуществлению этой задачи (организации подпольной работы на оккупированной территории республики. – А.Т.) я не сумел приступить. Но это не снимает с меня ответственности за эту работу» [РГАСПИ Ф. 17. Оп. 43. Д. 475. Л. 90; Ф. 17. Оп. 44. Д. 392. Л. 156].

В период битвы за Кавказ в борьбе с гитлеровскими захватчиками активно участвовали подразделения народного ополчения, истребительные батальоны и партизанские отряды Кабардино-Балкарии. Согласно постановлению Налчикского комитета обороны от 24 ноября 1941 г. на территории республики было организовано 8 партизанских отрядов. В декабре

1942 г., общая численность отрядов составляла 500 человек. С 18 декабря 1942 г. на территории республики действовали 4 отряда с численностью 202 человека, а остальные отряды были присоединены к истребительным батальонам. Объединенный отряд под руководством Г.М. Царяпина в 110 человек был дислоцирован вместе с 37-й армией в районе Ташлы-Тала и фанерного завода, второй отряд – Хуламо-Безенгиевский в количестве 32 человека, третий в количестве 40 человек действовал на территории Курпского района, четвертый Эльбрусский в количестве 20 человек был дислоцирован на территории Эльбрусского района, затем в районе фанерного завода [Лики войны... 1996: 61,62; Кабардино-Балкария... 1975: 257, 269, 287, 288]. Партизаны, обеспечивая тесную связь и взаимодействие с командованием 9-й и 37-й армий, выполняли их задания по разведке сил и мест расположения противника в прифронтной полосе. Разведывательные данные, добытые партизанами, оказывали существенную помощь командованию воинских частей 37-й армии, которая вела бои на территории республики.

За период боевых действий с 20 августа 1942 г. по 5 января 1943 г. партизаны Объединенного отряда уничтожили 700 вражеских солдат и офицеров, взяли в плен 31 фашиста, захватили 29 единиц боевой техники, отбили у немцев 68 тысяч голов скота и лошадей [Кабардино-Балкария... 1975: 298-300]. За боевые заслуги 145 партизан в 1942-1943 гг. были награждены орденами и медалями, в том числе орденами 27 человек, медалями 111 человек, из них медалью «Партизану Отечественной войны» I и II степени 71 человек [Кабардино-Балкария... 1975: 298-300].

Вместе с тем, в организации партизанского движения имелись существенные недостатки. Их анализ и оценка были даны на сентябрьском 1944 г. пленуме обкома ВКП(б). В материалах пленума отмечалось, что, подбор людей в отряды партийными и советскими органами проходил формально. Недостаточно они обеспечивались продовольствием, конским составом, транспортом. Негативное влияние оказывало на деятельность партизан отсутствие военной подготовки и то, что семьи многих партизан не были эвакуированы. Кабардино-Балкарскому обкому ВКП (б) ставилось в вину, что его решениями были отозваны секретари райкомов, горкомов и работники обкома партии, ранее зачисленные в отряды, что повлекло за собой ослабление морально-политического состояния партизан, а также то, что 5 партизанских отрядов были переведены в положение истребительных батальонов с подчинением их НКВД КБАССР, причем впоследствии они по разным причинам распались. Созданный из трех отрядов Объединенный партизанский отряд (командир Г.М. Царяпин) находился в распоряжении 37-й армии [РГАСПИ Ф. 17. Оп. 44. Д. 392. Л. 114 об., 115.].

С августа 1942 г. около трех месяцев велись оборонительные боевые действия на территории Кабардино-Балкарии. Противник был остановлен на рубеже Терек и Баксана. Однако 25 октября 1942 г. гитлеровцы начали наступление в районе Баксана. Танки противника, поддержанные бомбардировщиками, атаковали наши оборонительные порядки. Гитлеровцы подвергли бомбардировке Нальчик. К исходу дня ценой больших потерь

гитлеровцы овладели селениями Кызбурун III, Кишпек, ворвались в Чегем II. 26 октября противник перешел в наступление на Тереке из района Майский – Котляревская, Пришибская. Здесь наступали крупные танковые силы. Вражеская авиация непрерывно бомбила наши войска, населенные пункты и дороги. Воины дивизий, которыми командовали Ф.В. Захаров, Н.Г. Сафарян, А.П. Дорофеев, Г.И. Купарадзе и другие, оказывали стойкое сопротивление врагу. Но силы были неравные. В полдень 26 октября передовые гитлеровские части прорвались к северной окраине Нальчика. Внутри города в течение нескольких дней тяжелые оборонительные бои вели воины 11-й дивизии НКВД и курсанты филиала курсов «Выстрел». Лишь по приказу командования советские войска оставили Нальчик и с боями отошли в юго-восточном направлении. В описании боевых действий войск 37-й армии за период с 25 октября по 15 ноября 1942 г. отмечается: «... Нальчик был оставлен. Слишком велико было превосходство противника на этом участке. В результате бомбежки, артиллерийского, минометного обстрелов и трехдневных уличных боев Нальчик частично превратился в развалины. Пламя пожаров охватило целые кварталы... В течение 3-х дневных боев за Нальчик по приблизительным подсчетам противник потерял до 1570 убитых и раненых солдат и офицеров, 13 подбитых танков, 2 бронемашин, 12 грузовых автомашин, 1 минометную батарею, 1 пушку... Потери 11 стрелковой дивизии НКВД за дни обороны убитых, раненых и пропавших без вести – 664 человека...» [ЦАМО Ф. 37. Оп. 8898. Д. 27. Л. 30, 32; Оп. 8900. Д. 18. Л. 3]

В период с 6 по 12 ноября советские войска под Орджоникидзе нанесли противнику мощный контрудар, который привел к разгрому большой группы немецко-фашистских войск. Гитлеровцы были отброшены от Орджоникидзе. Тем самым были ликвидированы попытки противника продвинуться вглубь Кавказа.

19 ноября 1942 г. началось контрнаступление под Сталинградом, которое завершилось окружением и полным разгромом крупнейшей вражеской группировки. Создалась благоприятная обстановка для перехода в наступление наших войск на Северном Кавказе. 1 января 1943 г. стало началом наступления Красной Армии на Северном Кавказе. Кабардино-Балкарию освобождали войска 37 армии (командующий – генерал-майор П.М. Козлов) и 9-й армии командующий – генерал-майор К.А. Коротеев.

В журнале боевых действий оперативного штаба 37-й армий указывается: «... 2 гвардейская стрелковая дивизия еще со второй половины дня 03.01.1943 г. ввела в бой 395 гвардейский стрелковый полк за овладение гор. Нальчиком. К исходу 03.01.1943 г. полк овладел мясокомбинатом и вел уличные бои на северной окраине и базарной площади города.

В течение ночи 04.01.1943 г. 395 гвардейский стрелковый полк полностью очистил город от противника. При этом уничтожено более 70 солдат и офицеров противника. Захвачено в плен 24 человека и взяты значительные трофеи... Штаб армии – гор. Нальчик» [ЦАМО Ф. 392. Оп. 8898. Д. 69. Л. 6]. В освобождении г. Нальчика принимали участие партизаны Объединенного

Кабардино-Балкарского отряда. 11 января 1943 г. советские войска завершили освобождение территории Кабардино-Балкарии.

Боевые действия происходили и на Эльбрусском направлении. 14 августа 1942 г. подразделения 49-го горнострелкового корпуса «Эдельвейс», которые имели специальную подготовку для ведения боев в горах и соответствующее альпинистское снаряжение заняли аулы Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук.

Следует отметить, что в предвоенные годы в горнострелковых войсках Красной армии проводились учения, бойцы тренировались в несложных предгорных районах и лишь изредка совершали походы через перевалы и на вершины. В этой связи с началом войны перевалы Главного Кавказского хребтом не охранялись специальными подразделениями Красной армии и были открыты для противника. Анализируя эту ситуацию, участник боев в Приэльбрусье А.М. Гусев в своих воспоминаниях отмечал: «Почему так слабо готовили у нас войска для ведения горной войны, я объяснить не берусь. Возможно, кое-кто считал, что война в горах для нашей страны маловероятна. Мы, альпинисты, еще до войны не раз обращались в Управление горной, лыжной и физической подготовки Красной Армии с предложением использовать наш опыт для горной подготовки войск. Но нередко слышали в ответ: «Нам на Эльбрусах не воевать...» [Гусев 1980: 6].

Поэтому 15 августа отряд 99-го альпийского полка 1-й горнострелковой дивизии под командованием капитана Грота, пройдя ущельем реки Уллу-Кам, вышли к перевалу Хотю-Тау, расположенному на горной перемычке, соединяющей Эльбрус с Главным Кавказским хребтом. Путь через него ведет в Баксанское ущелье Кабардино-Балкарии и горным проходам Донгуз-Орун и Бечо, за которыми – Грузия. 16-18 августа после противник занял высокогорную гостиницу «Приют одиннадцати», «Ледовой базу» и метеорологическую станцию [Алиев 2005: 186, 187].

По приказу командования Закавказским фронтом к перевалам Главного Кавказского хребта выдвинулись части 49-й армии. Перевалы района Эльбруса обороняла 63 кавалерийская дивизия под командованием И.О. Ромазова.

18 августа противник силами двух батальонов попытался спуститься в Баксанское ущелье по ледникам Азау и Гара-Баши, но они были атакованы 8-м моторизованным полком НКВД и 63-й кавалерийской дивизией и вынуждены были перейти к обороне. Утром 19 августа враг снова предпринял попытку прорваться к Терсколу, но был отброшен с восточных склонов Эльбруса [Опрышко 1970: 17].

21 августа 1942 г. альпинисты из высокогорного батальона под командованием Грота поднялись на Эльбрус и установили фашистские флаги, вымпелы. Этот факт преподносился во всех гитлеровских газетах и по Берлинскому радио как «покорение Кавказа и его народов». Военных альпинистов сделали в Германии национальными героями. Их показывали в выпусках кинохроники, их портреты печатали на страницах газет и журналов. Капитан Грот был награжден «Рыцарским крестом», каждый из его подчиненных – «Железным крестом».

В этих условиях на помощь 214-му кавалерийскому полку на Эльбрусское направление выводилась 242-я горнострелковая дивизия, которая затем заменила 63-ю кавалерийскую дивизию полностью. 28 августа эскадрон 214-го полка атаковал позиции противника и выбил его из Нового Кругозора, затем совместно с подразделениями полка НКВД освободили поляну Азау и Старый Кругозор [Алиев 2005: 186,187].

В начале сентября 1942 г. 214-й кавалерийский полк сдал свои позиции 897-му горнострелковому полку и 242-й горнострелковой дивизии под командованием Г.Т. Курашвили. 9 сентября подразделения 897-го полка и 106-го горнострелкового отряда НКВД небольшими группами прошли в тыл противника и в результате яростных боев, временами переходивших в рукопашную схватку, освободили 105 пикет, Ледовую базу, Базу МГУ и Нижний Кругозор.

18 сентября на Эльбрус выступили бойцы 106-го горнострелкового отряда, приданного 242 дивизии. Отряд имел задачу подняться из района Тегенекли вверх по ущелью Ирик, по одноименному леднику на уровень «Приюта одиннадцати», выбить оттуда противника и освободить перевал Хотю-Тау. Однако лишённые поддержки со стороны отряда И. Леошко, бойцы группы П. Сироткина вытеснить немцев с их позиций не смогли.

Согласно приказу штаба 242-й горнострелковой дивизии от 18 сентября 1942 г. был создан отряд из 102 человек во главе с лейтенантом Гургеном Григорьянцем, хорошо знавшим район боевых действий. Отряду была поставлена задача – выступить из района ЦДКА по долине реки Терскол и при поддержке стрелковой роты 897-го полка, которая должна была захватить высоту 3648 и «Ледовую базу», наступать на «Приют-11» и овладеть им. В боевом донесении 214 кавалерийского полка указывалось: «... В 22. 00. 27.09.1942 г. после непродолжительного артобстрела «Старый кругозор» отряд Григорьянца начал наступление на «Приют-11». Продвигаясь вперед по снежному полю, отряд был встречен сильным ружейно-пулеметным огнем. Несмотря на то, что противник имел превосходство в живой силе и технике, а также занимал командные высоты, отряд продолжал продвигаться вперед с командных высот в районе «Приюта 11». Григорьянец, пренебрегая смертью, с криками «Ура!», «За Сталина!» дважды атаковал противника, продвигаясь вперед. И только тогда, когда отряд потерял три четверти личного состава, остатки залегли и вели бой до 14:00 28.09. Пользуясь превосходством в живой силе и большой насыщенности огня, противнику удалось окружить остатки отряда. Из отряда вышел один раненый политрук и три раненых бойца. Командир отряда лейтенант Григорьянец, раненый в обе ноги, остался на поле боя.

Высланный на помощь отряд был встречен в пути огнем противника и не смог оказать помощи группе лейтенанта Григорьянца» [ЦАМО Ф. 401. Оп. 9511. Д. 114. Л. 82; Ф. 242. Оп. 51848. Д. 7. Л. 96].

В тот же день 26 сентября, отряд Е. Глухоедова начал атаку в урочище Чипер. Лишь 3 октября перевал Чипер-Азау был взят. Потери составили: 93 убитых и пропавших без вести, 41 раненый. 18 обмороженных. Потери

противника до 80 человек. Однако немцы контратаковали из района Чипер-Азау и Хотю-Тау, и бойцы красной Армии вынуждены были отступить [ЦАМО Ф. 242. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

В начале января 1943 г. противник перед угрозой окружения стал выводить свои части с перевалов Главного Кавказского хребта и с Эльбруса. В этой связи заместитель командующего войсками Закавказского фронта генерал-майор И.А. Петров 2 февраля 1943 г. направил в Штаб опергруппы Закавказского фронта предписание снять с вершины Эльбруса фашистские вымпелы и установить государственные флаги СССР. По заданию командующего Закавказского фронта группа советских альпинистов в составе 6 человек (руководители Н.А. Гусак, Е.А. Белицкий) 13 февраля 1943 г. совершили восхождение на западную вершину горы Эльбрус, а группа в количестве 14 человек (руководитель А.М. Гусев), 17 февраля – на восточную вершину, сорвали фашистские флаги и водрузили флаги СССР [Гусев 1980: 107-110].

Анализируя деятельность партийных и государственных органов власти республики и военного руководства в первый период Великой Отечественной войны, следует отметить, что они не были подготовлены к выполнению задач в условиях приближения фронта, допустили грубые просчеты в определении начала сроков эвакуации населения, промышленного оборудования, общественного скота, что привело к растерянности и неорганизованности. В результате не удалось провести эвакуацию в полном объеме, организовать подпольную работу на оккупированной территории республики и партизанское движение. Все это существенным образом повлияло на общественно-политическую ситуацию в Кабардино-Балкарии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алиев 2005 – *Алиев К.М.И.* В зоне «Эдельвейса» – М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола, 2005. – 368 с.

Безугольный и др. 2012 – *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. – М.: Центрполиграф, 2012. – 479 с.

Великая... 1998 – *Великая* Отечественная война, 1941-1945: Воен.-ист. очерки: в 4 кн. Кн. 2: Перелом / Редкол.: В. И. Фесенко (гл. ред.) и др. – М.: Наука, 1998. – 498 с.

Великая... 2012 – *Великая* Отечественная война 1941-1945 годов: в 12 т. Т. 3: Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012. – 864 с.

Гугова 2018 – *Гугова М.Х.* Кабардино-Балкария накануне и в начальный период великой отечественной войны // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2018. – № 2 (37). – С. 23-29.

Гусев 208 – *Гусев А.М.* Эльбрус в огне. – М.: Воениздат, 1980. – 208 с.

Ибрагимбейли 1977 – *Ибрагимбейли Х.М.* Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. – М.: Наука, 1977. – 319 с.

Ибрагимбейли 1981 – *Ибрагимбейли Х.М.* Крах гитлеровского оккупационного режима на Кавказе // Народный подвиг в битве за Кавказ / Отв. ред. Г.А. Куманев. – М.: Наука, 1981. – С. 265–285.

Кабардино-Балкария... 1975 – *Кабардино-Балкария* в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Сборник документов и материалов). – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 795 с.

Лики войны... 1996 – *Лики войны: Сб. документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)*. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 504 с.

Линец 2009 – *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). – Пятигорск: ПГЛУ, РИА-КМВ, 2009. – 529 с.

Опрышко 1970 – *Опрышко О.Л.* На Эльбруском направлении. – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 168 с.

Опрышко 1976 – *Опрышко О.Л.* Заоблачный фронт Приэльбрусья. – М.: Воениздат, 1976. – 149 с.

Опрышко 2018 – *Опрышко О.Л.* Боевые действия на территории Кабардино-Балкарии. Август 1942 – январь 1943 года. – Нальчик: Эльбрус, 2015. – 288 с.

РГАСПИ – *Российский государственный архив социально-политической истории*

Татаров 2016 – *Татаров А.А.* Горские народы и «северокавказский эксперимент» Германии в 1942-1944 гг.: на материалах Кабардино-Балкарии. Автореф. дис.... канд. ист. наук. – Нальчик, 2016. – 26 с.

Типпельскирх 1999 – *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны / Пер. с нем. – СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999. – 796 с.

Тюленев 1975 – *Тюленев И.В.* Крах операции «Эдельвейс». – Орджоникидзе: ИП, 1975. – 91 с.

УЦДНИ АС КБР – *Управление центра документации новейшей истории архивной службы КБР.*

ЦАМО – *Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.*

REFERENCES

ALIEV K.-M.I. *V zone «Edel'veisa»* [In the Edelweiss zone]. – Moscow: Ileksa; Stavropol': Servisshkola, 2005. – 368 p. (In Russian)

BEZUGOL'NYI A.Yu, BUGAI N.F., KRINKO E.F. *Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoi Otechestvennoi voine 1941-1945* [Highlanders of the North Caucasus in the Great Patriotic War of 1941–1945]. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2012. – 479 p. (In Russian)

GUGOVA M.Kh. *Kabardino-Balkariya nakanune i v nachal'nyi period velikoi otechestvennoi voiny* [Kabardino-Balkaria on the eve of and during the initial period of the Great Patriotic War]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2018. – No 2 (37). – P. 23-29. (In Russian)

GUSEV A.M. *El'brus v ogne* [Elbrus on fire]. – Moscow: Voениzdat, 1980. – 208 p. (In Russian)

IBRAGIMBEILI Kh.M. *Krakh «Edel'veisa» i Blizhnii Vostok* [The collapse of the Edelweiss and the Middle East]. – Moscow: Nauka, 1977. – 319 p. (In Russian)

IBRAGIMBEILI Kh.M. *Krakh gitlerovskogo okkupatsionnogo rezhima na Kavkaze* [The collapse of the Nazi occupation regime in the Caucasus]. IN: *Narodnyi podvig v bitve za Kavkaz / Otv. red. G.A. Kumanev* [The people's heroic deeds in the struggle for Caucasus. Ed. G.A. Kumanev]. – Moscow: Nauka, 1981. – P. 265–285. (In Russian)

Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg. (Sbornik dokumentov i materialov) [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War of 1941-1945 (Collection of documents and materials)]. – Nalchik: El'brus, 1975. – 795 p. (In Russian)

Liki voiny: Sb. dokumentov i materialov po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945 gg.) [Faces of war: Collection of documents and materials on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941-1945)]. – Nalchik: El'brus, 1996. – 504 p. (In Russian)

LINETS S.I. *Severnyi Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942 – oktyabr' 1943 gg.)* [The North Caucasus on the eve

of and during the period of Nazi occupation: the state and features of development (July 1942 – October 1943)]. – Pyatigorsk: PGLU, RIA-KMV, 2009. – 529 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *Boevye deistviya na territorii Kabardino-Balkarii. Avgust 1942 – yanvar'1943 goda* [The fighting on the territory of Kabardino-Balkaria. August 1942 – January 1943]. – Nalchik: El'brus, 2015. – 288 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *Na El'brusskom napravlenii* [On the Elbrus direction]. – Nalchik: El'brus, 1970. – 168 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *Zaoblachnyi front Priel'brus'ya* [The sky-high front of the Elbrus region]. – Moscow: Voenizdat, 1976. – 149 p. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History].

TATAROV A.A. *Gorskie narody i «severokavkazskii eksperiment» Germanii v 1942-1944 gg.: na materialakh Kabardino-Balkarii: avtoref.dis.... kand. ist. nauk.* [Mountain peoples and the “North Caucasian experiment” of Germany in 1942-1944: based on materials from Kabardino-Balkaria. Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Nalchik, 2016. – 26 p. (In Russian)

TIPPEL'SKIRKH K. *Istoriya Vtoroi mirovoi voiny / Per. s nem.* [History of the Second World War / Translated from German]. – Saint-Petersburg: Poligon; Moscow: AST, 1999. – 796 p. (In Russian)

Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central archives of the Ministry of defense of the Russian Federation].

TYULENEV I.V. *Krakh operatsii «Edel'veis»* [The failure of the Edelweiss operation]. – Ordzhonikidze: IR, 1975. – 91 p. (In Russian)

Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii arkhivnoi sluzhby KBR [Office of the Center for documentation of modern history of the KBR's archives agency].

Velikaya Otechestvennaya voina 1941-1945 godov: v 12 t. T. 3. Bitvy i srazheniya, izmenivshie khod voiny [The Great Patriotic War of 1941-1945: in 12 vols. Vol. 3: Battles and fightings that changed the course of the war]. – Moscow: Kuchkovo pole, 2012. – 864 p. (In Russian)

Velikaya Otechestvennaya voina, 1941-1945: Voen.-ist. ocherki: v 4 kn. Kn. 2: Perelom / Redkol.: V.I. Fesenko (gl. red.) i dr. [The Great Patriotic War of 1941-1945. Essays in the history of warfare. In 4 vols. Vol. 2: The Turn. Editorial board: V.I. Fesenko (editor in chief)]. – Moscow: Nauka, 1998. – 498 p. (In Russian)

УДК 93/94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-72-104

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ¹****А.Х. БОРОВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

М.М. БЕРБЕКОВА

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kadykoeva1992@mail.ru*

Аннотация. Цель данной работы заключается в том, чтобы охарактеризовать общие параметры демографической эволюции, демографической ситуации и этнодемографической специфики Кабардино-Балкарской Республики, отражающие итоги и пределы развития процессов модернизации на протяжении XX в. и задающие социально-демографический формат регионального развития на перспективу. За последнее столетие население Кабардино-Балкарии увеличилось в четыре раза, и произошли революционные сдвиги в его социально-демографическом облике. Социально-культурная модернизация, основанная на опережающей динамике индустриализация, урбанизации и росте уровня образования населения сопровождалась демографическим переходом. В республике сложилась модель воспроизводства населения, характеризующаяся низкой рождаемостью и низкой смертностью. Естественный прирост еще сохраняется, но он уже почти полностью перекрывается миграционной убылью, а старение населения ограничивает возможности воздействия на состояние рождаемости и смертности мерами демографической политики. Демографический рост и массовое вхождение в состав рабочей силы новых поколений не могут служить главным источником развития. Между тем, с 1990-х гг. обозначилась тенденция глубокой деиндустриализации и размывания индустриального социально-профессионального кластера, в котором ведущее место занимало русское население. Стагнация процесса урбанизации, проявления демодернизации социально-профессиональной структуры населения актуализировали значимость архаичных по происхождению факторов структурирования общества по линиям разграничения этнических групп. В целом, произошла своего рода инверсия в соотношении общего и социально-демографического развития. В рамках советского периода развитие как бы «приходило» в Кабардино-Балкарию, «приводило» с собой и формировало в местном населении контингент носителей

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России». Подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление». Проект «Исторический опыт и актуальные проблемы интеграции культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство: Северный Кавказ».

профессиональной и общей культуры, необходимой для функционирования институтов развития. Теперь, в условиях социально-экономической стагнации в республике, имеющиеся в других регионах центры развития как бы «вытягивают» из нее не просто избыточную рабочую силу, но – что важнее всего – носителей современных профессиональных компетенций, истощая демографический базис развития самой Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария; демографическая модернизация; XX-XXI вв.; воспроизводство населения; миграция; социально-демографический формат региона; этнодемографическая структура; человеческое развитие.

DEMOGRAPHIC MODERNIZATION OF KABARDIN-BALKARIA: HISTORY AND NOWADAYS PROBLEMS

A.Kh. BOROV

*FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»,
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

M.M. BERBEKOVA

*FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»,
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: kadykoeva1992@mail.ru*

Abstract. The paper’s aim is to outline general parameters of demographic evolution, current demographic situation and ethno-demographic specifics of Kabardin-Balkar Republic, which reflect the outcomes as well as the limits of modernization process during the 20th century and set the socio-demographic format of the region’s development for the near future. For the last century Kabardin-Balkar population increased fourfold and revolutionary changes occurred in its socio-demographic image. Socio-cultural modernization was based on outpacing dynamics of industrialization, urbanization and population’s education rates growth and it was accompanied by the demographic transition. There is a model of population reproduction in the republic now, which is characterized with low birthrate and low death rate. Natural population growth sustains yet but it is almost wholly offset by population decline caused by migration. Population growth and massive influx of new generations into the workforce cannot be more the main source of development. Meanwhile since the 1990s the trend of deep de-industrialization became visible that leads to the erosion of industrial socio-professional cluster where the Russian population dominated. Stagnation of urbanization process and manifestations of de-modernization in population’s socio-professional structure enhanced the significance of archaic in their origin factors of structuring society along the lines of ethnic groups, boundaries. As a whole an inversion of the kind took place in interrelation between the general and the socio-demographic development. Within the Soviet period the development “came into” Kabardin-Balkaria. It brought with itself or formed in the local population a contingent bearing general and professional culture necessary for functioning of the development institutions. Nowadays in the condition of socio-economic stagnation in the republic the outer centers of development would pull out not mere surplus workforce but – more importantly – the bearers of modern professional competencies depleting the demographic base of Kabardin-Balkaria’s development.

Keywords: Kabardin-Balkaria; demographic modernization; 20-21st centuries; reproduction of population; migrations; socio-demographic format of the region; ethno-demographic structure; human development.

Постановка проблемы

В специальной литературе не подвергается сомнению фундаментальная значимость демографических процессов для глобального, национального и регионального развития. Применительно к России, авторы работы о процессах ее демографической модернизации в XX веке указывают, что демографические перемены, не столь очевидные, как экономические или политические, и потому позднее осознанные, затрагивали глубочайшие пласты человеческого бытия, что совокупность этих перемен составляла демографическую модернизацию России, являвшуюся неотъемлемой частью всемирной демографической модернизации, глобального «демографического перехода» [Демографическая... 2006: 9]. Со своей стороны, исследователи демографических процессов в Кабардино-Балкарской Республике отмечают, что в литературе по проблемам регионального развития недостаточно изучены вопросы взаимовлияния экономических и демографических процессов. Они выступают за более широкий синтез в поиске путей совершенствования экономической системы, что станет возможным «только на основе рассмотрения совокупности свойств населения» – различных аспектов его жизнедеятельности, его влияния на экономику, политику и культуру, закономерностей его воспроизводства [Прогнозирование... 2010: 9-10].

Цель данной работы заключается в том, чтобы, не углубляясь в сугубо специальные проблемы демографического анализа, охарактеризовать общие параметры демографической эволюции, демографической ситуации и этнодемографической специфики Кабардино-Балкарской Республики, отражающие итоги и пределы развития процессов модернизации на протяжении XX в. и задающие социально-демографический формат регионального развития на перспективу.

Общие параметры демографической ситуации

Актуальная демографическая ситуация и факторы, ее определяющие, получают более объемное выражение на фоне векового тренда движения населения Кабардино-Балкарии (Таблица 1).

Таблица 1

Основные показатели численности и состава населения Кабардино-Балкарии (1926-2010)

	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Все население*	204,0	359,2	420,1	588,2	674,6	759,6	901,5	859,9
<i>В т.ч. городское</i>	12,9	84,7	166,0	280,1	392,4	465,0	510,3	468,4
Кабардинцы	122,4	152,3	190,3	264,7	303,6	363,5	498,7	490,5
<i>В т.ч. городское</i>	0,87	5,4	23,0	58,2	108,8	156,7	227,9	219,5
Балкарцы	33,2	40,7	34,1***	51,4	59,7	70,8	104,9	108,6
<i>В т.ч. городское</i>	0,35	0,9	4,7	13,8	30,0	41,6	49,1	48,7
Русские**	32,6	140,2	162,6	218,6	234,1	253,6	226,6	193,2
<i>В т.ч. городское</i>	7,4	69,4	115,2	168,4	191,3	200,1	180,7	151,4
* Наличное население								
** 1926 и 1939 г. вместе с украинцами								
*** Балкарское население КБАССР. Общая численность балкарцев в СССР составила по переписи 1959 г. 42,4 тыс. чел.								

Составлено по: [Всесоюзная... 1928; Всесоюзная... 1999; Итоги... 1963; Итоги... 1973; Численность... 1984; Национальный... 1991; а также¹].

Интерпретируя приведенные в таблице данные, необходимо учитывать, что на общую демографическую динамику и национальный состав населения на различных этапах воздействовали «внешние» для них факторы: между переписями 1926 и 1939 гг. в состав Кабардино-Балкарской АО были включены нынешний г. Прохладный и часть нынешнего Прохладненского района примерно с 25 тыс. русского и украинского населения; между переписями 1939 и 1959 гг. имела место поголовная депортация балкарского населения, нанеся ему существенный демографический ущерб; наконец, результаты переписи населения 2002 г. недостоверны. Но эти обстоятельства не лишают смысла некоторые общие характеристики и не мешают разглядеть смену моделей демографического развития.

Население России за 1926-2010 гг. увеличилось в 1,5 раза, тогда как население Кабардино-Балкарии за тот же период выросло более чем в 4 раза, но оно составляет на 2017 г. только 0,6 % от населения России, а среди субъектов РФ республика занимает по численности населения 58-е место. В советский период (1926-1989) население республики выросло примерно в 3,5 раза, кабардинское население – в 3, балкарское – в 2, а русское население – в 8 раз. Это говорит о повышенном вкладе миграционного прироста в изменение

¹ Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс] // Демоскоп-Weekly. – 2018. – № 777-778. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (дата обращения: 10.11.2018); Всероссийская перепись населения 2002 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 29.09.2018); Всероссийская перепись населения – 2010 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.09.2018).

численности населения, в целом, и русского населения, в особенности. Отвлекаясь от особенностей процесса урбанизации в регионе, можно отметить, что численность городского населения выросла в 36 раз и составила в 1989 г. 61,2 % от населения республики. При этом среди русского населения доля горожан составляла 78,9 %, а доля русских в городском населении превышала 43 %. Соответствующие показатели у кабардинского населения – 43,1 и 33,7 %, у балкарского – 58,8 и 8,9 %.

В 1990-2000-е гг. описанная модель демографического развития качественно модифицировалась. Тенденция роста численности населения сохранилась, но если между переписями 1970 и 1989 гг. ее среднегодовой прирост превышал 9 тыс., то между 1989 и 2010 гг. он не достигал 4,8 тыс. Абсолютная численность городского населения стагнировала, а его удельный вес в населении республики снижался. Снижались также численность и удельный вес русского населения.

Воспроизводство населения

В совокупности эти изменения формируют конкретную демографическую ситуацию – сочетание особенностей воспроизводства населения по основным процессам в Кабардино-Балкарской Республике 1990-2010-х гг., – требующую самостоятельного анализа. Одна из трудностей в представлении полной и ясной картины, характеризующей указанную ситуацию, связана с недостоверностью официальных итогов переписи населения 2002 г., которые показали превышение почти на 120 тыс. по сравнению с оценками по текущему учету численности населения. В официальных статистических источниках последующих лет данные текущего учета движения населения в 1990-е годы «корректировались» и приводились в соответствие с итогами переписи 2002 г. Но затем, итоги проведенной с большей добросовестностью переписи 2010 г. заставили вновь откорректировать данные текущего учета движения населения в 2000-е годы. В силу отмеченного, невозможно выстроить достоверные статистические ряды показателей численности населения в республике. Но указанные «корректировки» осуществлялись за счет манипуляций с показателями миграционного прироста. Авторы официального статистического издания 2010 года прямо указывали, что данные по миграции населения за 1990-2000 гг. «пересчитаны от итогов Всероссийской переписи населения 2002 г.» [Кабардино-Балкария... 2010: 49]. Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста населения не подвергались таким «пересчетам» и представляются более достоверными. Анализ соответствующих данных в рамках периода 1990-2010-х гг. обнаруживает три фазы движения естественного прироста населения: понижительную в 1990-2005, повышательную в 2006-2014 гг. и снова понижительную – с 2015 г. (Таблицы 2 и 3).

Таблица 2

Движение населения КБР (1985-2005)

	Население ¹		Рождаемость ²		Смертность ³		Естественный прирост ⁴		Миграционный прирост ⁵	
	Г ⁶	П ⁷	Г ⁶	П ⁷	Г ⁶	П ⁷	Г ⁶	П ⁷	Г ⁶	П ⁷
1985	719	-	22,2	-	8,1	-	14,1	-	-	-
1990	772	781	19,9	20,0	8,5	8,5	11,4	11,5	7	125
1991	778	-	19,1	-	9,0	-	10,1	-	5	-
1992	784	-	17,5	-	9,0	-	8,5	-	-27	-
1993	786	-	15,0	-	10,0	-	5,0	-	-52	-
1994	786	-	14,5	-	10,2	-	4,3	-	-37	-
1995	784	835	13,7	13,1	10,4	9,9	3,3	3,2	-33	130
1996	784	-	13,0	-	10,4	-	2,6	-	-19	-
1997	786	-	12,7	-	10,1	-	2,6	-	-8	-
1998	786	-	12,6	-	10,4	-	2,2	-	17	-
1999	785	-	11,6	-	10,5	-	1,1	-	-22	-
2000	784	887	11,6	10,4	11,1	10,0	0,5	0,4	-25	83
2001	782	894	11,3	10,0	11,1	9,9	0,2	0,1	-26	85
2002	901	901	11,6	10,2	10,4	10,0	0,2	0,2	-26	73
2003	899	899	10,3	10,3	10,2	10,2	0,1	0,1	-24	-24
2004	-	897	-	10,5	-	9,7	-	0,8	-	-30
2005	894 ⁸	866 ⁹	10,0	-	10,1	-	-0,1	-	-32 ⁸	-127 ⁹

¹ Оценка на конец года; тысяч человек

² Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения)

³ Общие коэффициенты смертности (число умерших на 1000 человек населения)

⁴ Коэффициенты естественного прироста населения (на 1000 человек населения)

⁵ Коэффициенты миграционного прироста населения (на 10000 человек населения)

⁶ Данные Росстата за 2004 год

⁷ Данные Росстата за 2006 год

⁸ Данные Росстата за 2010 и 2011 годы

⁹ Данные Росстата за 2017 год

Составлено по: [Кабардино-Балкарская... 1995: 10, 26; Кабардино-Балкария... 1998: 27; Регионы... 2004: 42, 63, 65, 70, 82; Регионы... 2007: 56, 76, 78, 82, 92; Регионы... 2010: 56; Регионы... 2011: 62, 64, 68; Регионы... 2017: 37, 59, 61, 69, 85].

Еще в 1985 г. коэффициент рождаемости был равен 22,2, коэффициент смертности 8,1 и, соответственно, коэффициент естественного прироста населения 14,1 (Таблица 2). В 1990-2005 гг. наблюдается устойчивая тенденция снижения коэффициента естественного прироста населения. Рождаемость снизилась с 19,9 на 1000 человек населения в 1990 г. до 10,0 в 2005 г., смертность выросла до 10,1 на 1000 человек населения, и впервые была зафиксирована естественная убыль населения – коэффициент естественного прироста составил -0,1. Ф.Ж. Берова осуществила анализ временных рядов таких показателей, как число родившихся, число умерших и естественный прирост населения по годам начиная с 1943 г. Сравнивалась их динамика в двух вариантах: в виде трех (1943-1962, 1963-1982, 1983-2003) и двух (1943-1972, 1973-2003 гг.) частичных временных рядов. Для обоих вариантов частичных рядов имеет место увеличение с течением времени среднего числа родившихся в республике. Увеличение на временном отрезке 1963-1982 гг. по сравнению с 1943-1962 гг. составило около 38%, а на интервале 1973-2003 по сравнению с

1943-1972 гг. – примерно 27%. Это интерпретируется автором как указание на то, что существенные изменения в динамике данного показателя стали происходить начиная с 1980-х годов. Результаты анализа изменения смертности в КБР показали, что среднее значение данного показателя устойчиво увеличивается с течением времени, причем происходит оно достаточно быстрыми темпами. С точки зрения изменения показателей естественного прироста населения КБР наиболее благополучным был второй (1963-1982 гг.), а самым неблагополучным – последний (1983-2003) период. Средний прирост населения в республике на последнем интервале составил лишь 60% от его значения на втором. Наиболее важным фактором, влияющим на динамику прироста населения в республике, является, по оценке исследователя, повышение смертности [Берова 2011: 155-156]. Здесь прослежена динамика абсолютных величин количества рождений по годам, отражающая и то обстоятельство, что в рамках рассматриваемых временных отрезков существенно росла общая численность населения республики.

Анализ динамики общих коэффициентов рождаемости и смертности за период 1990-2005 гг. позволяет дополнить эту картину. Коэффициент смертности вырос за это время примерно на 19%, тогда как коэффициент рождаемости снизился практически вдвое (на 99%). Кроме того данные за период 1990-2005 гг. более четко демонстрируют качественную новизну демографической ситуации в КБР не только по сравнению с предшествующим, но и с последующим (2006-2014 гг.) периодом (Таблица 3).

Данные таблицы показывают, что с 2006 г. наметилась обратная, позитивная тенденция в естественном движении населения Кабардино-Балкарской Республики. До 2014 г. устойчиво, с небольшим откатом в 2013 г. по отношению к 2012 г., росла рождаемость. С 10,4 в 2006 г. коэффициент рождаемости вырос до 15,6 в 2014 г. За это же время коэффициент смертности снизился с 9,8 до 8,8, а к 2017 г. опустился до уровня 1990 г. – 8,5. Соответственно коэффициент естественного прироста населения вырос в 2006-2014 гг. с 0,6 до 6,8. Повышение рождаемости в рассматриваемый период было спрогнозировано Ф.Ж. Беровой на основе анализа динамики изменения основных репродуктивных возрастов. Дело в том, что в 2000-2015 гг. основного репродуктивного возраста (20-29 лет) должны были достигнуть многочисленные поколения 1980-х годов рождения. Пик основных репродуктивных возрастов 1980-х годов рождения приходился на 2006-2016 гг. Позднее, согласно прогнозу, в связи с вступлением в репродуктивный возраст детей 1990-х годов рождения должен наступить очередной «демографический провал». Ожидалось, что интенсивность падения рождаемости увеличится с 2016-2017 гг. и далее, что приведет к истинной депопуляции [Берова 2009: 31-32]. Данные таблицы хорошо укладываются в эти оценки. В 2015-2018 гг. произошло снижение рождаемости на 22,4% (коэффициент рождаемости за январь-июль 2018 г. составил 12,1 по сравнению с 15,6 в 2014 г.).

Таблица 3

Движение населения в КБР (2006-2018)

	Население ¹		Рождаемость ⁴	Смертность ⁵	Естественный прирост ⁶	Миграционный прирост ⁷	
	Г ²	П ³				Г ²	П ³
2006	891	-	10,4	9,8	0,6	-37	-
2007	891	-	12,8	9,5	3,3	-33	-
2008	892	-	13,5	9,1	4,4	-33	-
2009	894	-	13,6	9,4	4,2	-26	-
2010	-	860	14,6	9,4	5,2	-40	-50
2011	-	859	15,0	9,4	5,6	-	-65
2012	-	859	16,0	9,0	7,0	-	-72
2013	-	859	15,6	9,0	6,6	-	-72
2014	-	861	15,6	8,8	6,8	-	-41
2015	-	862	14,6	8,8	5,8	-	-41
2016	-	865	14,0	8,6	5,4	-	-29
2017	-	866	12,8	8,5	4,3	-	-28
2018 ⁸	-	866	12,1	8,5	3,6	-	-

¹ Оценка на конец года; тысяч человек
² Данные Росстата за 2010 и 2011 годы
³ Данные Росстата за 2017 год
⁴ Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения)
⁵ Общие коэффициенты смертности (число умерших на 1000 человек населения)
⁶ Коэффициенты естественного прироста населения (на 1000 человек населения)
⁷ Коэффициенты миграционного прироста населения (на 10000 человек населения)
⁸ Январь-июль 2018 г.

Составлено по: [Регионы... 2010: 56.; Регионы... 2011: 62, 64, 68; Регионы... 2017: 37, 59, 61, 69, 85; а также¹].

Демографы считают суммарный коэффициент рождаемости и нетто-коэффициент воспроизводства более тонкими и точными измерителями для оценки демографической ситуации, нежели общие коэффициенты рождаемости и смертности.

Суммарный коэффициент рождаемости показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15-49 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычислены возрастные коэффициенты. Его величина не зависит от возрастного состава населения и характеризует средний уровень рождаемости в данный календарный период. Для наших целей он может быть достаточно информативным при более или менее долговременном и сравнительном подходе (Таблица 4).

¹ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/c42e25004f8160879e5dde8250d62a05/Рождаемость.+смертность+и+естественный+прирост+населения.pdf (дата обращения: 02.11.2018); Демография: Показатели естественного движения населения [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/514b420045adf4ae8c23ecedfce35b80/Естественно+движение+населения+КБР+за+январь-июль+2018г..pdf (дата обращения: 02.11.2018).

Таблица 4

Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину)

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	1,294	1,567	1,582	1,691	1,707	1,750	1,777	1,762
СКФО	1,644	1,990	2,006	2,002	1,987	2,034	1,979	1,936
Республика Дагестан	1,698	1,918	1,984	2,029	2,015	2,077	2,022	1,978
Республика Ингушетия	1,800	2,990	2,940	2,270	2,231	2,278	1,971	1,752
Кабардино-Балкарская Республика	1,200	1,658	1,698	1,828	1,803	1,831	1,753	1,724
Карачаево-Черкесская Республика	1,392	1,512	1,543	1,628	1,673	1,650	1,541	1,518
Республика Северная Осетия-Алания	1,436	1,835	1,863	1,956	1,977	2,009	1,930	1,891
Чеченская Республика	2,947	3,453	3,362	3,080	2,925	2,912	2,799	2,622
Ставропольский край	1,234	1,441	1,430	1,525	1,548	1,617	1,644	1,678

Источник: [Регионы... 2017: 71].

Таблица показывает, что за 2005-2016 гг. в среднем по России число детей в расчете на одну женщину выросло на 36 %, но не достигло даже минимальных показателей советского периода – 1,762 против 1,89 в 1980 и 1990 гг. В КБР за тот же период число детей в расчете на одну женщину выросло с 1,200 до 1,724 (на 44 %), но суммарный коэффициент рождаемости ниже среднероссийского, среднего по СКФО и существенно ниже уровня (2,15) необходимого для обеспечения простого воспроизводства населения.

Аналогичные наблюдения можно сделать и по такому показателю сложившейся модели репродуктивного (прокреативного) поведения как нетто-коэффициент (чистый коэффициент) воспроизводства женского населения. Он равняется числу девочек, родившихся в данном периоде (обычно однолетнем, но может быть выбран и иной, например, пятилетний период) и имеющих шанс дожить – при возрастных уровнях смертности этого периода – до среднего возраста материнства, исчисленного для того же периода, в расчете на одну женщину. Минимальное значение коэффициента, необходимое для обеспечения простого воспроизводства населения равно 1. Снижение показателей нетто-коэффициента воспроизводства населения – мировой процесс, который прослеживается на протяжении XX века и в России, где он снизился с 1,56 в 1895-1899 гг. до 0,6 в 1995-1999 гг. [Захаров 2003]. В дальнейшем наметилась тенденция роста этого показателя и по России в целом и по Кабардино-Балкарской Республике (Таблица 5).

За 2002-2016 гг. нетто-коэффициент воспроизводства вырос по РФ с 0,606 до 0,841, а в КБР с 0,565 до 0,827. Обращает на себя внимание, что показатель по КБР в 2007-2008 и 2010-2014 гг. был выше среднероссийского, а в остальные годы – ниже. При этом за 2014-2016 гг. нетто-коэффициент воспроизводства населения в КБР снизился довольно заметно и в 2016 г. был ниже показателей предшествующих четырех лет (2012-2015), а по России этот показатель остался более высоким по сравнению со всем предшествующим периодом за исключением 2015 г.

Таблица 5

Нетто-коэффициент воспроизводства по субъектам Российской Федерации¹

Год	Все население		Городское население		Сельское население	
	РФ	КБР	РФ	КБР	РФ	КБР
2002	0,606	0,565	0,561	0,465	0,767	0,715
2003	0,621	0,565	0,577	0,476	0,782	0,710
2004	0,633	0,559	0,589	0,480	0,785	0,691
2005	0,608	0,520	0,566	0,442	0,749	0,650
2006	0,613	0,536	0,568	0,442	0,762	0,686
2007	0,665	0,669	0,608	0,554	0,848	0,855
2008	0,709	0,732	0,649	0,622	0,896	0,896
2009	0,730	0,729	0,674	0,631	0,898	0,866
2010	0,745	0,793	0,684	0,732	0,939	0,866
2011	0,752	0,801	0,686	0,731	0,975	0,883
2012	0,803	0,879	0,732	0,823	1,051	0,943
2013	0,813	0,879	0,739	0,833	1,074	0,926
2014	0,832	0,876	0,756	0,775	1,100	0,981
2015	0,847	0,845	0,801	0,813	1,002	0,874
2016	0,841	0,827	0,799	0,813	0,978	0,715

Интересно отметить и другое. Значения коэффициента для сельского населения по России выше, чем для городского примерно в 1,3-1,5 раза. По КБР разброс между минимальным и максимальным значениями этого показателя для сельского и городского населения располагается между 1,08 и 1,54 раза, а в 2016 нетто-коэффициент воспроизводства у сельского населения КБР оказался ниже, чем у городского – 0,715 против 0,813.

Проблема демографической модернизации

Показатели суммарного коэффициента рождаемости и нетто-коэффициента воспроизводства относятся к гипотетическим (условным) поколениям и представляют собой оценку фактических демографических условий воспроизводства населения в данном календарном году. Специалисты указывают на недостатки этих показателей, которые не учитывают колебаний и долговременных направленных изменений демографических условий и, соответственно, изменений в поведении людей во времени [Захаров 2003; Вишневский 2012а]. Рассматривая современные изменения в рождаемости во взаимосвязи с переменами в массовом матримониальном поведении и трансформацией всего жизненного цикла семьи, они привлекают концепцию второго демографического перехода. В его проявлениях усматриваются универсальные исторические закономерности, так что, переживая все эти перемены, российское общество находится в ряду других постиндустриальных, городских обществ [Демографическая... 2006: 247]. В работах демографов

¹ Нетто-коэффициент воспроизводства по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2018. – № 781-782. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nrt.php?reg=11 (дата обращения: 23.09.2018).

Кабардино-Балкарии дается критический анализ теории второго демографического перехода, придающей универсальное значение специфическим для современной западной цивилизации явлениям [Прогнозирование... 2010: 11-29]. Наряду с этим, в них присутствуют положения о негативном влиянии на демографические процессы в республике факторов урбанизации и культурного влияния Запада, о кризисе семьи и кризисном состоянии демографической ситуации в республике, как и во всей стране [Табаксоев 2015а; Табаксоев 2015b; Табаксоев 2016а].

Эти вопросы пока не поддаются однозначному решению на эмпирическом материале. Среди главных проявлений второго демографического перехода, оказывающих влияние на рождаемость, приблизительной статистической оценке поддаются рост среднего возраста вступления в регистрируемый брак и сдвиги в возрастном распределении рождений в сторону снижения вклада младших и повышения вклада старших возрастных групп (Таблица 6). Данные таблицы показывают, что за полвека с 1960 до 2010-х гг. произошел статистически и социально значимый сдвиг в возрастном распределении браков именно в том направлении, которое соответствует допущениям теории второго демографического перехода.

Таблица 6

Браки по возрасту жениха и невесты по субъектам Российской Федерации (2014 г.)

	Вступившие в брак в возрасте, лет						Всего браков
	До 18	18-24	25-34	35-44	44-54	55 и более	
Российская Федерация – 1960							
мужчины	0,02 %	53,23 %	31,26 %	15,47 %			1499581
женщины	0,33 %	63,27 %	13,44 %	11,01 %			
Российская Федерация – 2014							
мужчины	0,07 %	22,35 %	51,55 %	15,29 %	6,64 %	4,10 %	1225985
женщины	0,75 %	35,64 %	43,61 %	12,41 %	4,96 %	2,61 %	
Центральный федеральный округ – 2014							
мужчины	0,06 %	19,74 %	52,06 %	16,51 %	7,34 %	4,29 %	322818
женщины	0,57 %	32,02 %	45,77 %	13,45 %	5,51 %	2,68 %	
Кабардино-Балкарская Республика – 2014							
мужчины	0,05 %	28,53 %	52,75 %	12,35 %	4,30 %	2,01 %	5772
женщины	3,03 %	50,92 %	35,06 %	7,11 %	2,67 %	1,23 %	
Республика Дагестан – 2014							
мужчины	0,005 %	32,28 %	55,30 %	7,96 %	2,62 %	1,83 %	20240
женщины	1,48 %	68,25 %	23,53 %	4,47 %	1,39 %	0,88 %	

Рассчитано по: [Демографический... 2005: 158-159; а также¹].

¹ Демографический ежегодник России – 2015. Приложение. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (дата обращения: 23.09.2018).

В 2014 г. возрастная структура заключения браков в КБР выглядит несколько более «традиционной», чем в целом по стране и еще более – по сравнению с Центральным федеральным округом. Но поскольку есть основания полагать, что в 1960 г. он была также более «традиционной», чем в России в целом, то размах перемен в регионе к 2010-м гг. представляется не менее масштабным, чем в целом по стране. В возрастной категории 18-24 лет отличия от общероссийской ситуации достаточно заметны, в категории 25-34 года показатели по мужскому населению совпадают, а по женскому разнятся не столь существенно. Сопоставление данных по РФ, КБР и Дагестану (как северокавказскому региону с большей устойчивостью матримониальных традиций) демонстрирует, что по возрастному распределению вступления в брак женщин КБР ближе стоит к среднероссийскому типу, чем к показателям по Дагестану.

Сходные тенденции можно обнаружить в динамике возрастных коэффициентов рождаемости, хотя здесь картина не столь очевидна в силу того, что происходило общее снижение уровня рождаемости (Таблица 7).

Таблица 7

Возрастные коэффициенты рождаемости¹

Годы	РФ						КБР			
	1958-1959		1990		2016		1990		2016	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Лет										
15-19	28,4	34,25	55,0	99,64	21,5	40,11	57,0	71,25	23,1	42,54
20-24	157,9	190,47	156,5	283,51	87,2	162,69	198,9	248,63	106,2	195,58
25-29	156,4	188,66	93,1	168,66	111,5	208,02	129,3	161,63	101,4	186,74
30-34	101,9	122,92	48,2	87,32	84,4	157,46	70,0	87,5	73,6	135,54
35-39	57,7	69,60	19,4	35,14	41,0	76,49	29,4	36,75	34,1	62,80
40-44	19,9	24,00	4,2	7,61	8,8	16,42	4,7	5,88	8,8	16,21
45-49	3,0	3,62	0,1	0,18	0,5	0,93	0,3	0,38	0,4	0,74
15-49	82,9	100	55,2	100	53,6	100	80,0	100	54,3	100

Но если проследить как менялось отношение среднегодового числа родившихся у 1000 женщин в каждой возрастной категории к числу родившихся в расчете на 1000 женщин всего репродуктивного возраста (15-49 лет), то можно выявить некоторые тенденции. Сопоставление приведенных в таблице данных по России за 1960 и 1990 гг. обнаруживает, что уровень рождаемости у женщин 15-19 и 20-24 лет повысился по сравнению с коэффициентом рождаемости среди всех женщин репродуктивного возраста в 3

¹ **Рассчитано по:** Приложение к Демографическому ежегоднику России 2017. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (дата обращения: 04.11.2018); Возрастные коэффициенты рождаемости [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Официальный сайт. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/3561de004f8160709dfddf8250d62a05/Возрастные+коэффициенты+рождаемости.pdf (дата обращения: 02.11.2018).

и в 1,5 раза, соответственно. Напротив, у всех женщин старше 25 лет этот показатель снизился. Особенно заметное снижение относительного уровня рождаемости произошло в возрастных категориях 30-34 лет (на одну четверть), 35-39 лет (в два раза), 40-44 лет (в три с лишним раза). Эти данные хорошо укладываются в представления о характерных признаках первого демографического перехода. Отвлекаясь от влияния конъюнктурных и циклических факторов на динамику рождаемости за последующую четверть века, можно зафиксировать обратную тенденцию, что принято относить к признакам второго демографического перехода. По России за 1990-2016 гг. отношение числа рождений к среднему для всех женщин репродуктивного возраста у женщин 25-29 лет увеличилось в 1,23 раза, у женщин 30-34 лет – в 1,8 раз, 35-39 и 40-44 лет – почти в 2,2 раза. Следует отметить, что соответствующие показатели по КБР в 1990 г. были очень близки к среднероссийским, направленность последующих сдвигов также была аналогична общенациональным процессам. В 2016 г. по сравнению с 1990 г. по КБР отношение числа рождений к среднему для всех женщин репродуктивного возраста у женщин 15-19 лет снизилось на треть, у женщин 20-24 лет – больше чем на 20 %. В то же время оно увеличилось: у женщин 25-29 лет почти на 16 %, у женщин 30-34 лет – в 1,5 раза, 35-39 лет – в 1,7 раза, 40-44 лет – почти в 3 раза.

Независимо от способа концептуализации описанных процессов, следует признать, что они привели к существенным изменениям возрастной структуры населения (Таблица 8).

Таблица 8

Возрастной состав населения (оценка на конец года; в процентах от общей численности населения)

	1990	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
	Моложе трудоспособного возраста									
РФ	24,3	16,5	16,2	16,5	16,8	17,2	17,6	18,0	18,3	18,6
ЦФО	20,9	14,1	13,9	14,1	14,4	14,8	15,1	15,6	15,9	-
ЮФО СКФО	26,0	24,8	23,9	23,9	24,0	24,1	24,2	24,3	24,2	-
КБР	29,8	21,7	20,6	20,7	20,9	21,2	21,3	21,5	21,5	21,6
РД	35,9	28,9	27,0	26,7	26,6	26,5	26,4	26,3	26,1	-
	В трудоспособном возрасте									
РФ	56,7	63,0	61,5	60,9	60,1	59,3	58,4	57,4	56,7	56,0
ЦФО	56,1	62,5	61,3	60,7	60,0	59,3	58,5	57,6	56,9	-
ЮФО СКФО	54,9	60,7	61,0	60,7	60,3	59,8	59,3	58,7	58,3	-
КБР	55,3	62,6	62,7	62,3	61,6	60,9	60,2	59,4	58,8	58,1
РД	51,3	60,7	62,2	62,2	62,0	61,7	61,4	60,9	60,7	-
	Старше трудоспособного возраста									
РФ	19,0	20,5	22,3	22,6	23,1	23,5	24,0	24,6	25,0	25,4
ЦФО	23,0	23,4	24,8	25,2	25,6	25,9	26,4	26,8	27,2	-

ЮФО СКФО	19,1	14,5	15,1	15,4	15,7	16,1	16,5	17,0	17,5	-
КБР	14,9	15,7	16,7	17,0	17,5	17,9	18,5	19,1	19,7	20,3
РД	12,8	10,4	10,8	11,1	11,4	11,8	12,2	12,8	13,2	-

Составлено по: [Регионы... 2002: 38, 40, 42; Регионы... 2017: 45, 47, 49; а также¹].

Данные таблицы показывают, что в возрастном составе населения КБР доля лиц младше трудоспособного и трудоспособного возраста несколько выше, чем по РФ, а тем более, по Центральному федеральному округу, но ниже, чем по СКФО и, особенно, таких республик как Дагестан. Доля же лиц старше трудоспособного возраста на 5-6 % ниже, чем по России и примерно на столько же выше, чем в Дагестане. Важнее – тенденция, выступающая в рамках охваченного приведенными данными периода. За 1990-2017 гг. несколько выросла доля лиц в трудоспособном возрасте, существенно сократилась доля младших возрастов и столь же существенно выросла доля лиц старше трудоспособного возраста. Иными словами имеет место выраженный процесс старения населения.

Возрастная структура населения является, наряду с рождаемостью и смертностью, одним из трех факторов, от которых зависит естественный прирост (убыль) населения. Согласно прогнозу динамики возрастного состава населения КБР, выполненному Ф.Ж. Беровой, с 2016-2017 г. пойдет ускоренное нарастание депопуляции за счет падения рождаемости, повышения смертности и за счет изменения возрастной структуры населения [Берова 2009: 31-32]. Но если на рождаемость и смертность еще могут оказать некоторое воздействие меры демографической политики, то возрастная структура населения практически не поддается такому воздействию, подчеркивает А.Г. Вишневский. Нынешняя возрастная структура населения России, а в значительной степени и его возрастная структура на ближайшие десятилетия уже сложилась, существенно изменить ее невозможно [Вишневский 2012b: 5].

Проблема миграции населения

И старение населения, и депопуляция, на пороге которой стоит современная Кабардино-Балкария свидетельствуют, что вектор демографических изменений в регионе направлен в ту же сторону, что и в России в целом. Несколько иначе проявляет себя такой фактор движения населения, как миграция. Если в России до недавнего времени миграция компенсировала естественную убыль населения, то в сохраняющийся пока естественный прирост населения в КБР во-многом «съедается» его миграционной убылью (Таблица 9).

¹ Распределение населения по возрастным группам. Распределение населения по возрастным группам. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 04.11.2018).

Таблица 9

Миграция населения КБР (человек)

	1990	2006	2013	2014	2015	2016	2017
Прибыло	23100	7268	12103	12094	11384	11785	11768
Выбыло	21900	10527	18305	15608	14880	14277	14165
Сальдо миграции	1200	-3259	-6202	-3514	-3496	-2492	-2397

Источники: [Кабардино-Балкарская... 1995: 19; Кабардино-Балкария... 1998: 49; Табаксоев 2016b: 174; а также¹].

Можно видеть, что на исходе советской эпохи сохранялись значительный общий масштаб миграции и миграционный прирост населения республики. Но уже с 1992 г. складывается отрицательной сальдо межобластной миграции. Рекордная для 2000-х гг. миграционная убыль населения была отмечена в 2006 г., а к 2013 г. она выросла еще в два раза. При некотором снижении в последующем, ее среднегодовой объем в 2014-2017 гг. приближается к трем тысячам.

Аналитики отмечают, что упадок экономической системы является основным фактором трудовой миграции населения КБР. Деиндустриализация и долгий период стагнации агропромышленного комплекса явились основной причиной увеличения уровня безработицы и трудоизбыточности населения региона. Отсюда – отток молодежи и как следствие снижение рождаемости; отток квалифицированных специалистов (трудового потенциала) из КБР; деформация возрастной и этнической структуры населения. Особо следует подчеркнуть, что «маятниковая» трудовая миграция сочетается с эмиграцией в полном смысле слова – определенная часть выезжающих из республики не видит перспектив возвращения в КБР [Табаксоев 2016b: 175]. Это характеризует, прежде всего, миграционные процессы среди русского населения, но становится нормой и для все большей части покидающих республику кабардинцев и балкарцев.

Социальный формат демографического потенциала

Следует задаться вопросом, какого рода ответ на «демографический вызов» является приоритетным в условиях Кабардино-Балкарии – «качественный», институциональный или «количественный», демографический. Первый предполагает адаптацию институтов к новым условиям и перенос центра тяжести с экстенсивных на интенсивные формы развития, чтобы нынешние, не столь многочисленные, как прежде, поколения

¹ Общие итоги миграции [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кабардино-Балкарской Республике. Официальный сайт. URL: http://kbr.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kbr/resources/5011a6004e5efa4abf42ff3a7deadf49/Общие+итоги+миграции.htm (дата обращения: 01.03.2015); Миграция населения Кабардино-Балкарской Республики [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Официальный сайт. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/acee38004f8160859e54de8250d62a05/Миграция+КБР+в+2016-2017гг..pdf (дата обращения: 23.09.2018).

могли решать свои задачи и не подрывать при этом основ существования поколений своих детей и внуков . Второй нацелен на стабилизацию (а применительно к региону – рост) численности населения, и главным ресурсом здесь является иммиграция, поскольку возможности повышения рождаемости и снижения смертности сравнительно невелики [Демографическая... 2006: 527-528].

Ответ представляется очевидным, и это выдвигает на первый план «качественные» характеристики населения региона. Они отражают как результаты модернизационного обновления социокультурного уклада на протяжении XX в., так и устойчивость местных этносоциальных традиций.

Наиболее общим выражением модернизационной динамики общества является урбанизация. К концу советской эпохи показатели урбанизации в Кабардино-Балкарии уступали общероссийским, но предшествующая динамика этого процесса была чрезвычайно высокой. Если в 1926 г. только Нальчик имел (с 1921 г.) статус города, то к 1989 г. в республике насчитывалось 7 городов. Численность городского населения республики за 1926-1989 гг. выросла с 12810 до 460552 человек, т.е. почти в 36 раз, а доля городского населения увеличилась с 6,28% до 61,1% . При этом в 1926 г. среди кабардинцев было всего 866, а среди балкарцев – 350 городских жителей. В 1989 г. 156,7 тысяч кабардинцев и 41,6 тысяч балкарцев проживало в городах республики. Настоящий рывок в урбанизации коренных национальностей произошел именно в 1960-1980-е гг. Еще в 1959 г. доля городского населения среди кабардинцев не превышала 12,1%, а среди балкарцев 13,8%. В 1989 г. этот показатель достиг у кабардинцев 43,1%, а у балкарцев – 58,8%. Балкарское население по уровню урбанизации приблизилось к средним показателям по республике, а у кабардинцев сохранялось существенное отставание от него.

Развитие городских поселений отличалось рядом особенностей. Все существовавшие в регионе города возникли в советское время, и все они развились в города из крупных сельских поселений и поселков городского типа. В этом состояла одна из причин преобладания в регионе малых городов. Численность населения превысила 50 тысяч. только в одном городе, кроме столицы республики (Прохладный), а на один Нальчик по переписи 1989 г. приходилась почти половина всего городского населения республики. Но урбанизация сопровождалась реальной индустриализацией. Развиваясь опережающими темпами во все годы послевоенного периода, промышленность Кабардино-Балкарии ускорила это опережение в десятилетия 1961-1970 гг., когда среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в республике почти в 1,5 раза превышали средне-союзные. Опережение сохранялось и в последующем десятилетии [Хашхожева 1984: 28]. Одним из результатов промышленного скачка 1960-1970-х гг. стало превращение практически каждого из городов республики в малый индустриальный центр, включенный в значительной мере в общегосударственную систему специализации и кооперации промышленного производства.

Есть еще одно обстоятельство чрезвычайно важное для оценки степени модернизации в регионе. При внимательном взгляде на данные переписей

населения обращает на себя внимание определенная «аномалия» в развитии процессов урбанизации: рост удельного веса городского населения не сопровождался здесь снижением абсолютной численности сельского населения. Если по РСФСР в целом повышение удельного веса городского населения за 1959-1989 гг. с 52,2 до 73,4% сопровождалось сокращением абсолютной численности сельского населения на 17 миллионов человек (с 56,1 до 39,1 млн.), то в Кабардино-Балкарии сельское население увеличилось с 254,7 до 293,0 тыс. чел. [Итоги... 1963: 18-21; Возраст... 1990: 24, 32-33]. Но характерной тенденцией для Кабардино-Балкарии и для всего региона были также изменения форм сельского расселения. Прежде всего, происходило их укрупнение. Абсолютно преобладающая часть сельского населения проживала в крупных поселениях (более 1000 жителей). Специалисты оценивали эту тенденцию как ярко выраженный процесс урбанизации села [Абубакаров 1980: 12].

На постсоветском этапе развития урбанизационная динамика России в целом и республик Северного Кавказа, в особенности, как бы «застопорилась» (Таблица 10).

Таблица 10

Удельный вес городского населения в общей численности населения (1989 – перепись населения; 2000-2017 – оценка на конец года; %)

	1989	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	73,4	73,2	73,2	73,8	74,1	74,0
Центральный федеральный округ	77,9	79,6	80,4	81,5	82,0	82,2
Калужская область	68,7	74,4	75,2	76,3	76,1	76,0
СКФО	50,8	57,6	49,4	49,2	49,1	49,8
Республика Дагестан	43,2	42,4	43,8	45,2	45,0	45,2
Республика Ингушетия	41,3	42,6	42,5	38,4	41,3	55,3
Кабардино-Балкарская Республика	61,1	56,6	57,7	54,4	52,2	52,1
Карачаево-Черкесская Республика	48,6	43,9	44,4	43,3	42,7	42,7
Республика Северная Осетия - Алания	68,6	66,2	64,3	63,8	64,1	64,2
Чеченская Республика	41,3	33,5	34,8	34,9	34,8	34,9
Ставропольский край	53,9	55,9	56,4	57,2	58,3	58,4

Рассчитано по: [Регионы... 2007: 60; Регионы... 2011: 58; Регионы... 2017: 41; а также¹].

Более или менее выраженный рост доли городского населения наблюдается в регионах, которые можно считать локомотивами развития. В СКФО только Ставропольский край демонстрирует рост доли городского

¹ Оценка численности постоянного населения на 1 января 2018 года и в среднем за 2017 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 25.09.2018).

населения. В КБР абсолютная численность городского населения выросла с 465,0 до 468,4 тыс. за 1989-2017 гг. при том, что в 2000 г. статус города получило еще одно крупное сельское поселение (около 18 тыс. населения), а снижение удельного веса городского населения здесь оказалось за этот период самым значительным среди всех субъектов СКФО – 9 %. Социально-экономический смысл этого процесса не столь однозначен. Речь не идет о повторной «аграризации» экономики и возвращении к деревенскому укладу жизни. Продолжается процесс разрастания и «урбанизации сел». На начало 2018 г. из 112 сельских поселений республики только в 7 население не достигало 500 чел., в 14 насчитывалось 500-1000 жителей, 68 сельских поселений насчитывали 1000-5000 жителей, в 18 – население составляло 5000-10000 и в 5 – превышало 10000¹. В центральной части территории республики дают себя знать агломерационные эффекты. Формальным выражением этого служит включение ряда сельских поселений в состав городских округов: в городском округе Нальчик насчитывается 26 тыс., а в городском округе Баксан – 20,5 тыс. чел. сельского населения. Вместе с тем, очевидна решающая роль утраты большей части промышленного потенциала в демографической стагнации городов республики и трансформации экономического и социокультурного содержания городской жизни. Социально-демографическим индикатором этого служит динамика численности русского населения. За 1989-2010 гг. оно сократилось на 60,4 тыс., и $\frac{4}{5}$ этого сокращения (48,7 тыс.) приходится на русское население городов республики.

Долгосрочная динамика другого показателя социокультурной модернизации – уровня образования населения – также демонстрирует качественные видоизменения. Перепись 1926 г. фиксировало только показатель грамотности, что говорит само за себя. К 1939 г. в пересчете на все население доля лиц со средним образованием среди кабардинцев и балкарцев была одинаковой – по 2,98%, а доля лиц с высшим образованием различалась незначительно – 0,10% у кабардинцев и 0,11% у балкарцев. За 1939-1959 гг. число лиц, имеющих среднее образование (общее и неполное) выросло у кабардинцев в 7,7 раза, у балкарцев – в 4 раза. Число лиц с высшим образованием увеличилось, соответственно, в 8,1 и в 2,2 раза. Но доля образованных людей в общей численности населения оставалась сравнительно невысокой. Еще более значительный скачок произошел за 1960-1980-е гг., и именно он привел к качественному сдвигу в общем социокультурном облике народов республики. С 1959 по 1989 г. число лиц со средним общим образованием у кабардинцев увеличилось почти в 12, а с высшим – более чем в 24 раза. Еще более крутой подъем произошел в уровне образования балкарцев. Почти в 19 раз выросло число лиц со средним, и в 55 раз – с высшим образованием. В итоге, если в среднем по РСФСР в 1989 г. на 1000 населения в возрасте 15 лет и старше приходилось 806 человек с высшим и средним

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafс3абfсe (дата обращения: 01.09.2018).

(полным и неполным) образованием, то в Кабардино-Балкарии этот показатель составлял 817 человек [Всесоюзная... 1928: 105-106, 110-111; Краткая... 1991: 158-169].

Тенденции последующих изменений в этой сфере зафиксировала перепись населения 2010 г. (Таблица 11).

Таблица 11

Образовательный уровень населения (в процентах от числа лиц в возрасте 15 лет и более, указавших уровень образования)¹

	Послевузовское и высшее, включая неполное	Среднее	Начальное	Среднее (полное)	Основное	Начальное
Всего						
РФ	27,99 %	31,23 %	5,55 %	18,25 %	10,99 %	5,38 %
КБР	26,60 %	29,99 %	4,84 %	22,79 %	10,30 %	4,47 %
В т.ч. в возрасте 25-49 лет	31,55 %	35,67 %	5,12 %	-	-	-
Городское население						
РФ	33,05 %	32,96 %	4,69 %	16,45 %	8,66 %	3,82 %
КБР	32,47 %	31,89 %	4,43 %	18,79 %	8,43 %	3,30 %
В т.ч. в возрасте 25-49 лет	39,21 %	36,14 %	4,41 %	-	-	-
Сельское население						
РФ	13,74 %	26,33 %	7,99 %	23,32 %	17,57 %	9,77 %
КБР	19,30 %	27,62 %	5,35 %	27,78 %	12,64 %	5,93 %
В т.ч. в возрасте 25-49 лет	22,36 %	35,10 %	5,96 %	-	-	-

Таблица демонстрирует, что общие показатели уровня образования в республике по-прежнему несколько выше среднероссийских. Послевузовское, высшее, среднее и начальное профессиональное и среднее общее (полное и неполное) имеет 94,52 % населения в возрасте 15 лет и старше против 94,01 % по стране. Но это преимущество достигнуто только за счет общего (среднего полного) образования, а по всем уровням профессионального образования КБР находится несколько ниже среднероссийских показателей 61,43 против 64,77 %. В возрастной категории 25-49 лет охват населения профессиональным образованием заметно выше. Обращает на себя внимание, что разрыв между

¹ **Рассчитано по:** Всероссийская перепись населения – 2010 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.09.2018); Всероссийская перепись населения 2010: Кабардино-Балкарская Республика [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 02.10.2018).

городским и сельским населением по уровню профессионального образования (особенно высшего) в КБР заметно меньше, чем по стране в целом. Если брать только сельское население, то его образовательный уровень в республике превышает среднероссийские показатели – 19,3 % сельского населения в возрасте 15 лет и старше в КБР имеют послевузовское и высшее образование против 13,74 % по России, а 27,62 % имеют среднее (среднее специальное) профессиональное образование против 26,33 % по России. В возрастной категории 25-49 лет эти показатели еще выше 22,36 % по послевузовскому и высшему и 35,1 % по среднему (среднему специальному) профессиональному образованию против 17,03 и 31,41 % по стране. Эти нюансы имеют определенный смысл. С одной стороны, они связаны с описанными выше особенностями урбанизации в республике – отсутствием резко выраженной пространственной и социально-культурной дистанции между городом и селом; с другой – они отражают более существенное значение для местного населения мотивов престижности в стремлении получить высшее образование. О чем не говорят приведенные цифры, так это о востребованности экономикой кадров с высшим образованием. Здесь можно сослаться на данные о составе безработных в КБР по уровню образования при сопоставлении их с данным по РФ, СКФО и одному из субъектов Центрального федерального округа, приводимыми для наглядности (Таблица 12). Очевидно, что доля лиц с высшим образованием среди безработных в КБР «аномально» высока – она на треть выше, чем по РФ и СКФО и в два раза выше, чем в Калужской области.

Таблица 12

Состав безработных по уровню образования в 2016 г. (по данным выборочных обследований рабочей силы; в процентах к итогу)

	в том числе имеют образование						
	высшее	среднее профессиональное – всего	из него		среднее общее	основное общее	не имеют основного общего
			по программам подготовки специалистов среднего звена	по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих ¹⁾			
РФ	20,5	40,4	20,5	19,9	29,8	8,7	0,6
КО	15,7	39,0	16,2	22,8	34,9	10,4	...
СКФО	22,1	21,1	15,1	6,0	51,9	4,7	0,3
КБР	32,0	28,0	23,5	4,5	37,4	2,3	0,3

Источник: [Регионы... 2017: 204].

Относительно неблагоприятная ситуация с уровнем образования в республике проявляется в формировании обобщенного показателя состояния демографического потенциала – индекса человеческого развития (ИЧР) (Таблица 13). В докладе о человеческом развитии в РФ за 2016 год ИЧР рассчитан для регионов как среднеарифметическое трех индексов: долголетия

(рассчитывается на основе средней продолжительности жизни), образования (рассчитывается на основе доли грамотного населения и доли обучающихся среди людей в возрасте от 7 до 24 лет) и дохода (рассчитывается на основе ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. Основной принцип расчета каждой из составных частей – сравнение текущей ситуации с максимальными (желаемыми) и минимальными значениями. Интерпретируя содержание таблицы, следует учитывать, что значения ИЧР в интервале 0,900-1,000 считаются очень высокими, 0,800-0,899 – высокими, 0,700-0,799 – удовлетворительными.

Таблица 13

Индекс человеческого развития по регионам России, 2014 год

	Россия	Калужская область	РСО-А	РД	РИ	КЧР	КБР	ЧР
Душевой ВВП, долл. ППС	25 365	20 341	12 480	13 092	8,759	9 608	9 242	7 053
Индекс дохода	0,924	0,887	0,806	0,814	0,747	0,762	0,755	0,710
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	70,93	69,93	73,82	75,83	79,42	73,91	74,16	73,06
Индекс долголетия	0,766	0,749	0,814	0,847	0,907	0,815	0,819	0,801
Грамотность	99,7	99,8	99,6	99,2	98,1	99,3	99,4	98,2
Доля учащихся в возрасте 7-24 лет	0,806	0,792	0,760	0,557	0,562	0,634	0,622	0,690
Индекс образования	0,933	0,929	0,917	0,847	0,841	0,873	0,870	0,885
ИЧР в 2014	0,874	0,855	0,846	0,836	0,832	0,817	0,815	0,799
Место в 2014	-	32-34	48	59	63-65	73	74	78

Источник: [Доклад... 2016: 285-287].

Можно видеть (согласно авторам доклада), что ИЧР в России и практически во всех, включенных в таблицу регионах является высоким. КБР в ряду этих регионов находится на предпоследнем месте, а среди субъектов РФ в целом занимает по ИЧР 74 место. Наиболее низкие абсолютные и относительные показатели республика имеет по таким составляющим ИЧР как индекс дохода (он ниже только в РИ и ЧР), доля учащихся в возрасте 7-24 лет и индекс образования (и то и другое ниже только в РИ и РД). В докладе выделены типы российских регионов: высокоразвитые, развитые, среднеразвитые (промышленно-аграрные и аграрно-промышленные), менее развитые (сырьевые и аграрные). КБР отнесена к типу менее развитых аграрных регионов вместе с РД, РИ, КЧР и ЧР [Доклад... 2016: 291].

Демографический потенциал превращается в реальный ресурс регионального развития в зависимости от степени экономической активности населения (уровня участия его в рабочей силе). Ситуация в этой сфере противоречива. На протяжении 2010-х гг. происходило повышение уровня участия в рабочей силе после глубокого его падения в предшествующий период (Таблица 14).

Таблица 14

Уровень участия в рабочей силе (по данным выборочных обследований рабочей силы; в процентах)

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	66,0	67,7	68,3	68,7	68,5	68,9	69,1	69,5
Калужская область	68,6	70,6	70,6	70,4	70,6	69,4	69,8	70,7
Северо-Кавказский федеральный округ	62,2	63,9	64,6	65,3	65,8	66,1	65,3	65,6
Кабардино-Балкарская Республика	57,8	58,0	56,6	59,7	65,6	68,1	67,3	68,1

Источник: [Регионы... 2017: 110].

Если в 2005 г. уровень участия в рабочей силе населения КБР на 8,2 процентных пункта был ниже, чем по России, больше чем на 10 процентных пунктов ниже, чем, например, в Калужской области и на 4,4 процентных пункта ниже, чем в СКФО, то к 2016 г. ситуация выровнялась – отставание от среднероссийских показателей существенно сократилось, а по сравнению с усредненными данными по СКФО показатели КБР стали выше. В рамках того же периода снижался и уровень безработицы, причем в более существенных масштабах, чем по России в целом или по таким сравнительно благополучным регионам, как Калужская область (Таблица 15).

Таблица 15

Уровень безработицы (в процентах)

	Уровень безработицы ¹⁾							Уровень зарегистрированной безработицы ²⁾ (на конец года)						
	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	7,1	7,3	5,5	5,5	5,2	5,6	5,5	2,5	2,1	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2
Калужская область	5,6	6,7	4,3	4,5	4,2	4,3	4,2	0,7	1,0	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7
СКФО	17,1	16,5	13,1	13,0	11,2	11,1	11,0	14,6	8,7	6,2	4,9	4,3	3,7	3,2
Кабардино-Балкарская Республика	23,9	12,7	8,9	10,5	9,5	10,1	10,3	9,9	3,2	2,3	2,0	1,9	2,1	1,9

¹⁾ По данным выборочных обследований рабочей силы; в среднем за год.
²⁾ По данным Федеральной службы по труду и занятости.

Источник: [Регионы... 2017: 208].

За 2005-2016 гг. уровень безработицы в КБР снизился более, чем вдвое. Он ниже, чем в среднем по СКФО, но почти в два раза выше, чем по стране и более чем в два раза выше, чем в Калужской области. Эти сравнительные показатели представляются более важными, чем динамика занятости и безработицы, поскольку связаны не столько с экономической конъюнктурой, сколько со структурными факторами экономического и социального развития. Социально-демографическим выражением этих структурных факторов

является, в первом приближении, распределение занятых по видам экономической деятельности (Таблица 16).

Таблица 16

Распределение среднегодовой численности занятых по основным видам экономической деятельности (в процентах от общей численности занятых)

	1990	2005			2010			2016		
	КБР	РФ	КО	КБР	РФ	КО	КБР	РФ	КО	КБР
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство	16,2	11,4	10,4	22,2	10,0	8,5	21,9	7,7	4,9	20,9
Обрабатывающие производства	29,6	17,4	24,1	17,8	15,2	23,8	16,0	14,2	24,0	11,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	-	2,9	3,0	2,7	2,9	2,6	2,9	2,8	2,9	2,7
Строительство	10,0	7,5	8,6	5,4	8,0	8,7	5,1	8,6	9,9	10,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	8,0	16,6	15,0	11,2	17,9	15,7	12,4	18,9	16,0	16,8
Гостиницы и рестораны	-	1,5	0,7	1,9	1,8	1,5	1,7	2,3	2,7	2,6
Транспорт и связь	5,6	7,9	6,0	5,1	7,9	6,1	4,5	8,3	6,7	5,7
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг		7,5	6,7	3,7	8,0	7,8	3,1	9,9	10,1	4,2
Образование	13,4	9,1	8,2	11,4	8,7	7,6	11,0	7,7	6,5	8,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	8,0	6,6	6,0	7,6	6,8	6,1	7,9	6,4	5,2	6,7

Составлено по: [Кабардино-Балкарская... 1995: 41; Регионы... 2017: 150-151, 154-155, 178-179].

Сравнение ситуации 2016 г. с исходными данными за 1990 г. позволяет говорить о том, что социально-экономический дрейф Кабардино-Балкарской Республики происходил в целом в направлении деиндустриализации и демодернизации. Доля занятых в сельском хозяйстве и сопряженных отраслях первичного сектора выросла на четверть, а доля промышленной занятости (обрабатывающие производства) упала почти в три раза. Больше, чем в два раза выросла доля занятых в торговле и сфере бытовых услуг, но удельный вес занятости в сферах социальных услуг – образовании и здравоохранении снизился довольно существенно. Сравнение с общероссийскими показателями, а особенно, с показателями Калужской области обнаруживает характер альтернативного пути развития – снижение занятости в сельском хозяйстве и сопутствующих отраслях первичного сектора, сохранение индустриального

потенциала, рост сферы не только торговли и бытовых услуг, но и сферы операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг. Последняя включает в себя, главным образом, виды деятельности, сосредоточенные в сфере предпринимательской активности, такие как: аренда машин и оборудования, деятельность, связанная с вычислительной техникой, научные исследования и разработки, деятельность в области права, бухгалтерского учета и аудита, консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления предприятием, деятельность в области архитектуры, инженерных изысканий и предоставление технических консультаций и т.д.

Исследователи, занимавшиеся изучением проблем формирования человеческого капитала, т.е. всестороннего развития человека как условия перехода к постиндустриальной экономике – экономике знаний, констатируют, что в России и в субъектах СКФО, в частности, снижение качества человеческого капитала является основной причиной отставания в научно-технологическом развитии. Они указывают на необходимость существенного увеличения инвестиций в те сферы, которые обуславливают качество человеческого капитала, включая демографическое развитие, образование, здравоохранение, комфортные условия существования и т.д. [Батов, Кандрокова 2017].

Этнодемографическая структура населения

В Кабардино-Балкарской Республике имеются специфические факторы демографического порядка, которые в определенной степени препятствуют фокусированию общественного внимания на задачах человеческого развития, повышения качества человеческого капитала. Они связаны со сложной этнодемографической структурой населения республики.

Республика традиционно характеризуется в литературе как полиэтническая по составу населения. Подобная «этническая пестрота» характерна для многих регионов современной России. В Кабардино-Балкарии она формировалась постепенно. В целом, этнодемографическая структура республики характеризуется долговременной устойчивостью основных пропорций при существенных изменениях масштабности и удельного веса ее элементов (Таблица 17). Данные таблицы показывают, что суммарная доля кабардинцев, балкарцев и русских в населении республики вот уже почти сто лет составляет около 90%.

Вместе с тем, наиболее существенные сдвиги в ее этнодемографической структуре за последние десятилетия связаны с изменением места в ней, с одной стороны, русского населения, а с другой – «иных» демографических групп.

Существенными с точки зрения дальнейшего развития представляются следующие моменты. До 1960-х годов шел процесс увеличения доли русского и сокращения доли кабардинского и балкарского населения, а к 2010 году ситуация почти вернулась к исходным показателям 1926 года. Хотя численность и доля русского населения еще остаются на приемлемом уровне, происходит опережающее снижение уровня его социальной активности и

культурного лидерства. Относительно «передовой» по советским меркам индустриальный сектор экономики и соответствующий ему социально-профессиональный кластер, в котором русское население занимало ведущие позиции практически перестал существовать. Ориентированная на самореализацию в современных производственно-технических и информационно-технических сферах молодая часть русского населения выезжает за пределы республики. В его возрастной структуре наблюдается явный сдвиг в сторону старших возрастов. Медианный возраст русского населения по переписи 2010 года составляет свыше 40,1 года (у кабардинцев – 30,5, у балкарцев – 31,7). Свыше 26% русского населения республики – это пенсионеры. У кабардинцев, соответственно – 13, у балкарцев – 13,8%. Какие-либо демографические или социально-экономические предпосылки приостановки и обращения вспять процесса сокращения русского населения в КБР отсутствуют.

Таблица 17

Национальный состав населения (по данным переписей населения; тысяч человек)¹

	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Все население	420,1	588,2	666,5	753,5	901,5	859,9
в том числе:						
Кабардинцы	190,3	264,7	303,6	363,5	498,7	490,5
Балкарцы	34,1	51,4	59,7	70,8	105,0	108,6
Русские	162,6	218,6	234,1	240,8	226,6	193,2
Украинцы	8,4	10,4	12,1	12,8	7,6	4,8
Грузины	1,5	1,9	2,0	2,1	1,7	1,5
Армяне	1,4	2,0	2,2	3,5	5,3	5,0
Осетины	6,4	9,2	9,7	10,0	9,9	9,1
Татары	1,6	2,5	3,1	3,0	2,9	2,4
Цыгане	0,4	1,1	1,7	2,4	2,4	2,9
Корейцы	1,8	3,8	4,9	5,0	4,7	4,0
Немцы	0,9	5,3	9,9	8,6	2,5	1,5
Турки	-	0,4	2,0	4,2	8,8	14,0
Другие	10,7	16,9	21,5	26,8	25,4	20,1
Не указавшие национальную принадлежность	-	-	-	-	0,02	2,3

При сохранении удельного веса «иных» национальных групп (7,6% в 1926 и 7,9% в 2010 году) их демографическая масштабность увеличилась примерно в 13 раз – с 4,7 тыс. до 67,6 тыс. Свыше 53 тыс. из них приходится на достаточно заметные группы (численностью 1 тыс. и более человек). В

¹ Национальный состав населения: Кабардино-Балкарская Республика [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Официальный сайт. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/db6e12004f8160899e64de8250d62a05/Национальный+состав+населения.pdf (дата обращения: 23.09.2018).

перспективе, и при определенных социально-экономических и политических условиях, это обстоятельство может приобрести выраженное этнополитическое звучание.

Но до сих пор специфические для Кабардино-Балкарии этнополитические проблемы были связаны с тем местом, которое занимают в ней наиболее крупные, прежде всего «титульные» национальные группы. Их доля в населении КБР выросла с 57,2% в 1989 до 69,6% в 2010 году. Но важно принять во внимание и абсолютные показатели их демографической масштабности. Они имеют существенное социально-психологическое значение, поскольку речь идет о сравнительно небольших по численности народах. Равным образом рост численности отражается на характере расселения основных национальных групп населения республики.

Исторически сложились представления о том, что административно-территориальные единицы Кабардино-Балкарии (современные муниципальные районы) имеют этническую маркировку как «балкарские», «кабардинские» и «русские», а также о том, что расселение основных этнических групп соответствует делению территории на равнинную, предгорную и горную зоны. Эти представления нуждаются в более нюансированной трактовке (Таблица 18).

Таблица 18

Распределение основных национальных групп населения КБР по городским округам и муниципальным районам
(по данным переписи населения 2010 года)¹

	Все население	Балкарцы	Кабардинцы	Русские
КБР	859939	108577	490453	193155
Нальчик	266033	44678	126914	69904
Баксан	57088	132	53258	2852
Прохладный	59601	224	2715	45692
Баксанский	60970	913	58284	1379
Зольский	48939	2934	44500	939
Лескенский	27840	677	25099	179
Майский	38625	535	2007	28342
Прохладненский	45533	1196	12776	24672

¹ Национальный состав населения по городским округам и муниципальным районам. Всероссийская перепись населения 2010. Кабардино-Балкарская Республика [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Официальный сайт. http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 02.10.2018).

Терский	51220	867	45040	2648
Урванский	71782	445	56770	8160
Чегемский	69092	13529	50297	3014
Черекский	26956	17251	9300	137
Эльбрусский	36260	25196	3493	5237

В той части районов, где кабардинцы составляют заметное большинство (Баксанском – 93% , Зольском – 90,8% Терском – 86,6 % , Урванском – 78,6 % , Лескенском – 91,2 % , Чегемском – 73,6 %) проживает только 57% всего кабардинского населения республики. Балкарцы, проживающие в предгорной и горной частях республики (61,6% населения Черекского района, 64,4% – Эльбрусского, 18% – Чегемского), составляют только 51,5% всего балкарского населения КБР. Русские в Майском и Прохладненском районах (исторически казачьи поселения) составляют в настоящее время соответственно 78,2 и 57,2%, но суммарно это дает лишь 27,4% всего русского населения КБР. Вместе с тем, 78,4% русского, 44,8% балкарского, 44,8% кабардинского населения республики проживает в городах. Только в столичном городском округе Нальчик (считая городское и сельское население) проживает 36% всего русского, 25,9% кабардинского и 44,8% балкарского населения КБР.

Что касается размещения населения по высотным поясам территории республики, то в предгорной полосе расположено 26 из 122 поселений республики. В их числе 24 сельских поселения, 1 городское поселение (п. Залукокуаже) и столичный городской округ. Население предгорий в целом составляет 348295 чел., включая 265299 жителей Нальчика. В переходной от предгорий к горам полосе находится 11 сельских и 1 городское поселение (п. Кашхатау) с населением 52360 чел. (6,1 % населения республики). Собственно в горной части территории республики расположено 11 сельских поселений и 1 городское (г. Тырнауз) с общим населением 40026 чел. (4,6 % населения республики)¹.

Предгорная часть имеет полиэтничный состав населения. Здесь представлены практически все этнические группы населения республики. В переходной от предгорий к горам зоне преобладает кабардинское и балкарское население, представленное здесь примерно в равных долях. Больше трех четвертей населения горной зоны составляют балкарцы. На них приходится практически все сельское население этой зоны и свыше половины населения г. Тырнауз, составляющего на начало 2018 г. 20566 чел. Таким образом жители гор Кабардино-Балкарии – это по-преимуществу балкарцы, но только около 35 % современных балкарцев являются жителями гор.

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafс3abfсe (дата обращения 01.09.2018).

Резюме

За последнее столетие население Кабардино-Балкарии увеличилось в 4 раза, но оно остается сравнительно небольшим – меньше, чем 0,6 % от населения России. По численности населения республика занимает 58 место среди 83 субъектов федерации. Но по плотности населения (69,4 чел. / км²) она занимает 10 место среди субъектов федерации, не только значительно превышая среднероссийский показатель (8,6 чел. / км²), но и, например, показатель плотности населения в наиболее развитом Центральном федеральном округе (60,3 чел. / км²).

Еще важнее то, что за указанный период в КБР, как и в большинстве регионов России, совершился демографический переход, и сложилась модель воспроизводства населения, характеризующаяся низкой рождаемостью и низкой смертностью. Естественный прирост населения еще сохраняется, но он уже почти полностью перекрывается миграционной убылью. Показатели суммарного коэффициента рождаемости и нетто-воспроизводства не достигают значений, необходимых для сохранения демографического роста на перспективу, а старение населения ограничивает возможности воздействия мер демографической политики на состояние рождаемости и смертности. Демографический рост и массовое вхождение в состав рабочей силы новых поколений не могут служить главным источником развития. Более того, по оценке демографов под вопросом стоит возможность стабилизации воспроизводства населения на нулевом уровне естественного прироста.

На возникающий в связи с этим вопрос о «качестве» наличного человеческого потенциала нельзя дать однозначный ответ. В долгосрочной перспективе выступают революционные сдвиги в социально-демографическом облике населения, его социально-культурная модернизация, основанная на опережающей динамике индустриализация, урбанизации и росте уровня образования населения. Но полного выравнивания со среднероссийскими показателями в этих сферах так и не произошло, а с 1990-х гг. обозначилась тенденция исторического «отката» – глубокой деиндустриализации и размывания индустриального социально-профессионального кластера, в котором ведущее место занимало русское население. Отсюда – стагнация процесса урбанизации, изменение экономического и социально-культурного профиля городов республики, проявления демодернизации социально-профессиональной структуры населения. Формальные значения индекса человеческого развития в последние годы позволяют отнести республику к числу регионов с высоким уровнем человеческого развития. Но она стоит ближе к нижнему порогу соответствующих значений и если учесть ухудшение качества образования в последние десятилетия, то скорее следует говорить о среднем уровне человеческого развития.

Все это актуализировало значимость архаичных по происхождению факторов структурирования общества по линиям разграничения этнических групп. Но эти линии не совпадают с границами муниципальных единиц, природно-географических зон и экономико-социальных ареалов Кабардино-

Балкарии. Фокусировка общественного внимания на проблемах административно-территориального и институционального оформления этнодемографической структуры порождает напряженность и служит фактором отвлечения социальной энергии от решения задач развития, которое не может быть замкнуто в этнические границы.

В целом, произошла своего рода инверсия в соотношении общего и социально-демографического развития. В рамках советского периода развитие понималось и реализовалось как развитие территории и проживающего на ней населения. Развитие как бы «приходило» в Кабардино-Балкарию, «приводило» с собой и формировало в местном населении контингент носителей профессиональной и общей культуры, необходимой для функционирования институтов развития – предприятий, школ, вузов, конструкторских бюро, больниц, поликлиник и т.д. Теперь, в условиях социально-экономической стагнации в республике, имеющиеся в других регионах центры развития как бы «вытягивают» из нее не просто избыточную рабочую силу, но – что важнее всего – носителей современных профессиональных компетенций, истощая демографический базис развития самой Кабардино-Балкарии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абубакаров 1980 – *Абубакаров Т.Т.* Развитие населения Северного Кавказа (1917-1977). Автореф. дисс... канд. эконом. наук. – М., 1980. – 28 с.

Батов, Кандрокова 2017 – *Батов Г.Х., Кандрокова М.М.* Формирование человеческого капитала в системе научно-технологического развития субъектов СКФО // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 4(78). – С. 40-47.

Берова 2009 – *Берова Ф.Ж.* Результаты прогноза динамики возрастной структуры населения КБР // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2009. – № 6(32). – С. 25-34.

Берова 2011 – *Берова Ф.Ж.* Результаты анализа динамических рядов демографических показателей // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2011. – № 4(42). – С. 152-158.

Вишневецкий 2012а – *Вишневецкий А.* Что показывает коэффициент суммарной рождаемости [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2012. – № 533-534. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/demoscope533.pdf> (дата обращения: 03.11.2018).

Вишневецкий 2012б – *Вишневецкий А.* Возрастная структура населения скоро станет неблагоприятной [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2012. – № 533-534. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/demoscope533.pdf> (дата обращения: 03.11.2018).

Возраст... 1990 – *Возраст и состояние в браке населения СССР.* По данным всесоюзной переписи населения 1989 года. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 109 с.

Всесоюзная... 1928 – *Всесоюзная перепись населения 1926 года.* Т. V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. – М.: ЦСУ Союза ССР, 1928. – 486 с.

Всесоюзная... 1999 – *Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги.* Россия. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – 208 с.

Демографическая... 2006 – *Демографическая модернизация России, 1900–2000 /* Под ред. А.Г. Вишневецкого. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.

Демографический... 2005 – *Демографический ежегодник России. 2005: Стат. сб. /* Росстат. – М., 2005. – 595 с.

Доклад... 2016 – *Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год /* под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. – 298 с.

Захаров 2003 – *Захаров С.* О чем говорит и о чем не говорит нетто-коэффициент воспроизводства населения [Электронный ресурс] // Демоскоп-Weekly. – 2003. – № 125-126. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0125/tema01.php> (дата обращения: 03.11.2018).

Итоги... 1963 – *Итоги* всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М.: Госстатиздат, 1963. – 456 с.

Итоги... 1973 – *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. Т. 4: Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. – М.: Статистика, 1973. – 647 с.

Кабардино-Балкария... 1998 – *Кабардино-Балкария* в цифрах. Статистический ежегодник 1998. – Нальчик: Госкомстат КБР, 1998. – 249 с.

Кабардино-Балкария... 2010 – *Кабардино-Балкария* в цифрах. 2010: Стат. сб. / Кабардино-Балкариятат. – Нальчик, 2010. – 317 с.

Кабардино-Балкарская... 1995 – *Кабардино-Балкарская* Республика 1994. Статистический ежегодник. – Нальчик: Госкомстат КБР, 1995. – 240 с.

Краткая... 1991 – *Краткая* социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть 1. – М.: Росинформцентр, 1991. – 209 с.

Национальный... 1991 – *Национальный* состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). – М.: Финансы и статистика, 1991. – 160 с.

Прогнозирование... 2010 – *Прогнозирование* демографических процессов и анализ их взаимосвязи с социально-экономическим развитием региона. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2010. – 176 с.

Регионы... 2002 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2002. – 863 с.

Регионы... 2004 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2004. – 966 с.

Регионы... 2007 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2007. – 981 с.

Регионы... 2010 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2010. – 996 с.

Регионы... 2011 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2011. – 990 с.

Регионы... 2017 – *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2017. – 1402 с.

Табаксоев 2015a – *Табаксоев И.А.* Проблемы влияния процесса урбанизации на демографическую ситуацию в Кабардино-Балкарской Республике // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 4(66). – С. 157-163.

Табаксоев 2015b – *Табаксоев И.А.* Трансформация структуры населения Кабардино-Балкарской Республики и ее влияние на демографические процессы // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 6(68). – С. 146-153.

Табаксоев 2016a – *Табаксоев И.А.* Демографическая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике и ее влияние на устойчивое развитие региона // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2016. – № 4(72). – С. 137-141.

Табаксоев 2016b – *Табаксоев И.А.* Миграционные процессы в современной Кабардино-Балкарии: основные факторы и тенденции // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2016. – № 2(70). – С. 171-177.

Хашхожева 1984 – *Хашхожева Т.А.* Экономическая эффективность промышленного производства Кабардино-Балкарской АССР. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 207 с.

Численность... 1984 – *Численность* и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М.: Финансы и статистика, 1984. – 366 с.

REFERENCES

- ABUBAKAROV T.T. *Razvitie naseleniya Severnogo Kavkaza (1917-1977). Avtoref. diss... kand. ekonom. nauk* [Development of the North Caucasus population (1917-1977). Abstract of the thesis for a Candidate of econom. sciences degree]. – M., 1980. – 28 p. (In Russian)
- BATOV G.Kh., KANDROKOVA M.M. *Formirovanie chelovecheskogo kapitala v sisteme nauchno-tehnologicheskogo razvitiya sub"ektov SKFO* [Human capital formation in the system of scientific and technological development of the subjects of the North Caucasus federal district]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2017. – No 4(78). – P. 40-47. (In Russian)
- BEROVA F.Zh. *Rezultaty analiza dinamicheskikh ryadov demograficheskikh pokazatelei* [Results of the analysis of time series of demographic indicators]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2011. – No 4(42). – P. 152-158. (In Russian)
- BEROVA F.Zh. *Rezultaty prognoza dinamiki vozrastnoi struktury naseleniya KBR* [The results of the forecast of population age structure of the KBR]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2009. – No 6(32). – P. 25-34. (In Russian)
- Chislennost' i sostav naseleniya SSSR. Po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1979 g.* [USSR's population size and composition. By the data of the All-union census of population 1979]. – M.: Finansy i statistika, 1984. – 366 p. (In Russian)
- Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 / Pod red. A.G. Vishnevskogo* [Demographic modernization of Russia, 1900-2000 / A.G. Vishnevsky ed.]. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. – 608 p. (In Russian)
- Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2005* [Russia's demographic yearbook 2005]: Stat. sb. / Rosstat. – M., 2005. – 595 p. (In Russian)
- Doklad o chelovecheskom razvitiy v Rossiiskoi Federatsii za 2016 god / pod red. S.N. Bobyleva i L.M. Grigor'eva* [Report on human development in Russian Federation 2016 / S.N. Bobylev and L.M. Grigor'ev eds.]. – M.: Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2016. – 298 p. (In Russian)
- Itogi vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 goda. RSFSR* [Results of the all-union census of population 1959. RSFSR]. – M.: Gosstatizdat, 1963. – 456 p. (In Russian)
- Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1970 goda. V 7 t. T.4: Natsional'nyi sostav naseleniya SSSR, soyuznykh i avtonomnykh respublik, kraev, oblastei i natsional'nykh okrugov* [Results of the all-union census of population 1970. In 7 vols. Vol. 4: National composition of the population of the USSR, union and autonomous republics, territories, regions and national areas]. – M.: Statistika, 1973. – 647 p. (In Russian)
- Kabardino-Balkariya v tsifrakh. 2010: Stat. sb.* [Kabardin-Balkaria in figures. 2010: Statistical bulletin] / Kabardino-Balkariyastat. – Nal'chik, 2010. – 317 p. (In Russian)
- Kabardino-Balkariya v tsifrakh. Statisticheskii ezhegodnik 1998* [Kabardin-Balkaria in figures. Statistical yearbook 1998]. – Nal'chik: Goskomstat KBR, 1998. – 249 p. (In Russian)
- Kabardino-Balkarskaya Respublika 1994. Statisticheskii ezhegodnik* [Kabardin-Balkar Republic 1994. Statistical yearbook]. – Nal'chik: Goskomstat KBR, 1995. – 240 p. (In Russian)
- KHASHKHOZHEVA T.A. *Ekonomicheskaya effektivnost' promyshlennogo proizvodstva Kabardino-Balkarskoi ASSR.* – Nal'chik: El'brus, 1984. – 207 p. (In Russian)
- Kratkaya sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika naseleniya RSFSR po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 goda. Chast' 1.* [Brief socio-demographic description of RSFSR's population by the data of All-union census of population of 1989. Part 1.]. – M.: Rosinformtsentr, 1991. – 209 p. (In Russian)
- Natsional'nyi sostav naseleniya SSSR (po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 g.)* [National composition of the population of the USSR (by the data of the All-union census of population of 1989)]. – M.: Finansy i statistika, 1991. – 160 p. (In Russian)
- Prognozirovanie demograficheskikh protsessov i analiz ikh vzaimosvyazi s sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regiona* [Prognostication of demographic processes and analysis of their

interconnection with socio-economic development of the region]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN, 2010. – 176 p. (In Russian)

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2002: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2002: Statistical bulletin]. – M.: Goskomstat Rossii, 2002. – 863 p. (In Russian)

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2004: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2004: Statistical bulletin]. – M.: Goskomstat Rossii, 2004. – 966 p. (In Russian)

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2006: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2006: Statistical bulletin]. – M.: Goskomstat Rossii, 2007. – 981 p. (In Russian)

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2010: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2010: Statistical bulletin] – M.: Goskomstat Rossii, 2010. – 996 p.

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2011: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2011: Statistical bulletin]. – M.: Goskomstat Rossii, 2011. – 990 p. (In Russian)

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2017: Stat. sb. [Regions of the Russia. Socio-economic indicators. 2017: Statistical bulletin]. – M.: Goskomstat Rossii, 2017. – 1402 p. (In Russian)

TABAKSOEV I.A. *Demograficheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarskoi Respublike i ee vliyanie na ustoichivoe razvitiye regiona* [The present demographic situation in the Kabardin-Balkar Republic and its impact on sustainable development of the region]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2016. – No 4(72). – P. 137-141. (In Russian)

TABAKSOEV I.A. *Migratsionnye protsessy v sovremennoi Kabardino-Balkarii: osnovnye faktory i tendentsii* [Migration processes in contemporary Kabardino-Balkaria: the main factors and trends]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2016. – No 2(70). – P. 171-177. (In Russian)

TABAKSOEV I.A. *Problemy vliyaniya protsessa urbanizatsii na demograficheskuyu situatsiyu v Kabardino-Balkarskoi Respublike* [The problems of influence of urbanization on the demographic situation in Kabardin-Balkar republic]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2015. – No 4(66). – P. 157-163. (In Russian)

TABAKSOEV I.A. *Transformatsiya struktury naseleniya Kabardino-Balkarskoi Respubliki i ee vliyanie na demograficheskie protsessy* [The transformation of the structure of the population of Kabardin-Balkar Republic and its influence on demographic processes]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2015. – No 6(68). – P. 146-153. (In Russian)

VISHNEVSKII A. *Chto pokazyvaet koeffitsient summarnoi rozhdaemosti* [What does total fertility rate demonstrate] [Online resource]. IN: *Demoskop Weekly*. – 2012. – No 533-534. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/demoscope533.pdf> (data obrashcheniya 03.11.2018). (In Russian)

VISHNEVSKII A. *Vozrastnaya struktura naseleniya skoro stanet neblagopriyatnoi* [Age structure of population will become unfavorable soon] [Online resource]. IN: *Demoskop Weekly*. – 2012. – No 533-534. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/demoscope533.pdf> (data obrashcheniya 03.11.2018). (In Russian)

Vozrast i sostoyanie v brake naseleniya SSSR. Po dannym vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 goda [Age and matrimonial status of population of the USSR. By the data of 1989 all-union census of population]. – M.: Finansy i statistika, 1990. – 109 p. (In Russian)

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. T.V. Krymskaya ASSR. Severo-Kavkazskii krai. Dagestanskaya ASSR [All-union census of population of 1926. Vol. 5. Crimean ASSR. North Caucasus Territory. Dagestan ASSR]. – M.: TsSU Soyuza SSR, 1928. – 486 p. (In Russian)

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: Osnovnye itogi. Rossiya [All-union census of population of 1939: The main results. Russia]. – SPb.: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs, 1999. – 208 p. (In Russian)

ZAKHAROV S. *O chem govorit i o chem ne govorit netto-koeffitsient vosproizvodstva naseleniya* [About what does net reproduction rate tell and about what it doesn't tell] [Online resource]. IN: Demoskop-Weekly. – 2003. – No 125-126. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0125/tema01.php> (data obrashcheniya 03.11.2018). (In Russian)

УДК 94(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-105-126

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА****А.В. КУШХАБИЕВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: anzor-vk@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ взаимосвязи миграционных проблем и социально-политической ситуации в Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI в. Показано, что усилившийся в середине 1980-х гг. приток в Кабардино-Балкарию мигрантов из Закавказья и Средней Азии, обострил в республике ряд проблем: жилищную, земельную, проблему безработицы, рост уровня преступности и др. Серьезные проблемы возникли в Кабардино-Балкарии в связи с пребыванием значительного числа (свыше 80 тыс. чел.) беженцев из Чеченской Республики в середине 1990-х гг. – начале XXI в. Регулярный и массовый приток в КБР турок-месхетинцев, начавшийся во второй половине XX в. и продолжающийся в наши дни, вызвал ряд серьезных проблем и оказал влияние на демографическую, этнокультурную, социально-экономическую и криминогенную ситуацию в республике. Их численность в Кабардино-Балкарии возросла с нескольких семей в 1964 г. до более 20 тыс. чел. в настоящее время. Одновременно, происходит отток из КБР молодежи коренных народов, что ведет к смене этнического и социально-профессионального состава населения. В местах компактного расселения турок-месхетинцев создается конкуренция на рынке труда и вытесняется местное, в основном русскоязычное население из аграрного сектора и из сферы торговли. После обращений общественных организаций в органы государственной власти Кабардино-Балкарии, ими были приняты нормативно-правовые акты, ограничивавшие прописку мигрантов в республике. Реализация данных актов в определенной степени ограничила приток мигрантов, однако остановить миграционные потоки в республику не удалось. Нелегальные мигранты использовали различные обходные методы. В последующие годы действие нормативно-правовых актов органов государственной власти КБР по ограничению регистрации мигрантов на территории КБР было прекращено в связи с приведением нормативно-правовых актов республики в соответствие с федеральным законодательством.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария; миграционные проблемы; кабардинские общественные организации; органы государственной власти; сукцессия; конфликты

**MIGRATION PROBLEMS IN SOCIO-POLITICAL LIFE OF KABARDINO-
BALKARIA AT THE END OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURY****A.V. KUSHKHAVIEV**

*FSBSE «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»,
Center of socio-political researches
360051, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: anzor-vk@mail.ru*

Abstract. The article presents an analysis of migration problems in their interconnection with the socio-political situation in Kabardino-Balkaria at the end of the 20th and early 21st century. It is demonstrated that intensified in the mid-1980s. the influx of migrants from Transcaucasia and Central Asia to Kabardino-Balkaria exacerbated a number of problems in the republic: housing, land, unemployment, rising crime rates, and others. Serious problems arose in Kabardino-Balkaria in connection with the stay of a significant number (over 80 thousand people) of refugees from the Chechen Republic in the mid-1990s. – the beginning of the XXI century. A regular and massive influx of Meskhetian Turks into the KBR, which began in the second half of the 20th century and continues in our days, caused a number of serious problems and had an impact on the demographic, ethno-cultural, socio-economic and delinquency situation in the republic. Their number in Kabardino-Balkaria increased from several families in 1964 to more than 20 thousand people at the present time. At the same time, there is an outflow of indigenous youth from the KBR that leads to a change in the ethnic and socio-professional composition of the population. In the areas of the Meskhetian Turks' compact settlement the competition in the labor market is aggravated and the local, mostly Russian-speaking population is driven out the agricultural sector and from the sphere of trade. After appeals from Kabardian public organizations to the government bodies of Kabardino-Balkaria, they adopted regulatory legal acts restricting registration of migrants in the republic. The implementation of these acts to a certain extent limited the influx of migrants, but it was not possible to stop the migration flows to the republic. Illegal migrants used various workarounds. In the following years, the regulatory acts of the state authorities of the KBR to limit the registration of migrants on the territory of the KBR were terminated due to the harmonization of the regulatory acts of the republic in accordance with federal legislation.

Keywords: Kabardino-Balkaria; migration problems; Kabardian public organizations; government bodies; succession; conflicts.

Актуальность работы. В наши дни во многих странах и регионах мира существуют острые проблемы, вызванные миграционными процессами: проблемы на рынке труда, жилищные проблемы, рост уровня преступности, суксессия, межэтнические конфликты и др. Кабардино-Балкария является одним из регионов, в которых возрастает процесс бесконтрольной внешней миграции, – усиливающийся приток мигрантов из других регионов и фактически перманентный отток молодежи основных национальных групп населения республики – русских, кабардинцев, балкарцев, что способствует обострению указанных проблем. При всей значимости миграционных процессов для демографической и социальной ситуации в КБР они остаются недостаточно изученными до настоящего времени. В этой связи, исследование взаимосвязи миграционных процессов и проблем с общественно-политическим развитием Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI в. весьма актуально и имеет важное фундаментальное и прикладное значение.

Цель статьи – анализ миграционных проблем в Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI века в их взаимосвязи с общественно-политическими процессами.

Источниковедческая база. Данная статья подготовлена на основе анализа архивных документов (документы общественных организаций), опубликованных документов (нормативные акты органов государственной власти Кабардино-Балкарии), научной и научно-публицистической литературы.

Степень разработанности проблемы. Различные аспекты миграционных процессов и проблем в Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI в. рассматривались в работах Агузарова Р. [Агузаров и др. 1995], Беровой Ф.Ж. [Берова и др. 2014], Борова А.Х. [Боров 2014], Кагазежева Ж.В. [Кагазежев 2015], Калмыкова Ж.А. [Калмыков 2018], Кардановой К.А. [Карданова 2017], Кушхабиева А.В. [Кушхабиев 1990; Кушхабиев 1995], Табаксоева [Табаксоев 2016; Табаксоев 2017] и др. Однако ряд серьезных составляющих миграционных процессов и проблем в Кабардино-Балкарии остается неисследованным, в частности, рассматриваемая в настоящей работе деятельность общественных организаций и органов государственной власти КБР по контролю миграционной ситуации в республике в конце XX – начале XXI века.

Обострение миграционных проблем. Во второй половине 1980-х гг. стал усиливаться приток в Кабардино-Балкарию мигрантов из других регионов страны, преимущественно из республик Средней Азии и Закавказья, где обострились межнациональные конфликты. В Кабардино-Балкарию прибыли и группы мигрантов из Армении после землетрясения в этой республике в декабре 1988 г. (Таблица 1).

Таблица 1

Численность населения, прибывающего в КБАССР из других регионов и убывающего за ее пределы

Годы	Прибыло и прописано из других регионов страны	Выписано в другие регионы страны	Механический рост (+) или снижение (-)
1985	14153	13651	+502
1986	14677	14299	+378
1987	15730	16398	- 663
1988	18208	15504	+ 2704
1989	17210	15442	+ 1768

Источник: [Кушхабиев 1990: 5].

Мигранты из Закавказья и Средней Азии стремились поселиться в регионах с более стабильной экологической и социально-политической ситуацией, в частности, в Кабардино-Балкарии. Численность армян в Кабардино-Балкарии с 1979 г. по 1989 г. возросла с 2,2 тыс. до 3,5 тыс. человек. Только в г. Прохладном в начале 1990 г. насчитывалось 872 чел. мигрантов-армян. Численность турок-месхетинцев в Кабардино-Балкарии за тот же период увеличилась с 2 тыс. до 4,2 тыс. человек [Кушхабиев 1990: 5]. Реальная численность турок-месхетинцев в КБАССР в 1989 г. составляла около 5 тыс. человек [УЦДНИ АС КБР. Ф. 2599. Оп. 1. Д. 12. Л. 19].

В 1990-е гг. в республику стали прибывать азербайджанцы, армяне, цыгане, чеченцы, ингуши и др.

Приток мигрантов в Кабардино-Балкарию стал оказывать влияние на социально-экономическую и политическую ситуацию в республике: усугубил острую жилищную и земельную проблемы, а также возрастающую в республике проблему безработицы, что вызывало недовольства местного населения. Недовольству коренных жителей республики способствовали и вызывающие манеры поведения мигрантов.

Следует отметить, что в рассматриваемый период в КБАССР плотность населения уже была довольно высокой – 61,2 человека на 1 кв. км. На площади 12,5 тыс. кв. км проживало 765 тыс. человек. Но если учесть, что почти две трети территории республики занимают горы, большая часть которых не пригодна для проживания и хозяйственной деятельности, то реальная плотность населения составляла более 120 человек на 1 кв. км. (в среднем по России – 8,4 человека). Быстрый рост населения и его концентрация на равнинной части республики привели к тому, что площадь пашни на 1 жителя сократилась до 0,4 га. По степени урбанизации КБАССР перегнала другие автономные образования страны. В городах республики в то время был сконцентрирован 61% населения, а третья часть ее населения была сосредоточена в г. Нальчике [Кушхабиев 1990: 5].

В целом, изменившийся характер миграционных процессов стал одним из факторов, определяющих общую этнодемографическую структуру населения республики (Таблица 2).

Таблица 2

Национальный состав населения Кабардино-Балкарии в 1959-2010 гг.

	1959		1989		2002		2010	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
всего	420115	100,00 %	↗753531	100,00 %	↗901494	100,00 %	↘ 859939	100,00 %
Кабардинцы	190284	45,29 %	↗363494	48,24 %	↗498702	55,32 %	↘ 490453	57,03 %
Русские	162586	38,70 %	↗240750	31,95 %	↘226620	25,14 %	↘ 193155	22,55 %
Балкарцы	34088	8,11 %	↗70793	9,39 %	↗104651	11,61 %	↗108577	12,63 %
Турки		0,00 %	4162	0,55 %	↗8770	0,97 %	↗13965	1,62 %
Осетины	6442	1,53 %	↗9996	1,33 %	↘ 9845	1,09 %	↘ 9129	1,06 %
Армяне	1421	0,34 %	↗3512	0,47 %	↗5342	0,59 %	↘ 5002	0,58 %
Украинцы	8400	2,00 %	↗12826	1,70 %	↘ 7592	0,84 %	↘ 4800	0,56 %
Корейцы	1798	0,43 %	↗4983	0,66 %	↘ 4722	0,52 %	↘ 4034	0,47 %
Цыгане	416	0,10 %	2442	0,32 %	2357	0,26 %	2874	0,33 %
Черкесы	166	0,04 %	614	0,08 %	725	0,08 %	2475	0,29 %
Татары	1608	0,38 %	3005	0,40 %	2851	0,32 %	2375	0,28 %
Азербайджанцы	257	0,06 %	2024	0,27 %	2281	0,25 %	2063	0,24 %
Чеченцы		0,00 %	736	0,10 %	4241	0,47 %	1965	0,23 %

	1959		1989		2002		2010	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Грузины	1486	0,35 %	2090	0,28 %	1731	0,19 %	1545	0,18 %
Лакцы	481	0,11 %	1587	0,21 %	1800	0,20 %	1462	0,17 %
Немцы	903	0,21 %	8569	1,14 %	2525	0,28 %	1462	0,17 %
Ингуши	84	0,02 %	664	0,09 %	1236	0,14 %	1271	0,15 %
Карачаевцы	420	0,10 %	1202	0,16 %	1273	0,14 %	1028	0,12 %
Евреи	1310	0,31 %	1726	0,23 %	1088	0,12 %	835	0,10 %
Лезгины		0,00 %	855	0,11 %	867	0,10 %	767	0,09 %
Кумыки	213	0,05 %	624	0,08 %	713	0,08 %	699	0,08 %
Белорусы	953	0,23 %	2022	0,27 %	1194	0,13 %	696	0,08 %
Адыгейцы	207	0,05 %	828	0,11 %	584	0,06 %	524	0,06 %
Узбеки		0,00 %	424	0,06 %	290	0,03 %	451	0,05 %
Даргинцы	178	0,04 %	535	0,07 %	504	0,06 %	438	0,05 %
Аварцы	196	0,05 %	480	0,06 %	386	0,04 %	425	0,05 %
Абазины	103	0,02 %	468	0,06 %	514	0,06 %	418	0,05 %
Персы	217	0,05 %	485	0,06 %	511	0,06 %	418	0,05 %
Курды		0,00 %	143	0,02 %	301	0,03 %	321	0,04 %
Ногайцы	384	0,09 %	501	0,07 %	409	0,05 %	289	0,03 %
Мордва	305	0,07 %	727	0,10 %	490	0,05 %	282	0,03 %
другие	5199	1,24 %	10264	1,36 %	6364	0,71 %	46602	5,42 %

Источник: Национальный состав населения Кабардино-Балкарии в 1959-2010 гг. [Электронный ресурс] // Сайт «Этно-Кавказ». URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnkbr.html> (дата обращения: 06.05.2019).

За приведенными в таблице общими данными важно разглядеть не только сукцессию – смену этнического состава населения, но и смену его социально-профессионального состава. Из республики уезжает наиболее образованная и активная часть населения. В связи с тем, что в республике фактически нет индустриального сектора, значительная часть молодежи после окончания вузов КБР и РФ устраивается на работу в других регионах страны и за рубежом. В КБР же прибывает, в основном, недостаточно образованное население. Следствием данного процесса является возрастание в КБР процента малообразованной молодежи, избыток рабочей силы и ее отставание в социально-экономической и других сферах.

Но восприятие миграционных проблем определялось во многом и другими обстоятельствами – скачкообразным увеличением притока мигрантов, кризисным социально-политическим контекстом, давлением на социокультурный уклад местного населения, которое не расширяло для него модернизационную перспективу (как рост русского населения в 1950-1960-е гг.), а сужало привычное этносоциальное пространство. Эти факторы проявили себя как на относительно кратковременной, так и на длительной основе. Первое связано с периодом пребывания в республике беженцев из Чечни, второе –

с демографической и социально-территориальной экспансией общины турок-месхетинцев.

Проблемы, вызванные пребыванием чеченских беженцев в Кабардино-Балкарии. После ввода российских войск в Чеченскую Республику 31 декабря 1994 г. и начала там военных действий руководство и общественные организации КБР стали осуществлять активную деятельность по оказанию гуманитарной помощи народу этой республики. С первых же дней начала конфликта в ЧР руководство КБР стало принимать беженцев (официально – вынужденные переселенцы) из этой республики. Часть беженцев была размещена в санаториях, пансионатах, турбазах и общежитиях г. Нальчика, Прохладненского, Майского, Урванского, Терского и других районов республики. Значительная часть чеченских беженцев размещалась самостоятельно на съемных квартирах. Точную численность чеченских беженцев, находившихся в то время в Кабардино-Балкарии, установить невозможно, так как многие из них останавливались у ранее обосновавшихся своих родственников без регистрации. По неофициальным данным, в середине 1990-х гг. численность чеченских беженцев в Кабардино-Балкарии составляла более 80 тыс. человек [Карданова 2017: 86].

Однако руководство КБР, стремившееся оказать помощь народу соседней республики, допустило серьезные ошибки, что привело к масштабным негативным последствиям. Оно не учло рекомендаций кабардинских общественных организаций и аналитиков-исследователей миграционных проблем. Кабардино-Балкария не обладала необходимыми экономическими, правоохранными и другими ресурсами для приема значительного числа беженцев. Уже к осени 1996 г. возникла острая проблема с обеспечением беженцев. Расходы по оплате их проживания, трехразового питания, коммунальных услуг и др. взяло на себя руководство КБР. Правительство РФ распорядилось направить в КБР 5 млрд. рублей на прием новой партии беженцев, но до республики к осени дошло только 3,8 млрд. рублей [Григорьева 1996: 4].

Возникла и острая проблема с обучением детей беженцев в средних школах в связи с их перегруженностью. Численность детей беженцев превышала квоты, выделенные для них в школах г. Нальчика. Массовый прием беженцев из Чечни также нанес значительный ущерб санаторно-курортному комплексу республики: требовались серьезные ремонтно-восстановительные работы.

С появлением беженцев из Чечни в республике в значительной степени возрос уровень преступности. По заявлению, начальника Долинского отделения милиции г. Нальчика капитана М. Конакова, почти каждый день в отделение доставляли беженцев – нарушителей общественного порядка. Большой проблемой для милиции стал также незарегистрированный в республике автотранспорт, который принадлежал беженцам. На таких автомобилях совершались различные правонарушения, а их последующий розыск затруднялся тем, что в КБР они не числились. В других регионах эти автомобили числились в угоне [Григорьева 1996: 3].

Одной из проблем, созданных беженцами из ЧР, стали регулярно устраиваемые ими массовые драки с местной молодежью. В начале 2000-х гг. эта проблема стала еще острее, так как в КБР было направлено для обучения значительное количество студентов-целевиков из ЧР. Участились случаи нападения на местных студентов и их ограбления. Обострившаяся ситуация вылилась в крупномасштабные драки между чеченской и кабардинской молодежью в г. Нальчике в октябре 2003 г. и в сентябре 2005 г. В частности, 27 сентября 2005 г. массовая драка между кабардинской и чеченской молодежью проходила во многих районах г. Нальчика. Для прекращения этих драк было задействовано значительное число сотрудников правоохранительных органов. В драках 2003 г. и 2005 г. по несколько десятков человек с обеих сторон получили ранения. С целью урегулирования конфликта в сентябре 2005 г. в Кабардино-Балкарию приезжала делегация правительства Чеченской Республики во главе с Р. Кадыровым [Найденов 2005; Сошин 2013].

Следует отметить, что коренные жители КБР, сотрудники вузов и правоохранительных органов проводили разъяснительную работу с местной молодежью, убеждали ее в необходимости толерантного отношения к беженцам. В результате этого удалось избежать дальнейшего обострения ситуации и перерастания массовых драк между чеченской и кабардинской молодежью в межнациональный конфликт.

Еще одной острой проблемой была массовая скупка жилья беженцами из Чеченской Республики. В начале 2000-х гг. начались компенсационные выплаты беженцам из ЧР «за утраченное в результате боевых действий» жилье. Им выплачивалось по 300 тыс. рублей, что являлось значительными средствами в Северо-Кавказском регионе для начала 2000-х гг. [Сошин 2013]. В КБР в рассматриваемый период цены на жилье были относительно низкими по сравнению с Северной Осетией и Ставропольским краем. Цена на двухкомнатную квартиру на окраине г. Нальчике составляла около 150 тыс. рублей. При этом предложение жилья намного превышало спрос. В связи с разрушением социалистической экономической системы и низким уровнем доходов жители КБР длительное время копили средства на покупку жилья. Продавцы жилья также длительное время не могли продать его. После же начала компенсационных выплат беженцы из ЧР стали массово скупать дешевое жилье в КБР, вследствие чего резко возросли цены на квартиры в КБР, и оно стало недоступным для многих местных жителей.

Проблемы, вызванные миграцией турок-месхетинцев в Кабардино-Балкарию. Еще более масштабными стали проблемы, вызванные регулярным и массовым притоком в КБР турок-месхетинцев, начавшимся во второй половине XX в. и продолжающимся в наши дни. Первые семьи турок-месхетинцев прибыли на постоянное место жительства в Кабардино-Балкарию в 1964 г. Их поселили в сел. Хасанья. В 1969 г. с согласия руководства республики 25 семей турок-месхетинцев (по другой версии 350 чел.) поселилась в селении Псыкод Урванского района. Почти все турки-месхетинцы являются выходцами из Ахалцихского района Грузии и их потомками. В 1970-1980 гг. турки-месхетинцы стали группами приезжать и селиться в районах

Кабардино-Балкарии, а также в соседних регионах: в Северо-Осетинской Республике, Ставропольском и Краснодарском краях. Администрации районов и сел Кабардино-Балкарии отводили туркам-месхетинцам земельные участки, оказывали помощь в обустройстве. Определение точной численности тюрк-месхетинцев было осложнено тем, что до переписи 2002 г. они записывались азербайджанцами и грузинами. Лишь в ходе переписи 2002 г. они стали указывать свою национальность как турки-месхетинцы. По официальным данным, в 2012 г. численность тюрк-месхетинцев достигла 13334 чел., а к 2018 г. – 17-18 тыс. человек. Они заняли четвертое место по численности среди национальных групп населения в КБР. Турки-месхетинцы также демонстрируют самый высокий уровень рождаемости и самый быстрый прирост населения в Северо-Кавказском регионе [Калмыков 2018].

Преобладающая часть тюрк-месхетинцев расселилась в Урванском, Прохладненском, Майском, Чегемском, Лескенском и Терском районах, а также в г. Нальчике. В КБР турки, как земледельцы, целенаправленно обосновались в равнинных районах, где находятся наиболее плодородные земли.

Приток турецко-месхетинских мигрантов в республику в условиях малоземелья и безработицы вызывал недовольства местного населения. Опасаясь обострения отношений с коренным населением, часть тюрк-месхетинцев предприняла попытку переселения в Турецкую Республику. Лидер турецкой общины Кабардино-Балкарии Саидов Рамиз Мадатолу и тхамата (председатель) ОО «Адыгэ Хасэ» Валерий Хатажуков обратились к Премьер-министру Турции Тансу Чиллар (письмо от 07.07.1994 г.) с просьбой о предоставлении разрешения на выезд из Кабардино-Балкарии в Турцию 20-30 семьям тюрк-месхетинцев. В письме сообщается о том, что в первое время (1970-е – 1980-е гг.) в Кабардино-Балкарии отношение местного населения к туркам-месхетинцам было доброжелательным. После же ферганских событий (массовых столкновений узбекского и турецко-месхетинского населения в мае-июне 1989 г. – А.К.) и увеличения численности тюрк-месхетинцев в Кабардино-Балкарии, от них стали требовать незамедлительного выезда из КБР. В качестве обоснования в письме сказано: «Чтобы снять напряженность в республике, избежать кровопролития, которое, по всей видимости, неизбежно...». В письме также содержится просьба – оказать содействие «...в осуществлении обмена между турками, проживающими в КБР, и черкесами, проживающими в Турции» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 2599. Оп. 1. Д. 220. Л. 1, 2].

Несмотря на то, что руководство Турецкой Республики оказывает поддержку всем туркам, желающим возвратиться на историческую родину, из КБР в Турцию переселилось лишь незначительное количество турецко-месхетинских семей. Бесконтрольная же миграция тюрк-месхетинцев в КБР продолжается. По данным Управления по вопросам миграции МВД России по КБР, только в 2016-2017 гг. в Кабардино-Балкарию прибыло 488 чел. тюрк. По неофициальным данным, в КБР проживает немалое число мигрантов, не имеющих регистрации. В настоящее время численность тюрк-месхетинцев в республике превышает 20 тыс. человек [Табаксоев 2017: 90].

Необходимо указать, что приток мигрантов в КБР происходит параллельно с трудовой миграцией из республики кабардинцев, балкарцев и русскоязычного населения. Главными причинами оттока коренного населения из КБР являются начавшиеся с 1990-х гг. деиндустриализация и кризис в аграрном секторе экономики, которые привели к избытку трудоспособного населения. Отток трудоспособного, преимущественно молодого населения, является следствием безработицы, невостребованности специалистов в экономике республики [Табаксоев 2017: 86, 87].

В поисках работы в 2010 г из КБР выехали 4736 чел., в основном представителей коренного населения, что на 19% превышает уровень 2007 г. По данным Управления по вопросам миграции МВД России по КБР, с 2011 по 2017 г. из республики выбыло 37146 чел. Ежегодно из республики в среднем выбывает 5306 человек. Уезжают трудоспособные люди в возрасте от 20 до 45 лет из городов и сел КБР в другие города России и за рубеж. По неофициальным данным, за пределами республики на заработках находится более 100 тыс. чел. представителей титульных наций КБР [Калмыков 2018].

В Прохладненском и Майском районах турки-месхетинцы фактически вытесняют местное русскоязычное население. По официальным данным, в Прохладненском районе проживает свыше 5 тыс. турок-месхетинцев и их численность возрастает быстрыми темпами. При этом из района уезжает еще большее число представителей русского населения, в среднем от 250 до 330 человек в год. В Майском районе численность турок-месхетинцев составляет свыше 4 тыс. человек. В 2017 г. количество турок, прибывших в Майский район, составило 82 чел., покинуло же район 232 чел. русских. При этом в Майском районе к концу 2017 г. насчитывалось 5099 безработных. В районе уже не функционируют промышленные предприятия, на которых работала значительная часть русскоязычного населения. Поэтому в условиях деиндустриализации республики русские, не выдерживая конкуренцию с мигрантами в аграрном секторе экономики и торговле, уезжают в другие российские регионы в поисках работы [Калмыков 2018].

Процесс вытеснения турками-месхетинцами коренного населения наблюдается и в Урванском районе, где по данным последней переписи, проживало 3690 турок-месхетинцев. В кабардинском селе Псыкод численность турок-месхетинцев уже составляет 70%. В районном центре – г. Нарткале, есть дошкольные учреждения, где в отдельных группах дети турков-месхетинцев составляют 40-50% [Калмыков 2018].

Усиливающийся процесс оттока коренного населения Кабардино-Балкарии и рост численности мигрантов, в основном турок, оказывает серьезное влияние на социально-экономическую, демографическую, этнокультурную и криминогенную ситуацию в республике.

Рост численности мигрантов является обременительным для бюджета КБР. Турецко-месхетинские мигранты находят себе применение, в основном, в земледельческом производстве, на субарендных землях, на сезонных работах и в сфере торговли. Поэтому они не становятся налогоплательщиками. За пользование земель они платят только основным арендаторам, т. е. местным

олигархам. От них республика (государство) не получает отчислений ни в налоговую службу, ни в пенсионный фонд и т. д. Но при этом они пользуются всеми социальными благами и со временем пополняют категорию пенсионеров по возрасту. Таким образом, мигранты в Кабардино-Балкарии активно участвуют в образовании «дыры» в пенсионном фонде страны. Рост численности турецко-месхетинских мигрантов также способствует росту цен на жилье и усиливает коррупцию, особенно в Прохладненском, Майском и Урванском районах [Калмыков 2018].

Среди турецко-месхетинских мигрантов регулярно отмечаются правонарушения: производство и сбыт легких наркотиков, изнасилования, случаи массовых драк и столкновений с молодежью других национальностей. Наиболее сложные отношения турок-месхетинцев наблюдаются с русскоязычным населением Прохладненского и Майского районов. Между молодежью турок-месхетинцев и жителями ряда населенных пунктов данных районов довольно часто происходят конфликты. Местным органам МВД удается гасить конфликтные ситуации, не предавая их широкой гласности. Но, по мнению экспертов, есть угроза возникновения крупномасштабных конфликтов в местах компактного расселения турецко-месхетинских мигрантов [Волков 2010].

Несомненно, быстрый рост численности турецко-месхетинского населения со временем может привести к его доминированию в Кабардино-Балкарии, вследствие чего могут возникнуть крупномасштабные конфликты между коренными народами и новой турецко-месхетинской диаспорой.

Деятельность общественных организаций и органов государственной власти Кабардино-Балкарии по контролю иммиграционных процессов в республике. В начале перестройки, благодаря либерализации политического режима во всех регионах страны, в том числе и в Кабардино-Балкарии, стали появляться различные клубы, кружки, общества, комитеты и др., которые со временем преобразовались в общественные организации и общественно-политические движения. Их основными направлениями деятельности стали содействие демократическим преобразованиям и решение проблем этнокультурного развития.

Среди первых общественных организаций, образовавшихся в то время в Северо-Кавказском регионе, был клуб любителей адыгской культуры «Ашамаз», учрежденный в г. Нальчике в ноябре 1985 г. (в 1989 г. переименован в «Адыгэ Хасэ»). Целью клуба являлась деятельность, направленная на поддержку перестройки и возрождение и пропаганду адыгской культуры [УЦДНИ АС КБР. Ф. 2599. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-6].

Значительное внимание клуб «Ашамаз» стал уделять мониторингу социально-политической и экологической ситуации в республике, что было возложено на секцию социально-экономических исследований. Особое значение клуб «Ашамаз» придавал исследованию процессов бесконтрольной миграции в республику граждан из других регионов страны. В Уставе-Программе «Адыгэ Хасэ» 1990 г. закреплено положение о содействии

осуществлению контроля над миграционными процессами и нормализации демографической ситуации в КБССР [Устав-Программа... 1992: 5].

Нормализацию миграционной ситуации в Кабардино-Балкарии включила в свои задачи и кабардинская женская общественная организация «Сатаней», учрежденная в г. Нальчике в сентябре 1991 г. [Устав... 1994: 173].

Решение проблем, обусловленных притоком мигрантов в КБР, было одним из направлений деятельности самой авторитетной кабардинской общественной организации «Конгресс кабардинского народа» (ККН), созданной на Первом съезде кабардинского народа 10 января 1992 г. в г. Нальчике с целью воссоздания государственности кабардинского народа. В Программе деятельности ККН закреплён пункт 6.4 – о продлении до 1995 г. ограничения на прописку на территории КБР граждан РФ и других стран СНГ [Программа... 1992: 1].

Активисты кабардинских общественных организаций на своих мероприятиях заявляли о таких рисках и угрозах бесконтрольной миграции, как рост ксенофобии у коренного населения республики и конфликты между коренным населением и мигрантами.

В 1990 г. активисты ОО «Адыгэ Хасэ» обратились в Президиум Верховного Совета КБАССР с просьбой о принятии постановления, ограничивающего прописку граждан, прибывающих в КБАССР из других регионов страны, и представили свой проект данного постановления [В Президиум... 1989]. Учитывая обострившуюся негативную реакцию коренного населения республики на бесконтрольный приток мигрантов и возможные непредсказуемые последствия данного процесса, Верховный Совет КБАССР сформировал комиссию по рассмотрению данного вопроса. Комиссия ВС КБАССР значительно сократила пункты, содержащиеся в проекте постановления «Адыгэ Хасэ» по ограничению прописки граждан из других регионов, и подготовила свой проект. В августе 1990 г. Верховный Совет КБАССР принял постановление «О временной приостановке прописки граждан, прибывающих в Кабардино-Балкарскую АССР (от 30.08.1990. № 237-ХП). В постановлении, в частности, зафиксировано: «В связи с перенаселенностью республики, остротой жилищной, продовольственной, социальной и других проблем, напряженностью в межнациональных вопросах Верховный Совет Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической Республики постановляет: «1. Временно, до 1.01.1995 года приостановить постоянную прописку граждан, прибывающих на жительство в Кабардино-Балкарскую АССР (за исключением соотечественников, проживающих за пределами КБАССР и СССР, детей к родителям, родителей к детям, супругов на жилплощадь другого супруга, военнослужащих и военнослужащих, увольняемых в запас и отставку, которые были призваны в ряды Вооруженных сил СССР из КБАССР)» [Постановление... 1990: 1].

Совету Министров КБАССР поручалось в месячный срок разработать необходимые мероприятия по выполнению данного постановления, предусмотрев в них, наряду с другими и меры по упорядочению купли-продажи жилых домов на территории КБАССР [Постановление... 1990: 1].

В 1991, 1992 и 1993 гг. были приняты распоряжения Совета Министров КБР по воплощению данного постановления [Распоряжение... 1994: 2].

В связи со значимостью и остротой проблем, вызванных ростом численности мигрантов, руководство Кабардино-Балкарии стало включать положения о проблемах миграции во все важные принимаемые документы. Так, в Декларации о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики, принятой Верховным Советом республики 30 января 1991 г., в разделе IV «Гражданство Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики» зафиксировано следующее: «Кабардино-Балкарская ССР самостоятельно регулирует миграционные процессы на своей территории, исходя из интересов народа Республики» [Декларация... 1991: 1]. Включение в исторический документ пункта о регулировании миграционных процессов явилось важным политическим решением руководства республики. Однако в Договоре Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики», подписанном в г. Москве 1 июля 1994 г., вопросы миграции были отнесены к совместному ведению Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики [Договор... 2001: 180].

В Конституции Кабардино-Балкарской Республики, принятой 1 сентября 1997 г., также закреплено положение о том, что вопросы миграции находятся в совместном ведении Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики [Конституция... 1997: 3].

В 1994 г. Парламент КБР принял постановление «О некоторых мерах регулирования миграции в Кабардино-Балкарской Республике» (от 05.05.1994 г. №17-П-П). В преамбуле постановления обосновано его принятие следующими факторами: перенаселенностью республики, острой жилищной, экологической и другими проблемами, прохождением государственной границы РФ по территории республики, близостью к зонам межнациональных конфликтов [Постановление... 1994: 1]. Постановление ограничивало постоянную прописку граждан, прибывающих на жительство в КБР до 1 января 2000 г.

В 1994 г. Кабинет Министров издал распоряжение №163-р (от 29.03.1994 г.) об образовании постоянно действующей комиссии Кабинета Министров КБР по вопросам прописки граждан. В соответствии с данным распоряжением, на Комиссию возлагалось принятие окончательных решений по ходатайствам граждан, в случаях отказа в их прописке местными администрациями [Распоряжение... 1994: 2].

Реализация постановлений 1990 и 1994 гг. в определенной степени ограничила приток мигрантов из других регионов страны, однако остановить миграционные потоки в Кабардино-Балкарию не удалось. Нелегальные мигранты использовали различные обходные методы – регистрации у родственников, фиктивные браки и т. п. Общественность Кабардино-Балкарии высказывала серьезные опасения по данной проблеме. В периодической печати

публиковались статьи, в которых сообщалось о рисках и угрозах роста численности мигрантов в республике. Общественность республики была крайне недовольна таким следствием миграции как резкий рост цен на жилье, особенно в г. Нальчике. Многие мигранты обладали средствами и скупали квартиры и домовладения в городах КБР, что приводило к росту цен на жилье. В итоге жилье становилось недоступным для большинства коренного населения республики, десятилетиями копившего средства на его приобретение. Прямым следствием роста цен на жилье в КБР стал спад рождаемости у коренного населения. В итоге массовая миграция в КБР граждан из других регионов страны и стран СНГ осложняла социально-экономические и демографические проблемы коренного населения [Кушхабиев 1995: 2].

Аналитики-исследователи данной проблемы предупреждали органы государственной власти КБР о неизбежных негативных последствиях значительного роста миграционных потоков в республику и, прежде всего, о неизбежных конфликтах коренного населения и мигрантов. Аналитики предлагали органам государственной власти КБР создать специальный орган, регулирующий демографическую ситуацию в республике [Агузаров и др. 1995: 3].

Учитывая остроту ситуации, органы государственной власти КБР продолжали предпринимать определенные меры по ограничению прописки (регистрации) мигрантов, прибывающих из других регионов страны и стран СНГ. В 1995 г. Парламент КБР принял закон «Об административной ответственности за нарушение порядка определения на постоянное место жительства в Кабардино-Балкарской Республике» (от 05.06.1995 г. № 9-33). Закон подписал Президент КБР В.М. Коков. В преамбуле документа сказано, что настоящий закон устанавливает административную ответственность за нарушение порядка определения на постоянное место жительства в Кабардино-Балкарской Республике и направлен на предупреждение и пресечение неконтролируемой миграции на территорию Кабардино-Балкарской Республики, защиту жителей республики от негативных последствий миграционных процессов. В преамбуле также отмечается, что закон принимается на переходный период и имеет силу до принятия законов и других нормативных актов Российской Федерации о миграции и соответствующих правовых актов Кабардино-Балкарской Республики [Закон... 1995: 1].

На основании данного закона к административной ответственности за нарушение порядка определения на постоянное место жительства, установленного в КБР, привлекались должностные лица. На них налагались штрафы (от ста до ста пятидесяти минимальных размеров оплаты труда), незаконная прописка аннулировалась. К административной ответственности также привлекались должностные лица, совершившие нарушения ограничений, установленных Парламентом КБР при купле-продаже, дарении и обмене жилых домов и квартир (от ста до ста пятидесяти минимальных размеров оплаты труда). В законе также закреплено, что заключение договоров купли-продажи, дарения, обмена жилых домов и квартир через подставных лиц, либо путем предоставления ложных сведений с целью преодоления ограничений,

установленных в КБР, влечет аннулирование данного договора и наложение штрафа в размере от тридцати до пятидесяти минимальных размеров оплаты труда [Закон... 1995: 1].

Вскоре вышел указ Президента КБР В.М. Кокова «О дополнительных мерах по укреплению правопорядка в Кабардино-Балкарской Республике» (от 19.07.1995. №37), в котором содержатся пункты об ужесточении контроля за лицами без определенного места жительства и занятий, находящимися на территории КБР. Указ возлагал на Министерство внутренних дел КБР, Министерство безопасности – Управление федеральной службы безопасности РФ по КБР, Департамент налоговой полиции КБР, Государственную налоговую инспекцию по КБР, Кабардино-Балкарскую таможенную, Нальчикский погранотряд, Прокуратуру КБР, администрации городов и сел КБР временно, до стабилизации обстановки в Северо-Кавказском регионе, принятие ряда мер по усилению борьбы с преступностью в КБР. В указе, в частности, сказано о предоставлении органам внутренних дел права на выдворение лиц, находящихся на территории республики без законных к тому оснований, к месту их постоянного проживания либо за пределы республики за их счет. Указ возлагал на глав администраций персональную ответственность за неукоснительное исполнение Закона КБР «Об административной ответственности за нарушение порядка определения на постоянное место жительства в Кабардино-Балкарской Республике» [Указ... 1995: 1].

В конце 1998 г. вышло Постановление Парламента КБР «О ходе выполнения постановления Парламента Кабардино-Балкарской Республики от 5 мая 1994 года №17 «О некоторых мерах регулирования миграции в Кабардино-Балкарской Республике» (от 24.12.1998 г. №61-П-П). В данном постановлении отмечается, что в результате принятых мер, миграционные процессы в КБР стали более контролируемы. Вместе с тем были выявлены многочисленные нарушения, допущенные комиссиями по регистрации при районных и городских администрациях. Заявления граждан о регистрации по месту жительства не регистрировались в установленном порядке. Допускались необоснованные отказы в решении вопросов постоянной регистрации граждан. В постановлении предложено Правительству КБР: «- усилить контроль за осуществлением регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в Кабардино-Балкарскую Республику; выдворять лиц, находящихся на территории республики без законных к тому оснований, к месту их постоянного проживания за их счет; привести в соответствие с настоящим постановлением Положение о комиссиях по прописке при администрациях районов, городов Кабардино-Балкарской Республики, утвержденное постановлением Кабинета Министров Кабардино-Балкарской Республики от 31 августа 1994 года № 201» [Постановление... 1999: 1].

В ноябре 1999 г. общественная организация «Адыгэ Хасэ» обратилась в Парламент КБР с просьбой о продлении на 10-15 лет действия Постановления Парламента КБР «О некоторых мерах регулирования миграции в КБР» (от 05.05.1994 г. №17-П-П). В обращении отмечается, что благодаря действию данного постановления удалось приостановить бесконтрольную миграцию в

республику, однако, тысячи жителей Чечни, Дагестана и стран СНГ все же смогли прописаться в КБР в нарушение данного постановления. В обращении, в частности, рекомендовано ужесточить пункт о регистрации (прописки) супругов, так как регистрации при фиктивных браках успешно использовались мигрантами в качестве метода обхода указанного постановления. В обращении предлагалось осуществлять регистрацию одного из супругов на жилплощадь другого супруга – жителя КБР только после подтверждения подлинности брака комиссией [Председателю... 1999].

В конце 1999 г. Парламент КБР принял постановление «О продлении срока действия постановления Парламента Кабардино-Балкарской Республики от 5 мая 1994 года №17 «О некоторых мерах регулирования миграции в Кабардино-Балкарской Республике» (от 29.12.1999 г. №163-П-П). Срок указанного постановления продлевался до 1 февраля 2000 г. [Постановление... 2000: 1]

В мае 2001 г. Парламент КБР принял Постановление «О парламентском запросе к Председателю Правительства Кабардино-Балкарской Республики об обострении миграционных процессов в Кабардино-Балкарской Республике» (от 24.05.2001 г. №347-П-П), в котором сказано о том, что в связи с признанием Верховным Судом КБР недействующими и не подлежащими применению нормативных правовых актов Парламента КБР, регулирующих миграционные процессы в республике, значительно обострилась демографическая ситуация, еще больше осложнились проблемы занятости, социально-бытового обслуживания населения, ухудшилась криминогенная обстановка. Указанные проблемы, прежде всего, обусловлены нерегулируемым притоком беженцев из соседних республик и стран СНГ. Отмечается, что сложившаяся ситуация вызывает тревогу и многочисленные обращения жителей КБР в различные органы власти. В парламентском запросе далее сказано: «Представляя интересы своих избирателей и осознавая всю серьезность обозначенной проблемы для сохранения мира и стабильности в республике, благополучия ее населения, считаем необходимым принятие Правительством Кабардино-Балкарской Республики конкретных и неотложных мер, направленных на решение поднятых вопросов» [Постановление... 2001a: 1].

В ноябре 2001 г. Парламент КБР принял постановление «О временных мерах по ограничению регистрации граждан, прибывающих в Кабардино-Балкарскую Республику на постоянное жительство» (от 22.11.2001 г. № 410-П-П). В преамбуле данного постановления содержится обоснование его принятия: обеспечение общественной безопасности, конституционных прав и свобод жителей КБР, перенаселенность республики, острые жилищная, экологическая и другие проблемы, прохождение государственной границы РФ по территории республики, близость к зонам межнациональных конфликтов. Постановление ограничивало временно (до стабилизации и улучшения криминогенной обстановки в Северо-Кавказском регионе) постоянную регистрацию граждан, прибывающих в Кабардино-Балкарскую Республику. В постановлении содержится перечень категорий, на которые не распространялось его действие (соотечественники, проживающие за пределами республики и др.). Данное

постановление запрещало Кабардино-Балкарской республиканской палате по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним на период действия данного постановления регистрировать права на недвижимое имущество, сделки с недвижимым имуществом, находящимся на территории республики, лицам, не имеющим постоянной регистрации на территории республики. Органы ЗАГС должны были приостановить: регистрацию браков, если лицо не имело постоянной регистрации на территории республики; государственную регистрацию рождения ребенка, если его родители не имели постоянной регистрации на территории республики. В постановлении содержится рекомендация Правительству КБР: образовать специальную комиссию из представителей Президента КБР, Парламента КБР, Министерства внутренних дел КБР и глав местного самоуправления районов, городов Нальчика, Прохладного. Правительству КБР также было рекомендовано: рассмотреть вопрос об организации фонда жилья за счет выкупа жилья на основе договоров у лиц, выезжающих за пределы республики на постоянное жительство; принять правовые акты, направленные на реализацию данного постановления [Постановление... 2001b].

В мае 2006 г. было принято Постановление Правительства КБР «О Республиканской комиссии по вопросам миграции (от 22 мая 2006 г. № 153-ПП)». Комиссия создавалась с целью «обеспечения взаимодействия между территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики и органами местного самоуправления в области управления миграционными процессами» [Постановление... 2006: 2]. В состав Комиссии включались представители органов государственной власти КБР, органов местного самоуправления и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по согласованию. Комиссию возглавлял Председатель Правительства КБР. Состав Комиссии утверждался правительством Кабардино-Балкарской Республики. Комиссия в своей деятельности руководствовалась Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента РФ, постановлениями и распоряжениями Правительства РФ, Конституцией КБР, законами КБР, указами и распоряжениями Президента КБР, постановлениями и распоряжениями Правительства КБР и Положением о Республиканской комиссии по вопросам миграции. Главной функцией данной комиссии являлась координационная деятельность указанных органов власти по вопросам реализации миграционной политики в Кабардино-Балкарии [Постановление... 2006: 2].

В последующие годы действие нормативных актов органов государственной власти КБР по ограничению регистрации мигрантов на территории КБР было прекращено в связи с приведением нормативно-правовых актов республики в соответствие с федеральным законодательством.

ВЫВОДЫ

Таким образом, усилившийся в середине 1980-х гг. приток в Кабардино-Балкарию мигрантов из республик Закавказья и Средней Азии, обострил ряд проблем: жилищную, земельную, проблему безработицы, рост уровня преступности и др.

Серьезные проблемы возникли в Кабардино-Балкарии в связи с пребыванием значительного числа (свыше 80 тыс. чел.) беженцев из Чеченской Республики в середине 1990-х гг. – начале XXI в.: проблемы с обеспечением проживания беженцев и обучением их детей в школах г. Нальчика; повреждение санаторно-курортного комплекса; массовая скупка чеченскими беженцами жилья в КБР и, как следствие, рост цен на него; рост уровня преступности; массовые драки с местной молодежью.

Регулярный и массовый приток в КБР турок-месхетинцев, начавшийся во второй половине XX в. и продолжающийся в наши дни, вызвал ряд серьезных проблем и оказал влияние на демографическую, этнокультурную, социально-экономическую и криминогенную ситуацию в республике. Их численность в Кабардино-Балкарии возросла с нескольких семей в 1964 г. до более 20 тыс. чел. в настоящее время. Одновременно, происходит отток из КБР молодежи коренных народов, что ведет к смене этнического и социально-профессионального состава населения. Значительная часть молодежи после окончания вузов устраивается на работу за пределами республики. В КБР прибывают, в основном, недостаточно образованные мигранты. Следствием данного процесса является возрастание в КБР процента малообразованной молодежи, избыток рабочей силы и дальнейшее отставание республики в социально-экономической и других сферах.

В местах компактного расселения турок-месхетинцев обостряется конкуренция на рынке труда и вытесняется местное, в основном русскоязычное население из аграрного сектора и сферы торговли. Среди турецко-месхетинских мигрантов регулярно отмечаются правонарушения: производство и сбыт легких наркотиков, изнасилования, случаи столкновений с молодежью других национальностей. Быстрый рост численности турецко-месхетинского населения со временем может привести к его доминированию в Кабардино-Балкарии, вследствие чего могут возникнуть масштабные конфликты между коренными народами и новой турецко-месхетинской диаспорой.

Обострение этнодемографических проблем, связанных с миграционными процессами вызвало реакцию ряда общественных организаций в основном представляющих кабардинское население республики. После их обращений в органы государственной власти Кабардино-Балкарии, были приняты нормативно-правовые акты, позволяющие в определенной степени регулировать миграционные процессы. Реализация данных актов в определенной степени ограничила приток мигрантов, однако остановить миграционные потоки в республику не удалось. Нелегальные мигранты использовали различные обходные методы. В последующие годы действие нормативно-правовых актов органов государственной власти КБР по

ограничению регистрации мигрантов на территории КБР было прекращено в связи с приведением нормативно-правовых актов республики в соответствие с федеральным законодательством.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Агузаров и др. 1995 – *Агузаров Р., Бижоев Б., Тазиев Р.* Ситуация сегодня под контролем. А завтра? // Кабардино-Балкарская правда. – № 110(18632). – 20 июня 1995 г. – С. 3.

Берова и др. 2014 – *Берова Ф.Ж., Бакаева З.Р., Думанова А.Х., Яхутлова М.Л.* Региональные особенности миграционных процессов и национальная безопасность (на материалах Кабардино-Балкарской Республики). [Электронный ресурс] // Научно-информационный журнал «Вопросы экономики и права». URL: http://law-journal.ru/files/pdf/201408/201408_98.pdf (дата обращения: 15.05.2016).

Боров 2014 – *Боров А.Х.* Кабардино-Балкарская Республика: Структурные факторы этнополитической динамики // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 6 (62). – С. 205-212.

В Президиум... – *В Президиум* Верховного Совета КБАССР. 01.09.1989. Рукопись // Личный архив А.В. Кушхабиева.

Волков 2010 – *Волков Г.* Турки-месхетинцы вытесняют русских из КБР. [Электронный ресурс] // Русский обозреватель (13.05.2010). URL: <http://www.rus-obr.ru/rus-web/6569> (дата обращения: 26.05.2019).

Григорьева 1996 – *Григорьева М.* Беженцы это проблема не только с жильем // Газета Юга. 1996. 20.09. № 38. – С. 2-4.

Декларация... 1991 – *Декларация* о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики. 30 января 1991 г. // Кабардино-Балкарская правда. – № 24 (17548). – 3 февраля 1991 г. – С. 1.

Договор... 2001 – *Договор* Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики». 1 июля 1994 г. // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии. Отв. ред. М.Н. Губогло. – М.; Нальчик: ФГБУН ИГИ КБНЦ РАН, 2001. – Т. 1. – С. 177-182.

Закон... 1995 – *Закон* Кабардино-Балкарской Республики «Об административной ответственности за нарушение порядка определения на постоянное место жительства в Кабардино-Балкарской Республике» (от 5 июня 1995 г. № 9-РЗ) // Кабардино-Балкарская правда. – № 85 (18607). – 8 июня 1995 г. – С. 1.

Кагазежев 2015 – *Кагазежев Ж.В.* Проблемы миграции русскоязычного населения Кабардино-Балкарии // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – №6(68). – Т. 1. – С. 122-126.

Калмыков 2018 – *Калмыков Ж.А.* В Кабардино-Балкарии меняется этнический состав. [Электронный ресурс] // Caucasus Times – региональное информационное агентство, специализирующееся на новостях Юга России и Закавказья. 30.04.2018. URL: <http://caucasustimes.com/ru/v-kabardino-balkarii-menjaetsja-jetnicheskoj-sostav/> (дата обращения: 18.05.2019).

Карданова 2017 – *Карданова К.А.* Деятельность руководства и общественных организаций Кабардино-Балкарской Республики по урегулированию военных конфликтов в Чеченской Республике в конце XX – начале XXI в. // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 7. – № 2. – С. 85-89.

Конституция... 1997 – *Конституция* Кабардино-Балкарской Республики. 1 сентября 1997 г. // Кабардино-Балкарская правда. – № 177 (19265). – 9 сентября 1997 г. – С. 3.

- Кушхабиев 1990 – *Кушхабиев А.В.* Предвосхищая тревогу // Советская молодежь. – № 67-69 (6196-6198). – 8 июня 1990 г. – С. 5.
- Кушхабиев 1995 – *Кушхабиев А.В.* Рождаемость падает, а население растет // Кабардино-Балкарская правда. – № 98 (18620). – 4 июня 1995 г. – С. 2.
- Постановление... 1990 – *Постановление* Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР «О временной приостановке прописки граждан, прибывающих в Кабардино-Балкарскую АССР» (от 30 августа 1990 г. № 237-ХП) // Кабардино-Балкарская правда. – № 170 (17444). – 5 сентября 1990 г. – С. 1.
- Постановление... 1994 – *Постановление* Парламента Кабардино-Балкарской Республики «О некоторых мерах регулирования миграции в Кабардино-Балкарской Республике» (от 5 мая 1994 г. № 17-П-П) // Кабардино-Балкарская правда. – №88 (18360). – 14 мая 1994 г. – С. 1.
- Постановление... 1999 – *Постановление* Парламента Кабардино-Балкарской Республики «О ходе выполнения постановления Парламента Кабардино-Балкарской Республики от 5 мая 1994 года №17 «О некоторых мерах регулирования миграции в Кабардино-Балкарской Республике» (от 24 декабря 1998 г. № 61-П-П) // Кабардино-Балкарская правда. – № 4 (19589). – 7 января 1999 г. – С. 1.
- Постановление... 2000 – *Постановление* Парламента Кабардино-Балкарской Республики «О продлении срока действия постановления Парламента Кабардино-Балкарской Республики от 5 мая 1994 года № 17 «О некоторых мерах регулирования миграции в Кабардино-Балкарской Республике» (от 29 декабря 1999 г. № 163-П-П) // Кабардино-Балкарская правда. – № 4 (19842). – 11 января 2000 г. – С. 1.
- Постановление... 2001a – *Постановление* Парламента Кабардино-Балкарской Республики «О парламентском запросе к Председателю Правительства Кабардино-Балкарской Республики об обострении миграционных процессов в Кабардино-Балкарской Республике» (от 24 мая 2001 г. № 347-П-П) // Кабардино-Балкарская правда. – № 109(20198-20199). – 5 июня 2001 г. – С. 1.
- Постановление... 2001b – *Постановление* Парламента Кабардино-Балкарской Республики «О временных мерах по ограничению регистрации граждан, прибывающих в Кабардино-Балкарскую Республику на постоянное жительство» (от 22 ноября 2001 г. № 410-П-П) // Личный архив А.В. Кушхабиева.
- Постановление... 2006 – *Постановление* Правительства Кабардино-Балкарской Республики «О Республиканской комиссии по вопросам миграции» (от 22 мая 2006 г. № 153-ПП) // Кабардино-Балкарская правда. – № 127(21650). – 31 мая 2006 г. – С. 2.
- Председателю... 1999 – *Председателю* Совета Республики Парламента КБР З. Нахушеву, Председателю Совета Представителей Парламента КБР И. Бечелову. 22.11.1999. Рукопись // Личный архив А.В. Кушхабиева.
- Программа... 1992 – *Программа* деятельности Конгресса кабардинского народа на перспективу // Хасэ. – № 20 (24). – 12 декабря 1992 г. – С. 1.
- Распоряжение... 1994 – *Распоряжение* № 163-р (от 29 марта 1994 г.) // Кабардино-Балкарская правда. – № 65 (18337). – 8 апреля 1994 г. – С. 2.
- Табаксоев 2016 – *Табаксоев И.А.* Миграционные процессы в современной Кабардино-Балкарии: основные факторы и тенденции // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2016. – № 2 (70). – С. 171-177.
- Табаксоев 2017 – *Табаксоев И.А.* Демографические и миграционные процессы в Кабардино-Балкарской Республике в начале XXI в. // Актуальные проблемы социально-политического и этнокультурного развития современной Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2017. – С. 70-95.
- Указ... 1995 – *Указ* Президента Кабардино-Балкарской Республики «О дополнительных мерах по укреплению правопорядка в Кабардино-Балкарской Республике» (от 19 июля 1995 г. № 37) // Кабардино-Балкарская правда. – № 112 (18634). – 22 июля 1995 г. – С. 1

Устав... 1994 – *Устав* женской общественной организации «Сатаней» // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. и ответственный ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 2. – С. 172-174.

Устав-Программа... 1992 – *Устав-Программа* общественной организации «Адыгэ Хасэ» // Хасэ. – № 4 (9). – 15 февраля 1992 г. – С. 4, 5.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

AGUZAROV R., BIZHOEV B., TAZIEV R. *Situatsiya segodnya pod kontrolem. A zavtra?* [The situation today is under control. But tomorrow?]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – No 110 (18632). – June 20. – 1995. – P. 3. (In Russian)

BEROVA F.Zh., BAKAEVA Z.R., DUMANOVA A.Kh., YAKHUTLOVA M.L. *Regional'nye osobennosti migratsionnykh protsessov i natsional'naya bezopasnost' (na materialakh Kabardino-Balkarskoi Respubliki)* [Regional features of migration processes and national security (on materials of the Kabardino-Balkarian Republic)]. [Online resource]. IN: Nauchno-informatsionnyi zhurnal «Voprosy ekonomiki i prava». URL: http://law-journal.ru/files/pdf/201408/201408_98.pdf (date of access: 15.05.2016). (In Russian)

BOROV A.Kh. *Kabardino-Balkarskaya Respublika: Strukturnye faktory etnopoliticheskoi dinamiki* [Kabardino-Balkarian Republic: Structural factors of ethno-political dynamics]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2014. – No 6 (62). – P. 205-212. (In Russian)

Deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete Kabardino-Balkarskoi Sovetskoj Sotsialisticheskoi Respubliki. 30 yanvarya 1991 g. [Declaration of State Sovereignty of the Kabardino-Balkarian Soviet Socialist Republic. January 30th, 1991]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – No 24(17548). – February 3. – 1991. – P. 1. (In Russian)

Dogovor Rossijskoi Federatsii i Kabardino-Balkarskoi Respubliki «O razgranichenii predmetov vedeniya i vzaimnom delegirovanii polnomochii mezhdu organami gosudarstvennoi vlasti Rossijskoi Federatsii i organami gosudarstvennoi vlasti Kabardino-Balkarskoi Respubliki». 1 iyulya 1994 g. [The Treaty of the Russian Federation and the Kabardino-Balkarian Republic «On the delimitation of competencies and mutual delegation of authority between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the Kabardino-Balkarian Republic». July 1, 1994]. IN: *Politika i pravo v sfere etnogosudarstvennykh otnoshenii Kabardino-Balkarii. Otv. red. M.N. Guboglo* [Politics and law in the sphere of ethnic relations of Kabardino-Balkaria. Ed. ed. M.N. Guboglo]. – M.; Nalchik: FGBUN IGI KBNTs RAN, 2001. – Vol. 1. – P. 177-182. (In Russian)

GRIGOR'EVA M. *Bezhtensy eto problema ne tol'ko s zhil'em* [Refugees this is a problem not only with housing]. IN: Gazeta Yuga. – No 38. – September 20. – 1996. – P. 2-4. (In Russian)

KAGAZEZHEV Zh.V. *Problemy migratsii russkoyazychnogo naseleniya Kabardino-Balkarii* [Problems of migration of the Russian-speaking population of Kabardino-Balkaria]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2015. – No 6 (68). – Vol. 1. – P. 122-126. (In Russian)

KALMYKOV Zh.A. *V Kabardino-Balkarii menyaetsya etnicheskii sostav* [In Kabardino-Balkaria, the ethnic composition is changing]. [Online resource]. IN: *Caucasus Times – regional'noe informatsionnoe agentstvo, spetsializiruyushcheesya na novostyakh Yuga Rossii i Zakavkaz'ya.* 30.04.2018. [Caucasus Times – regional news agency specializing in news from the South of Russia and Transcaucasia. – 2018. – April 30]. URL: <http://caucasustimes.com/ru/v-kabardino-balkarii-menjaetsja-jetnicheskij-sostav/> (date of access: 18.05.2019). (In Russian)

KARDANOVA K.A. *Deyatel'nost' rukovodstva i obshchestvennykh organizatsii Kabardino-Balkarskoi Respubliki po uregulirovaniyu voennykh konfliktov v Chechenskoj Respublike v kontse XX – nachale XXI v.* [The activities of the leadership and public organizations of the Kabardino-Balkarian Republic to resolve military conflicts in the Chechen Republic at the end of the 20th and

the beginning of the 21st centuries]. IN: Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya. – 2017. – Vol. 7. – No 2. – P. 85-89. (In Russian)

Konstitutsiya Kabardino-Balkarskoi Respubliki. 1 sentyabrya 1997 g. [The Constitution of the Kabardino-Balkarian Republic. September 1, 1997]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – No 177(19265). – September 9. – 1997. – P. 3. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Predvoskhishchaya trevogu* [Anticipating anxiety]. IN: Sovetskaya molodezh'. – No 67-69(6196-6198). – June 8. – 1990. – P. 5. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Rozhdaemost' padaet, a naselenie rastet* [The birthrate is falling, and the population is growing]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – No 98(18620). – June 4. – 1995. – P. 2. (In Russian)

Postanovlenie Parlamenta Kabardino-Balkarskoi Respubliki «O khode vpolneniya postanovleniya Parlamenta Kabardino-Balkarskoi Respubliki ot 5 maya 1994 goda № 17 «O nekotorykh merakh regulirovaniya migratsii v Kabardino-Balkarskoi Respublike» (ot 24 dekabrya 1998 g. № 61-P-P) [Resolution of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic «On the implementation of the resolution of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic of May 5, 1994 No. 17» On Some Measures to Regulate Migration in the Kabardino-Balkarian Republic» (of December 24, 1998. No. 61-P-P)]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – No 4 (19589). – January 7. – 1999. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Parlamenta Kabardino-Balkarskoi Respubliki «O nekotorykh merakh regulirovaniya migratsii v Kabardino-Balkarskoi Respublike» (ot 5 maya 1994 g. №17-P-P) [Resolution of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic «On some measures to regulate migration in the Kabardino-Balkarian Republic» (of May 5, 1994. No. 17-P-P)]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – No 88(18360). – May 14. – 1994. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Parlamenta Kabardino-Balkarskoi Respubliki «O parlamentskom zaprose k Predsedatelyu Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoi Respubliki ob obostrenii migratsionnykh protsessov v Kabardino-Balkarskoi Respublike» (ot 24 maya 2001 g. №347-P-P) [Resolution of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic «On the parliamentary request to the Chairman of the Government of the Kabardino-Balkarian Republic on the aggravation of migration processes in the Kabardino-Balkarian Republic» (of May 24, 2001. No. 347-P-P)]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – No 109(20198-20199). – June 05. – 2001. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Parlamenta Kabardino-Balkarskoi Respubliki «O prodlenii sroka deistviya postanovleniya Parlamenta Kabardino-Balkarskoi Respubliki ot 5 maya 1994 goda №17 «O nekotorykh merakh regulirovaniya migratsii v Kabardino-Balkarskoi Respublike» (ot 29 dekabrya 1999 g. № 163-P-P) [Resolution of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic «On the extension of the term of the decision of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic of May 5, 1994. No. 17 «On some measures to regulate migration in the Kabardino-Balkarian Republic» (of December 29, 1999. No. 163-P-P)]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 2000. – No 4(19842). – January 11th. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Parlamenta Kabardino-Balkarskoi Respubliki «O vremennykh merakh po ogranicheniyu registratsii grazhdan, pribyvayushchikh v Kabardino-Balkarskuyu Respubliku na postoyannoe zhitel'stvo» (ot 22 noyabrya 2001 g. № 410-P-P) [Resolution of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic «On Temporary Measures to Restrict the Registration of Citizens Arriving in the Kabardino-Balkarian Republic for Permanent Residence (of November 22, 2001 No. 410-P-P)»]. IN: Lichnyi arkhiv A.V. Kushkhabieva. (Personal Archive of A.V. Kushkhabiev). (In Russian)

Postanovlenie Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoi Respubliki «O Respublikanskoj komissii po voprosam migratsii» (ot 22 maya 2006 g. № 153-PP) [Decree of the Government of the Kabardino-Balkarian Republic «On the Republican Commission on Migration Issues» (of May 22, 2006. No. 153- PP)]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – No 127(21650). – May 31. – 2006. – P. 2. (In Russian)

Postanovlenie Verkhovnogo Soveta Kabardino-Balkarskoi ASSR «O vremennoi priostanovke propiski grazhdan, pribyvayushchikh v Kabardino-Balkarskuyu ASSR» (ot 30 avgusta

1990 г. № 237-XII) [Resolution of the Supreme Council of the Kabardino-Balkarian ASSR «On the temporary suspension of registration of citizens arriving in the Kabardino-Balkarian ASSR» (dated August 30, 1990. No. 237-XII)]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – No 170 (17444). – September 5. – 1990. – P. 1. (In Russian)

Predsedatelyu Soveta Respubliki Parlamenta KBR Z. Nakhushev, Predsedatelyu Soveta Predstavitelei Parlamenta KBR I. Bechelovu. 22.11.1999. Rukopis' [To Chairman of the Council of the Republic of the CBD Parliament Z. Nakhushev, Chairman of the Council of Representatives of the KBR Parliament I. Bechelov. 11.22.1999. Manuscript]. IN: Lichnyy arkhiv A.V. Kushkhabiyeva (Personal archive of A.V. Kushkhabiev). (In Russian).

Programma deyatelnosti Kongressa kabardinskogo naroda na perspektivu [The program of activities of the Congress of the Kabardian people for the future]. IN: Khase. – No 20(24). – December 12. – 1992. – P. 1. (In Russian)

Rasporyazhenie №163-r (ot 29 marta 1994 g.) [Regulation No. 163-r (dated March 29, 1994)]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – No 65 (18337). – April 8. – 1994. – P. 2. (In Russian)

TABAKSOEV I.A. *Demograficheskie i migratsionnye protsessy v Kabardino-Balkarskoi Respublike v nachale XXI v.* [Demographic and migration processes in the Kabardino-Balkarian Republic at the beginning of the XXI century]. IN: *Aktual'nye problemy sotsial'no-politicheskogo i etnokul'turnogo razvitiya sovremennoi Kabardino-Balkarii* [Actual problems of sociopolitical and ethnocultural development of modern Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: Izd-vo KBNTs RAN, 2017. – P. 70-95. (In Russian)

TABAKSOEV I.A. *Migratsionnye protsessy v sovremennoi Kabardino-Balkarii: osnovnye faktory i tendentsii* [Migration processes in modern Kabardino-Balkaria: the main factors and trends]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2016. – No 2(70). – P. 171-177. (In Russian)

Ukaz Prezidenta Kabardino-Balkarskoi Respubliki «O dopolnitel'nykh merakh po ukrepleniyu pravoporyadka v Kabardino-Balkarskoi Respublike» (ot 19 iyulya 1995 g. № 37) [Decree of the President of the Kabardino-Balkarian Republic «On additional measures to strengthen the rule of law in the Kabardino-Balkarian Republic» (dated July 19, 1995 No 37)]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – No 112(18634). – July 22. – 1995. – P. 1. (In Russian).

Ustav zhenskoi obshchestvennoi organizatsii «Satanei» [Charter of the women's public organization «Sataney»]. IN: *Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii / Sost. i otvetstvennyi red. I.L. Babich* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria. Comp. and responsible ed. I.L. Babich]. – M.: UOP IEIA RAN, 1994. – Vol. 2. – P. 172-174. (In Russian)

Ustav-Programma obshchestvennoi organizatsii «Adyge Khase» [The Charter-Program of the public organization «Adyge Khase»]. IN: Khase. – 1992. – No 4 (9). – February 15. – 1992. – P. 4, 5. (In Russian)

UTsDNI AS KBR – Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Office of the Center for Documentation of the Newest History of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

V Prezidium Verkhovnogo Soveta KBASSR. 01.09.1989. Rukopis' [To the Presidium of the Supreme Council of the KBASSR. 1989. September 01. Manuscript]. IN: *Lichnyi arkhiv A.V. Kushkhabieva* [Personal archive of A.V. Kushkhabiev]. (In Russian)

VOLKOV G. *Turki-meskhenttsy vytesnyayut russkikh iz KBR* [Meskhetian Turks ousting Russians from the KBR]. [Electronic resource]. IN: *Russkii obozrevatel'* (13.05.2010). URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/6569> (date of access: 26.05.2019). (In Russian)

Zakon Kabardino-Balkarskoi Respubliki «Ob administrativnoi otvetstvennosti za narushenie poryadka opredeleniya na postoyannoe mesto zhitel'stva v Kabardino-Balkarskoi Respublike» (ot 5 iyunya 1995 g. № 9-R3) [The Law of the Kabardino-Balkarian Republic «On Administrative Responsibility for Violating the Procedure for Determining a Permanent Residence in the Kabardino-Balkarian Republic» (dated June 5, 1995. № 9-R3)]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 1995. – No 85 (18607). – June 08th. – P. 1. (In Russian)

УДК 39 (479)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-127-151

ЭТНОГРАФИЯ КЛАДБИЩ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА¹**М.А. ТЕКУЕВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com*

Е.А. НАЛЬЧИКОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru*

М.Х. ГУГОВА

*Институт гуманитарных исследований
Филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: gugowa@mail.ru*

Аннотация. В статье осуществлена систематизация надгробных памятников XX века у осетин, балкарцев и кабардинцев. Исследование мест памяти и памятных знаков произведено на основе полевых этнографических материалов авторов. Основная цель статьи состоит в выявлении общего и особенного в оформлении могил у некоторых народов Центрального Кавказа. Выборка памятников производится в пограничных или ближних к ним населенных пунктах: балкарских селениях Чегемского и Черекского ущелий, Лескенского района КБР, Ирафского, Дигорского и Алагирского районов РСО-Алания. Для изучения выбираются надгробные сооружения, возведенные в советский период (1917-1991). Консервативный характер погребальной обрядности и оформления захоронений подтвердили несомненное этнокультурное родство народов региона.

Ключевые слова: оформление места погребения; арочная стела; гендерная атрибутика; кенотаф; могильное ограждение; этнические взаимовлияния.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 17-01-00147-ОГН «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа».

ETHNOGRAPHY OF THE CEMETERIES OF THE CENTRAL CAUCAUS**M.A. TEKUEVA**

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com

E.A. NALCHIKOVA

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru

M.Kh. GUGOVA

Institute of Humanitarian Researches
filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: gugowa@mail.ru

Abstract. The research is intended to systematize Ossetian, Balkarian, and Kabardian tombstones of the XX century. Exploration of the places of commemoration and commemorative marks was held through the prism of ethnographic field data. The research's objective is to uncover the similarities and differences in grave styling the Central Caucasus. The selection of monuments was made in the frontier settlements of Chegem and Cherek Gorges and Lesken area of Kabardin-Balkarskaja Republic, Irafsky, Digorsky, and Alagirsky areas of North-Ossetia-Alania. The paper is focused on Soviet period monuments (1917-1991). The conservatism in the funeral rites and tomb shaping has affirmed the undoubted ethnocultural kinship of peoples in the region.

Keywords: tomb-shaping execution; arc stele; gender attributes; cenotaph; grave fencing; ethnic interinfluences.

Смерть как предмет культурно-антропологического исследования остается на периферии научного интереса в нашей стране. Это не означает полного отсутствия работ в этой области, но они носят, в основном, философский или социологический характер. Так Л. Иониным введен термин для обозначения танатологического направления в социологии – «некросоциология» [Ионин 1997]. При этом в зарубежной науке существует мультидисциплинарный формат исследований смерти и околосмертного пространства – «deathstudies». В недавно изданной книге С. Мохова, посвященной истории похоронной индустрии [Мохов 2018] автор отмечает принципиальную разницу подходов к проблеме смерти в западной и российской науке. Если западные ученые больше концентрируются на процессе смерти и умирания, то российские исследователи ассоциируют смерть в первую очередь с ее материальным оформлением – кладбищем.

В советской историографии те или иные аспекты материальных знаков в похоронных ритуалах северокавказских народов изучались в разные годы. Так, Л.И. Лавровым основательно исследованы северокавказские эпитафические надписи [Эпитафические памятники... 1966,1968], Б.Х. Мальбаховыми А.Я. Кузнецовой – орнаментальное оформление и архитектура надмогильных памятников кабардинцев и балкаро-карачаевцев [Мальбахов 1984; Кузнецова 1982], Б.А. Калоевым и А.Х. Магометовым – отражение религиозных представлений в погребальном обряде осетин [Калоев 1967; Магометов 1968], а С.Ш. Гаджиевой – у кумыков [Гаджиева, Аджиева 1980], в целом по горному Дагестану – Г.А. Гаджиевым [Гаджиев 1991].

Похороны, кладбище, памятники и ритуалы традиционно выступали в качестве объекта этнографического изучения элементов духовной культуры Кавказа, но источником для этнографов становились результаты археологических изысканий. Обследование мест захоронений, надгробных сооружений, погребального инвентаря и др. подробно описаны известными советскими археологами.

Общие вопросы ритуальных практик у народов Северного Кавказа, отражения в них культурных взаимовлияний содержатся в коллективных монографиях по этнической культуре тюркских народов региона, по проблемам исторической антропологии Северного Кавказа [Этнокультурный мир... 2017; Историческая антропология... 2017] и новейшем учебнике по истории и культуре юга России [История... 2019]. Среди современных работ по изучению материального воплощения культовых практик, этнических обычаев и механизмов сохранения памяти о предках можно указать на книги А.Б. Кокоевой и Г.С. Сосунова [Кокоева 2017; Сосунов 2007], публикации М.К. Мусаевой, В.А. Фоменко и авторов настоящей статьи [Мусаева 2017; Фоменко 2018a, Фоменко 2018b; Текуева и др. 2017; Текуева, Нальчикова 2018].

В 2018-2019 годах научный коллектив из преподавателей и студентов Кабардино-Балкарского университета совершил полевые выезды в несколько ущелий Центрального Кавказа. Экспедицией ставилась задача выявления и сбора полевого материала по традиционной погребальной культуре. Выборка памятников производилась в относительно близких друг к другу населенных пунктах: осетинских селах Лескен, Средний Урух, Толдзгун, Чикола Ирафского района, Дзивгис Алагирского района (Куртатинское ущелье) и Карман-Синдзикау Дигорского района РСО-Алания, кабардинских селах Старый Лескен (Анзорей), Урух (Коголкино) и Старый Урух (Хатуей) Лескенского района и балкарских селениях Эльтюбю, Нижний Чегем КБР. В состав исследовательской группы входили руководитель М.А. Текуева (зав. кафедрой этнологии и истории народов КБР КБГУ), Е.А. Нальчикова (доцент, КБГУ), М.Х. Гугова (старший научный сотрудник КБИГИ), З.Х. Кумахова (аспирант КБГУ), Т.В. Битокова (магистрант КБГУ) и студенты 3 курса направления «Антропология и этнология» (КБГУ). К исследованию привлечены также фотоматериалы 2007-2010 гг., содержащие информацию о памятниках из Баксанского ущелья (Гестенды, Актопрак), Черекского ущелья (Коспарты),

Карачая (Кара-Джурт), предоставленные кандидатом исторических наук М.И. Баразбиевым.

Географические рамки исследования обусловлены тем, что все населенные пункты территориально соседствуют, но отличаются по языковым, религиозным и этническим признакам. Так, балкарцы говорят на языке половецко-кыпчакской группы тюркских языков. Кабардинцы – носители одного из адыго-абхазских языков кавказской языковой семьи. Осетины говорят на языке, относящемся к северо-восточной подгруппе иранской группы индоиранской ветви индоевропейских языков. Со стороны эти языковые отличия воспринимаются как главный маркер этнокультурной принадлежности. Это впечатление усиливается конфессиональными различиями. Так, балкарцы и кабардинцы считают себя мусульманами, а осетины – христианами. Однако, есть моздокские кабардинцы (христиане) и осетины-дигорцы (мусульмане). Несмотря на этническое, конфессиональное и лингвистическое разнообразие, материальные элементы погребального обряда с первого взгляда демонстрируют их культурную общность.

Исследование топоса смерти у адыгов [Текуева, Нальчикова 2018] привело нас к постановке вопроса об общих корнях и этногенетических связях с ближайшими соседями. Предметом изучения в настоящей статье стало исключительно внешнее оформление могил у кабардинцев, балкарцев и осетин, без описания остальных обрядов захоронения. Хронологическая выборка обусловлена доступным этнографическим материалом. Из-за естественного разрушения большинство материальных надгробных памятников старше 100-150 лет не пригодны для анализа. В настоящей статье предпринята попытка этнографического обобщения части памятников народов Центрального Кавказа, которое позволяет ставить вопросы об общих культурных основаниях кавказских автохтонов. При этом мы анализируем преимущественно надгробия, относящиеся к советскому периоду, когда предпринимались активные попытки секуляризации похоронной обрядности и стирания этнического своеобразия под лозунгом «борьбы с пережитками прошлого». Однако их анализ предполагает обращение и к более ранним (позднесредневековым и относящимся к XIX веку) монументальным сооружениям.

В исследовании о кладбищах и надмогильных памятниках адыгов мы обратили внимание на особенность урухского и лескенского кладбищ, которые отличались по оформлению некоторых могил. На этих кладбищах выделялись сооружения без крыши, имитировавшие стены склепа или мавзолея. Внутри находилось несколько родственных погребений. Стены выложены из крупного речного булыжника, углы и декоративные детали – из красного кирпича. На фронте иногда указывается дата строительства. Все они датированы началом XX века. Вход в «пантеон» находится в боковой или тыльной стене. Углы выделены архитектурными украшениями, похожими на башенки, которые могут повторяться в навершиях фронтонов. Последние содержат также арочные проемы. Внутри ограды находятся могилы, по всей видимости, членов одной семьи, обозначенные стелами традиционной формы.

Фото № 1¹. Вид ограждения изнутри на кладбище с. Урух КБР. Апрель, 2018 г.

Фото № 2. Фрагмент фронтона ограждения с указанием даты сооружения в с. Урух. Апрель, 2018 г.

¹ Здесь и далее фото авторов.

На фото №№1-2 представлены могильные ограждения, относящиеся к 1910-1920-м годам. Развалины более ранних конструкций обнаружены на кладбище с. Старый Урух (Хатуей).

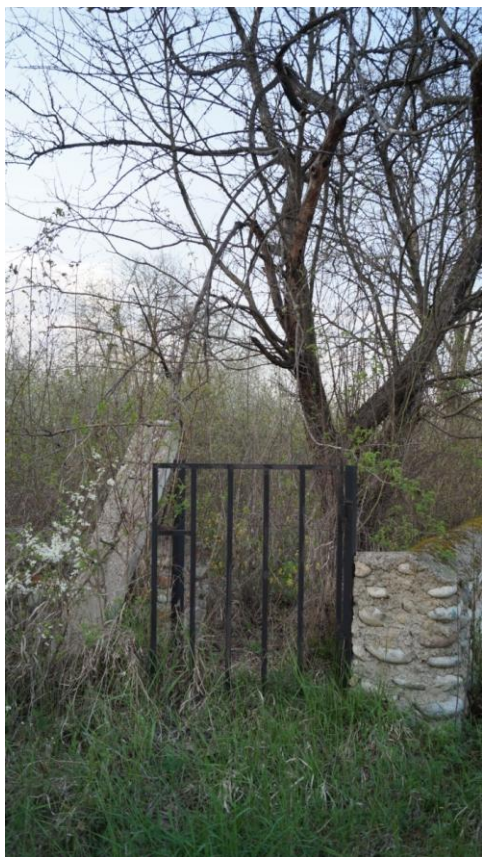

Фото № 3-4. «Пантеон» Анзоровых на кладбище с. Анзорей КБР. Апрель, 2018 г.

Это «пантеон» владельцев поселения – Анзоровых. После революции 1917 г. и Гражданской войны Анзоровы, как дворянский род, прекратил свое существование, поэтому можно с определенностью утверждать, что последние могилы здесь появились не позже 1918-1919 гг. Участок под «пантеон» возвышается над остальным кладбищем и занимает площадь примерно 270 кв.м. Внутри большой ограды находится еще одна ограда размером 5х7 метров. Стены выполнены из речного булыжника, срединная часть стены выложена «елочкой». Количество могил определить не представляется возможным, сохранилось всего несколько покосившихся надгробий. Семейное захоронение Анзоровых обозначено современной памятной доской.

Подобные сооружения обнаружены только в селах, пограничных с Осетией: Старый Лескен (Анзорей), Старый Урух (Хатуей), Урух (Коголкино). На каждом из сельских кладбищ насчитывается от двух до пяти таких «мавзолеев».

Подобные погребальные традиции не характерны для кладбищ центральной и западной частей Кабарды. Усатривая в этом этногенетические взаимовлияния, мы поднялись вверх по реке Урух до осетинского с. Средний

Урух. На окраине села находится кладбище, последние захоронения на нем датированы 2008 годом. Старая его часть, судя по словам жителей, относится к середине XIX в. Она сильно заросла деревьями, надгробные стелы глубоко вросли в землю или повалены. На многих старых могилах угадывается овальная каменная выкладка.

Фото № 5. Овальная выкладка могилы булыжником на старой части кладбища с. Средний Урух Ирафского района РСО-Алания. Март, 2019 г.

Именно в старой части кладбища мы нашли сооружения, аналогичные тем, что описаны выше. Однако здесь их значительно больше, и они разнообразнее по архитектуре. При этом сохранены их главные характеристики: функционально – это ограда (без крыши), но визуально напоминает склеп; основной строительный материал – крупный речной камень – плоской формы, с использованием кирпича для отделки декоративных деталей; некоторые украшены арочными конструкциями; углы оформлены навершиями.

Фото № 6.

Фото № 7.

Фото №8.

Фото № 6, 7, 8. Фрагменты ограждений фамильных захоронений в старой части кладбища с. Средний Урух. Март, 2019 г.

Точное количество подобных погребальных сооружений мы не установили, но то, что большинство захоронений в Среднем Урухе в XIX – начале XX в. оформлялось аналогичным образом, не вызывает сомнений. В

относительно сохранном виде их насчитывается семь, помимо них найдено множество полуразрушенных «склеповых» оград, от некоторых остался только нижний ряд каменной выкладки. Могильное ограждение могло включать от одного до нескольких родственных захоронений. Иногда внутри ставились стелы, но часто стелы нет, а надписи читаются на фронтоне ограды.

В селении Толдзгун хорошо сохранилась «склеповая» ограда семейного захоронения, датируемого 1919-1930 годами. Все могилы отмечены возвышающимися памятными стелами, встроенными в замкнутый архитектурный ансамбль ограждения. Они выступают над стеной и содержат эпитафическую надпись, обращенную не к могиле, а вовне. Такая ориентация объясняется тем, что «мавзолей» не имеет входа.

Фото № 9. Ограждение семейного захоронения на кладбище с. Толдзгун Ирафского района РСО-Алания. Март, 2019 г.

Видимо, этим объясняется современная традиция в селениях Средний Урух и Толдзгун ориентировать эпитафические надписи от изголовья могилы, помещая их на тыльной поверхности памятника.

Средний Урух и Толдзгун – села с христианским населением. Для получения сравнительного этнографического материала мы продолжили осмотр осетинских мусульманских кладбищ выше по течению реки Урух в с.

Чикола (бывшее с. Магометановское). Углубление в старую часть кладбища дает тот же этнографический материал – «склеповые» ограждения из булыжника и красного кирпича. Приблизительно к середине XX века ограды становятся ниже, принимают более легкую, решетчатую форму и освобождаются от избыточных декоративных деталей, отказываются от камня в пользу кирпича, стены становятся ниже. Постепенно они заменяются кованными легкими ограждениями.

Фото №10. Ограда захоронения. С. Чикола Ирафского района РСО-Алания. Март, 2019 г.

Современные мусульманские могилы ограды не имеют.

Наиболее распространенная на этом кладбище форма надгробных памятников – *цырт* – арочная стела, характерная для всех народов Центрального Кавказа.

Фото № 11. Надгробия традиционной формы середины XX века. С. Чикола. Март, 2019 г.

Она ставится в изголовье могилы, ребром к ней. Надпись (как и лицо покойника) ориентирована на юг, в сторону Каабы. Этнический орнамент дополняется исламской символикой: в верхней части – в виде полумесяца, у основания – изображения четок, сосуда для ритуального омовения и коврика для молитвы. В отличие от довоенных кабардинских надгробий, многие из

которых изготовлены из дерева, в Осетии предпочтение отдавалось более прочным материалам (камень, цемент).

Бросающаяся в глаза деталь в оформлении некоторых могил – овальная выкладка низкого могильного холмика речным камнем. Подобные сюжеты встречались на более ранних среднеурухских захоронениях. Напрашиваются аналогии и с западнокавказскими надгробными конструкциями в Шапсугии и у адыгов Израиля [Текуева, Нальчикова 2018: 86].

В оформлении некоторых осетинских памятников *цырт* можно отметить еще одну особенность – кирпичное обрамление стелы. Оно почти вдвое шире бокового ребра самого надгробия. Навершие такой «защиты» может быть по форме зубчатым или заостренным в виде крыши.

Фото № 12. Стела в кирпичном обрамлении. С. Чикола. Март, 2019 г.

На кладбищах, которые мы видели ранее, подобные памятники единичны, но традиция в их оформлении легко ассоциируется с описанными выше стелами, встроенными в «склеповую» ограду. Они выглядят цитатой из более древнего погребального ансамбля, минимизированного до одиночного надгробия, с фрагментом ограды.

Значительно чаще таким дополнительным обрамлением оформлялись монументы в селении Карман-Синдзикау. Однако внутреннее наполнение многих памятников в этом и соседних селениях модернизировано. Новый вектор развития осетинской надгробной архитектуры связан с именем скульптора-примитивиста Сосланбека Едзиева (1865 – 1953). Его работы – это рельефные изображения покойных, обычно в полный рост и в национальной одежде. Памятники эти кажутся однотипными, но отличаются индивидуальной атрибутикой, характеризующей личность или область деятельности своего персонажа: кинжал, коса, лошадь и т.д.

Фото № 13. Памятник работы С. Едзиева. 1-ая половина XX в. С. Карман-Синдзикау РСО-Алания. Март, 2019 г.

Мода на скульптурные памятники распространилась в середине прошлого века и на другие осетинские села, где имелись свои народные мастера. Так, на кладбищах селений Средний Урух, Толдзгун, Лескен I стоят бюсты, часть из которых выполнена Карашаем (Карасеем) Фидаровым.

Очень популярен архитектурный мотив кирпичной окантовки в оформлении кенотафов – памятных знаков без захоронения. О них следует сказать отдельно. Как было отмечено в предыдущей статье [Текуева, Нальчикова 2018], ставить кенотафы на кладбище – общая традиция народов Центрального Кавказа. Обычно они располагаются большой группой справа от входа на кладбище и посвящаются памяти односельчан, погибших в годы репрессий и Великой Отечественной войны. Но встречаются более ранние одиночные кенотафы, стоящие на возвышенности около села, на перекрестках или вдоль дорог.

В отличие от них осетинские кенотафы часто расположены на семейных участках, прислонены к надгробиям близких (братьев, сестер, родителей, супругов), поэтому над могилой получается парное надгробие – реальное захоронение рядом с памятником трагически погибшему члену семьи. С середины прошлого века кенотаф может замещаться фотографией, дополняющей памятник умершего родственника. Вариант с придорожными кенотафами хорошо иллюстрируется памятным некрополем на перекрестке за селением Лескен I (осетинский).

Фото № 14. Группа кенотафов у с. Лескен I РСО-Алания. Март, 2019 г.

Менее крупные композиции вынесены также за пределы того же Лескена и Хазнидона.

Фото № 15. Группа кенотафов у с. Хазнидон. Март, 2019 г.

Обычно кенотафы стоят «родственными» группами, объединенными кирпичной выкладкой. Все они посвящаются памяти безвременно погибших

родственников. Орнаментальным знаком на них могут быть: на памятниках воинам – винтовка, зенитное орудие, лошадь; погибшим в аварии – автомобиль, грузовик и т.п.

В оформлении всех осетинских памятников первой половины – середины XX века присутствует растительный орнамент, часто – солярные знаки: равносторонний крест, пяти или шестиконечная звезда, круг. Чем старше памятник – тем чаще встречается гендерная символика: женский нагрудник, мужские газыри, оружие и т.п. Отдельного замечания заслуживает осетинская эпиграфика, отличная от традиций соседних кабардинцев и балкарцев. Надпись может занимать почти все поле фронтальной поверхности памятника, не ограничиваясь лаконичными данными – именем и годами жизни покойного. Это распространенное предложение с указанием обстоятельств смерти и «подписью» того, кем поставлен памятник. Вот, например, серия эпитафий на лескенских кенотафах. «Караеву Махамат-Ефанди Бадаевич. Род. 1836 г. Ум. 1920г. Память дорогому отцу – от малачиго сына Увжико»¹. «Караев Саламан Магометович. Род. 1884 г. погиб трогически в Америке в 1920 г. Память дорогому брату от Увжико». «Караеву Элбиздуко Магометовичу. 1895-1930 гг. Погиб за власть советов. Память дорогому брату...». «Караеву Батарбеку Магометовичу. Род. 1897 г. Ум. 1920 г. память дорогому и любимому брату...». В результате читается биография целой семьи, наполненная событиями, чувствами и переживаниями двух поколений ее мужчин, дающая представление о внутрисемейных отношениях, традиционной риторике скорби и семейной репрезентации в сельском социуме. Таким образом создается своеобразный эмоциональный посыл потомкам, отражающий повседневный фон своего времени.

«Избыточная» информативность осетинских эпитафий созвучна с более выраженной, чем у соседей, тенденцией к индивидуализации памятника: оформлению его скульптурным или фотографическим изображением.

Поиски истоков капитальных могильных ограждений «склеповой» формы привели нас в балкарские горные аулы. Мы начали с верховьев Чегема, где находятся широко известные средневековые склепы шатровидной формы и в форме домиков с двускатной крышей. В отличие от осетинских аналогов, вокруг балкарских кешене обнаруживаются следы каменных ограждений. Причем в пределах оград находятся могилы, выложенные крупным камнем и напоминающие овальное обрамление осетинских могил. Внутри кешене можно разглядеть остатки таких же овальных «рамок» вокруг грунтовых захоронений. Но те, что находятся в склепе, выглядят выбеленными и тщательно отштукатуренными, как и сами сооружения. То есть кешене объединяет несколько разновременных могил внутри его и снаружи, отгороженных от остального кладбища широкой стеной.

¹ Орфография всех эпитафий сохранена.

Фото № 16. Кешене с оградой. С. Верхний Чегем, КБР. Апрель, 2019 г.

Важно отметить, что кроме надмогильных склепов на Верхнечегемском некрополе обнаружены множественные развалины капитальных оградений без крыши с декоративными элементами шарообразной формы по углам.

Фото № 17. Ограждение с угловыми украшениями. С. Коспарты КБР. 2008 г.

Подобные стены встречаются на всех довоенных кладбищах Чегемского ущелья. Они строятся вокруг фамильных отводов, как например у Геграевых.

Фото № 18. Фрагмент ограды фамильного кладбища Геграевых. С. Верхний Чегем. Апрель, 2019 г.

В этих архитектурных сюжетах мы видим прямые аналогии с осетинскими и кабардинскими «мавзолеями» рубежа XIX–XX вв. Могилы выложены по овальному периметру крупным булыжником. В изголовье стоит необработанный менгир или традиционная стела. Более поздние балкарские надгробия содержат хорошо сохранившиеся архитектурные и орнаментальные формы. Аналогичные сооружения М.И. Баразбиев наблюдал в Черекском ущелье. Примечательно, что один из описанных им памятников имеет характерную деталь, отмеченную нами в Осетии: надгробная стела находится не внутри, а вписывается в стену ограждения как яркий декоративный акцент.

Фото № 19. Стела, встроенная в ограду фамильного захоронения. С. Коспарты КБР. 2008 г.

Другую аналогию с осетинскими памятниками (см. Фото № 12) мы обнаружили в фотоматериалах из Карачая, где надмогильная стела заключена в каменное обрамление.

Фото № 20. Надгробие в каменном обрамлении. С. Кара-Джурт КЧР. 2008 г.

Итак, сравнительно-этнографическое исследование надмогильных памятников балкарцев, осетин и кабардинцев, начатое в предыдущей статье [Текуева, Нальчикова 2018], подвело нас к необходимости определения истоков необычных для Кабарды архитектурных сооружений и поискам этногенетических связей народов Кавказа. Это задало и географический вектор исследования в сторону верховьев рек Урух и Чегем – от кабардинцев к осетинам и балкарцам.

Наглядным отличием огороженных балкарских кладбищенских участков от осетинских (и кабардинских) «склеповых» оград являются (1) их большие размеры. Это объясняется тем, что участок используется под захоронения всей родовой общиной, и временная амплитуда между более ранними и самыми поздними захоронениями может исчисляться десятками лет. Осетины же обычно хоронили в одном «мавзолее» супружескую пару, или родных братьев, или иногда подхоранивали к родителям детей. (2) Строительный материал для балкарских оград нигде не включает кирпича. Стены значительно шире осетинских и не содержат украшений или декорированы более сдержанно. Часто встречаются отштукатуренные участки стен. Но и те, и другие отсылают к распространенным в средние века склепам, описанным в этнографических источниках об Осетии, Ингушетии, Кабарде и Балкарии.

Надгробные знаки на христианских могилах могут быть отмечены крестом, однако обследование осетинских кладбищ показывает, что главные элементы оформления монумента диктуются все-таки не религиозными, а этническими традициями. Отличительной особенностью подавляющего большинства памятников центрально-кавказского региона является общая форма надгробий: это стела с закругленным (арочным) верхом или антропоморфного вида. Она может быть орнаментирована этническим узором, арабской вязью, эпитафией на русском языке, гендерными знаками и изображением набора предметов, обсуживающих молитвенный ритуал. Рисунок на камне может выделяться цветом, в раскраске одного памятника возможно использование до трех цветов краски. Такие стелы встречаются до конца 1970-ых годов с тенденцией к сокращению их количества. Очень часто, особенно в Осетии и Балкарии, могила выделяется каменной овальной обкладкой по периметру. Эта традиция явно перекликается с западно-адыгской манерой оформления могилы, которая встречается на Черноморском побережье Кавказа и местах компактного проживания адыгской диаспоры в Израиле.

Первые заметные новации относятся к военному и послевоенному времени (1940-1950 гг.): материальные знаки на могилах трансформируются в сторону уменьшения «орнаментальных излишеств» и формализации исламской символики. Традиционная архитектура надгробий советских и партийных работников сменяется на форму обелиска с пятиконечной звездой. Памятники советского времени теряют этническую орнаментику: она блекнет и редет. Но сельские могилы все еще оформляются схематичными изображениями приборов для омовения и молитвы.

Последние два десятилетия процесс унификации приобретает социально-дифференцированный характер. Памятники становятся шире и выше в

зависимости от материального достатка семьи, часто прямоугольной формы, мрамор и гранит вытесняют традиционные материалы. Популярным оформлением надгробия всю вторую половину XX в. была фотография покойного. С конца 1990-х годов, времени ослабления коммунистической монополии на идеологию, на памятниках акцентируется мусульманская символика, например, аяты из Корана, изображение мечети, полумесяца. Правда, в понимании местного населения сформировались устойчивые предпочтения в изображении мечети (индийский Тадж-Махал, а, например, не аль-Харам в Мекке и Мечеть Пророка в Медине).

Фото № 21. Современные мусульманские надгробия. С. Нижний Чегем, КБР.

Изучение кладбищ в Осетии и Кабардино-Балкарии позволяет сделать выводы, с одной стороны, о единой основе погребальной культуры различных народов Центральнокавказского региона, с другой – о наличии локальных особенностей во внешнем оформлении надгробия у осетин, балкарцев и кабардинцев. При этом следует отметить, что эти различия не более существенны, нежели те, что наблюдаются у, например, западных, восточных и зарубежных адыгов и строго не обусловлены религиозными предписаниями, сохраняя этническую погребальную традицию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Гаджиев 1991 – *Гаджиев Г.А.* Доисламские верования и обряды народов Горного Дагестана. – М.: Наука, 1991. – 179с.

Гаджиева, Аджиева 1980 – *Гаджиева С.Ш., Аджиева А.М.* Похоронный обряд и причитания кумыков // Семейный быт народов Дагестана в XIX-XX вв. – Махачкала: ИИЯЛ, 1980. – С. 47-66.

Ионин 1997 – *Ионин Л.И.* Диффузные формы социальности (к антропологии культуры) // Социологические чтения / Отв. ред. Е.Н. Данилова. Вып. 2: Сборник материалов ежегодного методологического семинара (20-22 дек. 1996 г.). – М.: Институт экспериментальной социологии, 1997. – С. 50-89.

Историческая антропология... 2017 – *Историческая антропология* народов Северного Кавказа: актуальные проблемы / Под ред. Х.Б. Мамсирова. – Нальчик: Каб.-Балк. гос. ун-т, 2017. – 228 с.

История... 2019 – *История* и культура народов Северного Кавказа. XX – начало XXI века / Под ред. А.В. Венкова. – Ростов-на-Дону: ЮФУ; Нальчик: КБГУ, 2019. – 300 с.

Калоев 1967 – *Калоев Б.А.* Осетины. Историко-этнографические исследования. – М.: Наука, 1967. – 247 с.

Кокоева 2017 – *Кокоева А.Б.* Этнокультурный феномен погребального обряда у осетин. – Цхинвал: Республика, 2017. – 193с.

Кузнецова 1982 – *Кузнецова А.Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 176 с.

Магомедов 1968 – *Магомедов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. – Орджоникидзе: Ир, 1968. – 571 с.

Мальбахов 1984 – *Мальбахов Б.Х.* Кабардинское народное декоративное искусство. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 107 с.

Мохов 2018 – *Мохов С.* Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. – М.: Commonplace, 2018. – 360 с.

Мусаева 2017 – *Мусаева М.К.* Похоронно-поминальная обрядность народов Дагестана в современных городских условиях // Вестник института антропологии и этнологии (ИАЭ). – 2017. – №4. – С. 115-124.

Сосунов 2007 – *Сосунов Г.С.* Еврейские памятники Восточного Кавказа. – Махачкала: Эпоха, 2007. – 216с.

Текуева и др. 2017 – *Текуева М.А.,* Нальчикова Е.А, Гугова М.Х. Погребение и его место в адыгской традиционной культуре // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. – 2017. – № 6. – С. 9-13.

Текуева, Нальчикова 2018 – *Текуева М.А., Нальчикова Е.А.* Надмогильные памятные знаки у народов Северо-Западного и Центрального Кавказа // Кавказология. – 2018. – № 3. – С.69-92. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-69-92>

Фоменко 2018а – *Фоменко В.А.* Тамбиевы в районе Пятигорья (из истории одной этноконфессиональной группы адыгов) //Кавказология. – 2018. – № 3. – С. 29-44. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-29-44>

Фоменко 2018б – *Фоменко В.А.* Об актуальных проблемах изучения и сохранения археологического наследия в Кабардино-Балкарии //Кавказология. – 2018. – № 4. – С. 145-160. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-145-160>

Эпиграфические памятники... 1966, 1968 – *Эпиграфические памятники* Северного Кавказа X-XVII вв. / Тексты, переводы, комментарии и приложения Л.И. Лаврова. – М.: Наука, 1966. – Ч.1. – 290 с.; 1968. – Ч. 2. – 248 с.

Этнокультурный мир... 2017 – *Этнокультурный мир* тюрок Северного Кавказа / Под ред. М.А. Текуевой. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2017. – 210 с.

REFERENCES

- Ehpiigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza X-XVII vv.* [Epigraphic monuments of the North Caucasus 10-17 centuries]. Edited by L.I. Lavrov. – Moscow: Nauka, 1966. – Part 1. – 290 p.; 1968. – Part 2. – 248 p. (In Russian)
- Ehtnokul'turnyi mir tyurkov Severnogo Kavkaza* [Ethnocultural world of the North Caucasian Turks]. Edited by M.A. Tekueva. – Nalchik: KBGU, – 2017. – 210p. (In Russian)
- FOMENKO V.A. *Ob aktual'nykh problemakh izucheniya i sokhraneniya arkheologicheskogo naslediya v Kabardino-Balkarii* [About actual problems of studying and preserving the archaeological heritage in Kabardino-Balkaria]. IN: *Kavkazologiya*. – 2018. – No 4. – P. 145-160. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-145-160> (In Russian)
- FOMENKO V.A. *Tambievy v raione Pyatigor'ya (iz istorii odnoi ehtnokonfessional'noi gruppy adygov)* [The Tambiyev Family in the Pyatigorsk area (from the history of one ethno-confessional group of the Circassians)]. IN: *Kavkazologiya*. – 2018. – No 3. – P. 29-44. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-29-44> (In Russian)
- GADZHIEV G.A. *Doislamskie verovaniya i obryady narodov Gornogo Dagestana* [Pre-Islamic beliefs and rites of the peoples of Gorny Dagestan]. – Moscow: Nauka, 1991. – 179 p. (In Russian)
- GADZHIEVA S.Sh., ADZHIEVA A.M. *Pokhoronnyi obryad i prichitaniya kumykov* [Funeral rite and lamentations of Kumyks]. IN: *Semeinyi byt narodov Dagestana v XIX-XX vv.* [Family routine of the peoples of Dagestan in the 19-20 centuries of the peoples of Dagestan in the 19-20 centuries]. – Makhachkala: IYaL, 1980. – P. 47-66. (In Russian)
- IONIN L.I. *Diffuznye formy sotsial'nosti (k antropologii kul'tury)* [Diffuse forms of sociality (to the anthropology of culture)]. IN: *Sotsiologicheskie chteniya*. Edited by E.N. Danilova. Iss. 2: *Sbornik materialov ezhegodnogo metodologicheskogo seminara (20-22 dek. 1996 g.)* [Sociological readings. Edited by E.N. Danilova. Iss. 2: Collection of materials of the annual methodological seminar (December 20-22. 1996)]. – Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii, 1997. – P.50-89. (In Russian)
- Istoricheskaya antropologiya narodov Severnogo Kavkaza: aktual'nye problemy* [Historical anthropology of the peoples of the North Caucasus: actual problems]. Edited by Kh.B. Mamsirov. – Nalchik: KBGU, 2017. – 228p. (In Russian)
- Istoriyai kul'tura narodov Severnogo Kavkaza. XX – nachalo XXI veka* [History and culture of the peoples of the North Caucasus. 20th – the beginning of the 21st century]. Edited by A.V. Venkov. – Rostov-on-Don: YUFU; Nalchik: KBGU, 2019. – 300p. (In Russian)
- KALOEV B.A. *Osetiny. Istoriko-ehnografiicheskie issledovaniya* [Ossetians. Historical and ethnographic studies]. – Moscow: Nauka, 1967. – 247 p. (In Russian)
- KOKOEVA A.B. *Ehtnokul'turnyi fenomen pogrebal'nogo obryada u osetin* [Ethnocultural phenomenon of the burial rite of the Ossetians]. – Tskhinval: Respublika, 2017. – 193 p. (In Russian)
- KUZNETSOVA A.Ya. *Narodnoe iskusstvo karachaevtsev i balkartsev* [Folk art of Karachai and Balkarians]. – Nalchik: Ehl'brus, 1982. – 176 p. (In Russian)
- MAGOMETOV A.X. *Kul'tura i byt osetinskogo naroda* [Culture and life of the Ossetian people]. – Ordzhonikidze: IR, 1968. – 571p. (In Russian)
- MAL'BAKHOV B.Kh. *Kabardinskoe narodnoe dekorativnoe iskusstvo* [Kabardian folk decorative art]. – Nalchik: Ehl'brus, 1984. – 107 p. (In Russian)
- MOHOV S. *Rozhdenie i smert' pohoronnoj industrii: ot srednevekovykh pogostov do cifrovogo bessmertiya* [The birth and death of the funeral industry: from medieval graveyards to digital immortality]. – Moscow: Common place, 2018. – 360 p. (In Russian)
- MUSAEVA M.K. *Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' narodov Dagestana v sovremennykh gorodskikh usloviyakh* [Funeral and memorial rites of the peoples of Dagestan in modern urban conditions]. IN: *Vestnik institute antropologii i etnologii (IAE)*. – 2017. – No 4. – P. 115-124. (In Russian)

SOSUNOV G.S. *Evreiskie pamyatniki Vostochnogo Kavkaza* [Jewish monuments of the Eastern Caucasus]. – Makhachkala: Ehpokha, 2007. – 216 p. (In Russian)

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A, GUGOVA M.Kh. *Pogrebeniei ego mesto v adygskoi traditsionnoi kul'ture* [Burial and its place in the Adyghe traditional culture]. IN: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problem teorii I praktiki*. seriya: gumanitarnye nauki. – 2017. – No 6. – P. 9-13. (In Russian)

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A. *Nadmogil'nye pamyatnye znaki u narodov Severo-Zapadnogo I Central'nogo Kavkaza* [Gravestones of the peoples of the North-Western and Central Caucasus]. IN: *Kavkazologiya*. – 2018. – No 3. – P. 69-92. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-69-92> (In Russian)

УДК 316.472.43

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-152-163

НОВЫЕ ФОРМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНИЧНОСТИ (ТАТАРСКИЕ ЭТНОЛОКАЛИЗОВАННЫЕ ВИРТУАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА)¹

З.А. МАХМУТОВ

*Институт истории им. Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Батурина, 7А
E-mail: zufar@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам, связанным с изучением этнических виртуальных сообществ. Целью работы является комплексное исследование татарских этнолокализованных виртуальных сообществ в российской социальной сети «ВКонтакте». Этнолокализованные виртуальные сообщества объединяют пользователей не только на основе общей этнической идентичности, но и условным местонахождением, координатами которого может выступать как отдельный населенный пункт, так и регион. Для изучения виртуальных сообществ «Татары Уфы» (самой многочисленной татарской городской группы), «Татарская молодежь Ульяновской области» (самой большой татарской региональной группы), «Татары и татарочки Казахстана» (самой крупной диаспоральной группы) использовались инструменты обработки информации big data, а также контент-анализ публикаций. Категориями контент-анализа послужили: культура, новости, религия, политика, история, спорт, юмор, автостереотипы, знакомства, коммуникация. Результатом проведенного автором исследования является выявление контента и функций этнолокализованных татарских сообществ (декларируемых и реальных), социально-демографической специфики и численности аудитории, языковых моделей коммуникаций, влияния на офлайн пространство.

Ключевые слова: киберэтничность; веб-этнография; идентичность; социальная сеть; виртуальное этническое сообщество; татары.

NEW FORMS OF FUNCTIONING AND REPRODUCING OF THE ETHNICITY (TATAR ETHNO-LOCALIZED VIRTUAL COMMUNITIES)

Z.A. MAHMUTOV

*Institute of History of the Academy of Sciences Republic of Tatarstan
420111, Tatarstan Republic, Kazan, Baturin st., 7A
E-mail: zufar@inbox.ru*

Abstract. The article is devoted to topical issues related to the study of ethnic virtual communities. For the first time, we consider Tatar ethnocalized virtual communities in the Russian social

¹ По мнению редакции, статья хорошо демонстрирует возможности социологического изучения современных этнических процессов и будет полезна для специалистов в области этносоциологии Северного Кавказа.

network «Vkontakte». Ethnolocalized virtual communities unite users not only on the basis of a common ethnic identity, but also conditional territorial framework. A territorial framework can be either a locality or a region. We used information processing tools big data, as well as content analysis of publications for studying virtual communities “Tatars of Ufa” (the largest Tatar urban group), “Tatar’s Youth of the Ulyanovsk region” (the largest Tatar regional group), “Tatars and Tatarochki of Kazakhstan” (the largest diaspora group). The categories of content analysis were: culture, news, religion, politics, history, sports, humor, autostereotypes, dating, communication. The result of the research is the identification of content and functions of ethnolocalized Tatar communities (declared and real), socio-demographic specificity and number of their audience, language models of communication of ethnolocalized communities, the impact of communities on offline space.

Keywords: cyber-ethnicity; web-ethnography; identity; social network; ethnic virtual community; Tatars.

Развитие Интернета привело к формированию новых феноменов, одним из которых является этническое виртуальное сообщество. Активизацию этнических групп в Сети многие исследователи склонны трактовать как подтверждение концепции «воображаемых сообществ» [Anderson 1983] поскольку пользователи «конструируют онлайн пространства, изображая их как сообщества» [Diamandaki 2003: 3]. Маркером пространства в данном случае выступает «виртуальная этничность» под которой М. Постер понимает «взаимодействие реальных и виртуальных элементов конструирования этнических групп» [Poster 1998].

Новый феномен только начинает становиться объектом научных исследований. Исследуются и русские [Федорова 2018], киргизские, узбекские, таджикские [Глухов 2015], кряшенские [Шарафиев 2017], саамские [Разумова 2019], объединения. Среди татарских виртуальных площадок изучались субэтнические [Махмутов, 2018], этнонишевые и общеэтнические [Махмутов, Габдрахманова 2016]. Однако в настоящее время еще не существует устоявшейся дефиниции данного феномена. Под этническим виртуальным сообществом в своем исследовании мы понимаем сети межличностных связей в Интернете, обеспечивающие социальное взаимодействие, трансляцию информации на основе этнической идентичности или ее компонентов.

Мотивами объединения в подобные виртуальные сообщества этнофоров могут выступать разные цели. Главными из них Линдридж, Хендерсон, Экпо видят: противодействие дискриминации, общие интересы, конструирование позитивной этнической идентичности [Lindridge et al. 2015].

По наблюдению отечественных исследователей А.В. Головнева, С.Ю. Белоруссовой, Т.С. Киссер наибольшую киберактивность проявляют сообщества, прежде всего диаспоры и этнические меньшинства, компенсирующие посредством Сети дефицит реальной территориальной близости и коммуникации. Таким образом, Интернет замещает одно из оснований этничности, обозначавшееся как «единство территории» [Головнев и др. 2018: 100].

Татары относятся к числу этнодисперсных групп, что, безусловно, сопутствует их активности на виртуальных площадках. Под этническим

виртуальным сообществом в своем исследовании мы понимаем сети межличностных связей в Интернете, обеспечивающие социальное взаимодействие, трансляцию информации на основе этнической идентичности или ее компонентов. В социальной сети «ВКонтакте» в настоящее время татарская идентичность и ее компоненты являются основой для объединения более чем 15000 публичных страниц и групп, что в два с половиной раза больше, чем в 2016 году [Махмутов, Габдрахманова 2016: 277]. Их условно можно разделить на союзы пользователей на основе общетатарской, или субэтнической идентичности, узкой этнической тематики (компонентов этнической идентичности), по территориальному признаку (этнолокализованные виртуальные сообщества). Местонахождением чаще всего выступает отдельно взятый населенный пункт (город), а также регион (район, область, республика, страна), а также территория (акватории), значительная по своим размерам, но не обязательно являющаяся таксономической единицей в какой-либо системе территориального членения (например, группа «Татары Западного Приуралья»¹ и т.д.). Наиболее многочисленными городскими татарскими сообществами являются: «Татары Уфы» (26963 подписчика)², «Татары и татарочки Москвы» (14403 подписчика)³, «Татары и татарочки Ульяновска» (13 491 подписчик)⁴, «Подслушано Татары Оренбурга» (11798 подписчиков)⁵, «Татары Казани» (10970 подписчиков)⁶; региональными: «Татарская молодежь Ульяновской области» (7958 подписчиков)⁷, «Союз татарской молодежи Тюменской области» (5098 подписчиков)⁸, «*****Татары Нижегородской области*****» (4121 подписчик)⁹. Среди региональных групп необходимо выделить диаспоральные сообщества «Татары и татарочки Казахстана» (4873 подписчика)¹⁰, «Татары Узбекистана» (2222 подписчика)¹¹, «<<<<Татары в США>>>>» (1693 подписчика)¹². Всего только в социальной сети «ВКонтакте» насчитывается несколько сотен подобных групп.

Целью данного исследования является изучение татарских этнолокализованных виртуальных сообществ: выявление контента и функций данных объединений (декларируемых и фактических), социально-

¹ Татары Западного Приуралья. URL: https://vk.com/ufa_tatarlari (дата обращения: 22.06.2019).

² Татары Уфы. URL: <https://vk.com/ufatatar> (дата обращения: 22.06.2019).

³ Татары и Татарочки Москвы. URL: <https://vk.com/msktatarlar> (дата обращения: 22.06.2019).

⁴ Татары и Татарочки Ульяновска. URL: <https://vk.com/tatari73> (дата обращения: 22.06.2019).

⁵ Подслушано Татары Оренбурга. URL: https://vk.com/oren_tat (дата обращения: 22.06.2019).

⁶ Татары Казани. URL: https://vk.com/kazan_tatarlari (дата обращения: 22.06.2019).

⁷ Татарская молодежь Ульяновской области. URL: https://vk.com/tatar_73 (дата обращения: 22.06.2019).

⁸ Союз татарской молодежи Тюменской области. URL: <https://vk.com/tatar72> (дата обращения: 22.06.2019).

⁹ Татары Нижегородской области. URL: <https://vk.com/club16019> (дата обращения: 22.06.2019).

¹⁰ Татары и Татарочки Казахстана. URL: https://vk.com/tatari_kz (дата обращения: 22.06.2019).

¹¹ Татары Узбекистана. URL: <https://vk.com/tatary> (дата обращения: 22.06.2019).

¹² Татары в США. URL: <https://vk.com/club12861928> (дата обращения: 22.06.2019).

демографической специфики и численности аудитории, языковых моделей коммуникаций в них, влияния новых социальных институций на реальный мир (оффлайн пространство).

Для изучения аудитории татарских локализованных сообществ: «Татары Уфы» (самой многочисленной городской группы), «Татарская молодежь Ульяновской области» (самой большой региональной группы), «Татары и татарочки Казахстана» (самой крупной диаспоральной группы) – использовались популярные приложения SMM Tools, https://vk.com/compare_groups, <http://allsocial.ru/communities>, <https://media-vk.ru>, для исследования контента ресурс popsters.ru. а также метод контент-анализа. На первом этапе контент-анализа было осуществлено первичное обследование стен изучаемых сообществ, в ходе которого был составлен перечень всех обсуждаемых тем. Затем некоторые из них были объединены в более крупные категории. В результате в качестве тематических категорий контент-анализа выступили: культура (в нее вошли сообщения, касающиеся музыки, поэзии, фольклора, театра, кинематографа, а также аудио- и видеозаписи татарских песен), новости (последние недавние события в разных сферах жизни общества), религия, политика, история, спорт, юмор, автостереотипы, знакомства, коммуникация (сообщения, направленные на общение с другими участниками сообщества, в том числе и поздравления), другое (не имеющее прямого отношения ко всем представленным выше категориям). Как правило, каждая публикация была отнесена к какой-то одной из данных тем. В некоторых случаях публикации в связи с особенностями их содержания идентифицировались с несколькими тематическими категориями.

На следующем этапе был составлен макет аналитической базы. В нее при помощи приложения popsters.ru были внесены все имеющиеся на момент исследования публикации (посты) трех изучаемых татарских групп «ВКонтакте». В результате оказались зафиксированными в группе «Татары Уфы» – 22180 постов, «Татарская молодежь Ульяновской области» – 7856, «Татары и татарочки Казахстана» – 7728. Приложение popsters.ru позволило составить рейтинг наиболее популярных постов по количеству лайков, репостов и комментариев, для чего используется коэффициент вовлеченности пользователей – ER. Он рассчитывается как отношение суммы лайков, репостов, комментариев к количеству пользователей.

Для количественного анализа была рассчитана необходимая выборка сообщений для каждого из исследованных сообществ с доверительной вероятностью в 95% и ошибкой выборки в 5%. Использовалась механическая (систематическая) выборка, когда первое сообщение отбиралось случайно, а в дальнейшем в аналитическую базу заносилось каждое последующее пятое. В соответствии с данными о генеральной совокупности публикаций было проанализировано 378 постов сообщества «Татары Уфы», 366 – «Татарская молодежь Ульяновской области» и «Татары и татарочки Казахстана». Таким образом, количество единиц анализа составило 1110.

По численности татарские этнолокализованные сообщества превосходят субэтнические [Махмутов, 2018: 300], но уступают этнонишевым и

общезападническим татарским объединениям [Махмутов, Габдрахманова 2016: 279].

Декларируемые цели создания этнолокализованных татарских сообществ заметно отличаются друг от друга. Главной задачей таких крупных городских виртуальных сообществ, как «Татары Уфы», «Татары Казани» является распространение информации про татар, их культуру, традиции...¹. «Татары и татарочки Москвы» акцентируют внимание на знакомствах, обмене новостями о татарской жизни и татарских мероприятиях². Сообщество «Подслушано Татары Оренбурга» создано как социальный развлекательный проект, где «кешеләр кәндә бүләшәләр үзләренәң яналыклары, секретлары белән, анонимно, зур публика алдында» (люди делятся новостями, секретами, анонимно, перед большой публикой)³. Площадкой для общения представляют свою группу Татары Узбекистана «Часто слышим, что Татарской Молодежи Узбекистана почти негде общаться... Давайте попробуем здесь, создадим поистине дружную атмосферу))) Можно друг друга увидеть, обсудить интересные темы, назначить встречи, мероприятия, потом разместить красочные фото))))»⁴. В преамбуле группы также говорится о необходимости взаимопомощи и взаимовыручки⁵. Мотивы консолидации прослеживаются и в другой диаспоральной локализованной татарской группе ««««««Татары в США»»»»». На ее страничке можно найти следующее: « Dear Friends, We much different from representatives of any other nation throughout the whole world. In case of being united horizons will be broadened and new opportunities discovered... БЕЗ ТАТАРЛАР – МЫ ЛУЧШИЕ, МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЕДИНЫ!» (Мы сильно отличаемся от представителей любой другой нации во всем мире. В случае объединения горизонты будут расширяться и открываются новые возможности. Мы татары – мы лучшие, мы должны быть едины)⁶.

Многие из виртуальных этнолокализованных сообществ связаны с оффлайн организациями. Более того, некоторые из последних появились на основе первоначальной Интернет-коммуникации. Например, на страничке сообщества «Союз татарской молодежи Тюменской области» можно найти следующую информацию об истории ее возникновения: «Свой путь молодая организация начала в 2007 году, когда студенты-активисты создали в социальной сети «В контакте» группу «Тюменское татарское студенческое сообщество». Очень быстро виртуальное общение переросло в реальные дела: организация встреч, проведение собраний, планирование мероприятий совместного досуга. Официальное же решение о создании единой организации для татарской молодежи в Тюменской области было принято на третьем

¹ Татары Уфы. URL: <https://vk.com/ufatatar> (дата обращения: 22.06.2019); Татары Казани. URL: https://vk.com/kazan_tatarlari (дата обращения: 22.06.2019).

² Татары и Татарочки Москвы. URL: <https://vk.com/msktatarlar> (дата обращения: 22.06.2019).

³ Подслушано Татары Оренбурга. URL: https://vk.com/oren_tat (дата обращения: 22.06.2019).

⁴ Татары Узбекистана. URL: <https://vk.com/tatary> (дата обращения: 22.06.2019).

⁵ Там же.

⁶ Татары в США. URL: <https://vk.com/club12861928> (дата обращения: 22.06.2019).

Всемирном форуме татарской молодежи, который проходил в сентябре 2008 года в Казани»¹.

Приложение popsters.ru свидетельствует о том, что самым интерактивным среди них сообществом является «Татары Казахстана», в среднем публикации набирают – 0,3ER, наименее интерактивным – «Татарская молодежь Ульяновской области» – 0,1 ER.

Согласно данным <https://media-vk.ru>, большинство аудитории городского локализованного сообщества «Татары Уфы» и диаспорального «Татары и татарочки Казахстана» – это мужчины. В обеих группах их насчитывается свыше 65%. В гендерном аспекте среди татарских локализованных групп отличие имеет сообщество «Татарская молодежь Ульяновской области», где женская и мужская аудитории приблизительно равны (51% на 49%).

Большая часть подписчиков сообщества «Татары Уфы» проживает в Уфе – 90%, «Татарская молодежь Ульяновской области» – Ульяновске (75%), «Татары и татарочки Казахстана» – в Алмате (57%), в Нур-Султане (17%), в Караганде (11%). В каждом из объединений представлены казанские подписчики. Если в «Татары Уфы» их насчитывается только около 2%, то в «Татары и татарочки Казахстана» – 8%, «Татарская молодежь Ульяновской области» – 13%.

Возрастная категория участников сообществ приблизительно одинаковая. Типичному подписчику «Татары Уфы» 32 года, «Татарская молодежь Ульяновской области» – 28 лет, «Татары и татарочки Казахстана» – 29 лет.

Пользователи социальных сообществ часто состоят в параллельных группах, что свидетельствуют об их интересах, а также нередко подтверждает их географическую локализацию. Например, почти половина подписчиков и «Татары Уфы» состоят в автомобильном сообществе «БашДТП Уфа и Башкортостан», а участники паблика «Татарская молодежь Ульяновской области» – в «Ульяновский водитель». В то же время значительная часть казахстанских татар выбрало группу «Типичная Алмата».

Все этнолокализованные татарские группы «Татары Уфы», «Татары и татарочки Казахстана» относительно молодые, первые публикации в сообществах датируются 2017 и 2018 годом соответственно. Более ранним пабликом является «Татарская молодежь Ульяновской области», он появился в 2010 году.

Описание сообщества (если такое имеется) часто свидетельствует о целях и задачах группы. Например, в паблике «Татары Уфы» содержится призыв к объединению: «Башкортостан татарлары – берләшегез!» («Татары Башкортостана, объединяйтесь!»)², а далее содержится информация об основном контенте: «У нас можно найти много интересного про татар, их культуру, традиции и многое другое...»³.

¹ Союз татарской молодежи Тюменской области. URL: <https://vk.com/tatar72> (дата обращения: 22.06.2019).

² Татары Уфы. URL: <https://vk.com/ufatatar> (дата обращения: 22.06.2019).

³ Там же.

Действительно культурный контент достаточно распространён как в группе «Татары Уфы» (он составляет 31%), так и в других этнолокализованных сообществах. В паблике «Татары и татарочки Казахстана» культура является наиболее популярной тематикой публикаций. Культурный контент, как правило, содержит в себе аудиозаписи и видеоклипы татарских песен. В группе «Татарская молодежь Ульяновской области» часто через сообщество анонсируются концерты татарских эстрадных звезд, в паблике «Татары Уфы» – широко представлены кулинарные рецепты, в сообществе «Татары и татарочки Казахстана» – информация, связанная с обучением татарскому языку, в том числе в виде загадок¹. Здесь же администраторами демонстрируется критическое отношение к принятому федеральному закону о добровольном изучении национальных языков в Российской Федерации².

Аудиозаписи лидирует в числе наиболее популярных в группе «Татары Казахстана» (песни Гулсирина Абдуллиной и Азата Абитова (333 лайка, 63 репоста, 7,1 ER))³, и в «Татарская молодежь Ульяновской области» (песни Рината Рахматуллина (1313 лайков, 34 репоста, 17 ER))⁴. В сообществе «Татары Уфы» наибольшую популярность среди подписчиков получил рецепт татарского трехслойного пирога (1227 лайков, 635 репостов, 15 комментариев, 6 ER)⁵.

В группах «Татары Уфы» и «Татарская молодежь Ульяновской области» доминирует функция коммуникации, об этом свидетельствует тот факт, что именно общение превалирует в тематике контента (38% и 52% соответственно) – это и поздравление и общение друг с другом на разные темы, к примеру, 828 комментариев набрал пост с вопросом «Существует ли дружба между мужчиной и женщиной?»⁶.

Тематика общения очень разнообразна, например, это и игры, анекдоты про татар, поиск и предложение работы, татарские имена, знакомства. В обсуждениях в паблике «Татарская молодежь Ульяновской области» тема знакомства была заведена еще в 2010 году и до настоящего времени она актуальна, в ней 330 сообщений⁷. Для очного общения в Ульяновске

¹ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 6 мая 2018 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_1479 (дата обращения: 22.06.2019).

² Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 1 июня 2018 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_3587 (дата обращения: 22.06.2019).

³ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 3 марта 2019 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_30258 (дата обращения: 22.06.2019).

⁴ Запись на стене группы «Татарская молодежь Ульяновской области» от 10 сентября 2012 г. URL: https://vk.com/wall-21868290_10913 (дата обращения: 22.06.2019).

⁵ Запись на стене группы «Татары Уфы» от 14 марта 2019 г. URL: https://vk.com/wall-155281023_376988 (дата обращения: 22.06.2019).

⁶ Запись на стене группы «Татары Уфы» от 3 мая 2018 г. URL: https://vk.com/wall-155281023_164721 (дата обращения: 22.06.2019).

⁷ Обсуждение в группе «Татарская молодежь Ульяновской области». URL: https://vk.com/topic-21868290_23561574?offset=320 (дата обращения: 22.06.2019).

специально проводится вечер знакомств «Кайнар кич», что также анонсируется в группе¹.

Значительное место в информационном пространстве татарских сообществ занимает новостной контент, связанный, в первую очередь, с культурой, религией и спортом. Если в группе «Татарская молодежь Ульяновской области» большее внимание уделяется местным событиям, то в других двух сообществах акцент сделан на новостях, которые произошли за пределами региона, но так или иначе связаны с татарами и татарской культурой. Так, например, сообщество «Татары и татарочки Казахстана» информирует, что фигуристка Алина Загитова стала чемпионкой мира², в России может появиться конвейер по производству полуфабрикатов татарской выпечки³, а в Перми пройдет форум «Мусульманский мир 2019»⁴ и т.д.

В группе «Татары Уфы» у многих подписчиков вызывает интерес события в Татарстане. 16 января 2018 года в сообществе проходил опрос, следят ли они за новостями и событиями Татарстана? Почти половина подписчиков публика, принявших участие в голосовании, выбрало «да, регулярно» или «да, время от времени», и только 21% респондентов заявили о том, что события в Татарстане им не интересны⁵.

Публикации, так или иначе затрагивающие спорт, связаны в основном с татарскими спортсменами: Алиной Загитовой⁶, Лианой Вахитовой⁷, Маратом Гариповым⁸, а также достижениями татарстанских спортивных команд, главным образом хоккейного «Ак Барса»⁹.

Во всех группах можно найти поздравления с мусульманскими праздниками, а в группе «Татары Уфы» и с христианскими (среди татар есть и христиане)¹⁰. В сообществе «Татары и татарочки Казахстана» активно

¹ Запись на стене группы «Татарская молодежь Ульяновской области» от 10 декабря 2015 г. URL: https://vk.com/wall-21868290_19473 (дата обращения: 22.06.2019).

² Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 23 марта 2019 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_32444 (дата обращения: 22.06.2019).

³ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 22 ноября 2018 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_18229 (дата обращения: 22.06.2019).

⁴ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 5 апреля 2019 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_33782 (дата обращения: 22.06.2019).

⁵ Запись на стене группы «Татары Уфы» от 16 января 2018 г. URL: https://vk.com/wall-155281023_65586 (дата обращения: 22.06.2019).

⁶ Запись на стене группы «Татары Уфы» от 6 декабря 2018 г. URL: https://vk.com/wall-155281023_332974 (дата обращения: 22.06.2019).

⁷ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 4 декабря 2018 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_19352 (дата обращения: 22.06.2019).

⁸ Запись на стене группы «Татары Уфы» от 6 декабря 2017 г. URL: https://vk.com/wall-155281023_36884 (дата обращения: 22.06.2019).

⁹ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 22 апреля 2018 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_391 (дата обращения: 22.06.2019).

¹⁰ Запись на стене группы «Татары Уфы» от 7 января 2019 г. URL: https://vk.com/wall-155281023_350158 (дата обращения: 22.06.2019).

публикуются фотографии мечетей из разных городов республики¹, площадка группы «Татарская молодежь Ульяновской области» используется как площадка для организации ифтаров².

Помимо культуры, коммуникативного и новостного контента, в каждой группе широко представлен, как правило, этномаркированный юмор. Маркерами служат такие символы, как национальная выпечка³, праздник Сабантуй⁴, чай⁵, татарские бабушки⁶, лошади⁷ и другие. Юмор используется и для актуализации автостереотипов, согласно которым татары хитры, проворны, здоровы⁸, находчивы⁹, с огромной душой¹⁰, ценят родственные связи¹¹, а девушки татарки – хорошие кулинарки¹².

В пабликах «Татары Уфы» и «Татары и татарочки Казахстана» можно найти и исторический контент: это мультфильм по истории Казани¹³, фильм про гуннов¹⁴, старинные фотографии¹⁵, памятные исторические даты¹⁶.

Большое внимание при изучении виртуальных сообществ уделяется взаимосвязи онлайн и офлайн пространства.

¹ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 24 апреля 2019 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_35266 (дата обращения: 22.06.2019).

² Запись на стене группы «Татарская молодежь Ульяновской области» от 24 июня 2015 г. URL: https://vk.com/wall-21868290_18970 (дата обращения: 22.06.2019).

³ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 10 апреля 2019 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_34255 (дата обращения: 22.06.2019).

⁴ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 6 января 2019 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_23196 (дата обращения: 22.06.2019).

⁵ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 8 октября 2018 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_13821 (дата обращения: 22.06.2019).

⁶ Запись на стене группы «Татарская молодежь Ульяновской области» от 23 сентября 2013 г. URL: https://vk.com/wall-21868290_15659 (дата обращения: 22.06.2019).

⁷ Запись на стене группы «Татары Уфы» от 7 апреля 2018 г. URL: https://vk.com/wall-155281023_126077 (дата обращения: 22.06.2019).

⁸ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 30 сентября 2018 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_12981 (дата обращения: 22.06.2019).

⁹ Запись на стене группы «Татары Уфы» от 1 марта 2019 г. URL: https://vk.com/wall-155281023_372113 (дата обращения: 22.06.2019).

¹⁰ Запись на стене группы «Татарская молодежь Ульяновской области» от 29 января 2015 г. URL: https://vk.com/wall-21868290_18631 (дата обращения: 22.06.2019).

¹¹ Запись на стене группы «Татарская молодежь Ульяновской области» от 10 марта 2013 г. URL: https://vk.com/wall-21868290_13540 (дата обращения: 22.06.2019).

¹² Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 3 августа 2018 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_8142 (дата обращения: 22.06.2019).

¹³ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 31 августа 2018 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_10450 (дата обращения: 22.06.2019).

¹⁴ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 2 мая 2018 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_1120 (дата обращения: 22.06.2019).

¹⁵ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 19 марта 2019 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_32005 (дата обращения: 22.06.2019).

¹⁶ Запись на стене группы «Татары и Татарочки Казахстана» от 29 ноября 2018 г. URL: https://vk.com/wall-163158789_19017 (дата обращения: 22.06.2019).

Группа «Татарская молодежь Ульяновской области» в большей степени используется для коллективных действий в реальном мире. Это и совместная поездка в Саранск на отборочный матч Евро – 2020 года, где играли сборные футбольные команды Россия и Сан-Марино¹, игра в волейбол², помощь в проведении ифтаров³ и т.д. В двух других исследованных группах подобного влияния не обнаружено.

Во всех названных этнолокализованных сообществах преимущественно используется русский язык. Как правило, исключительно на нем изложена новостная информация. В наибольшей степени татарский язык представлен в группе «Татары Уфы» (24%), в наименьшей – «Татарская молодежь Ульяновской области» (8%). На татарском языке обычно публикуются сообщения, связанные с культурой, юмором и коммуникацией. В них также широко представлен и билингвальный контент. Языковая игра русского и татарского языка часто используется для того, чтобы придать тексту юмористический оттенок: «Сколько татарина не корми. Ул барыбер өчпочмак корый» (Сколько татарина не корми, он все равно смотрит на эчпечмак) и т.д.⁴. В более чем половине билингвальных текстов русский язык доминирует над татарским. Достаточно часто в коммуникативном контенте используется модель, когда обращение пишется на татарском языке («дуслар» (друзья), «татарлар» (татары) и т.д.), а информативная часть текста – на русском.

Этнолокализованные сообщества – это несколько сотен татарских виртуальных групп, представленных в социальной сети «ВКонтакте», созданных на основе общей локации и идентичности. Наиболее многочисленные из них начитывают несколько десятков тысяч пользователей, преимущественно молодежи. Декларируемой целью создания татарских этнолокализованных пабликов является распространение информации про татар, их культуру, традиции, обмен новостями о татарской жизни и татарских мероприятиях, развлечениях, знакомствах, необходимости взаимопомощи и взаимовыручки. Пример сообщества «Союз татарской молодёжи Тюменской области» свидетельствует о том, что результатом взаимодействия в виртуальном пространстве может стать создание организации в оффлайн пространстве.

Контент-анализ сообществ «Татары Уфы», «Татарская молодежь Ульяновской области» показал, что основная тематика сообщений – это коммуникация, в группе «Татары и татарочки Казахстана» – культура (трансляция аудиозаписей и видеоклипов татарских песен, информация, связанная с обучением татарскому языку и т.д.). Присутствие контента,

¹ Запись на стене группы «Татарская молодежь Ульяновской области». URL: https://vk.com/wall-21868290_22184 (дата обращения: 22.06.2019).

² Запись на стене группы «Татарская молодежь Ульяновской области» от 3 декабря 2010 г. URL: https://vk.com/wall-21868290_595 (дата обращения: 22.06.2019).

³ Запись на стене группы «Татарская молодежь Ульяновской области» от 14 мая 2019 г. URL: https://vk.com/wall-21868290_22176 (дата обращения: 22.06.2019).

⁴ Запись на стене группы «Татары Уфы» от 22 марта 2019 г. URL: https://vk.com/wall-155281023_379811 (дата обращения: 22.06.2019).

акцентирующего внимание на автостереотипах татар (образа «мы-они»), национальных символах и героях, пропаганде однонациональных браков актуализирует этнические границы. Отличительной чертой группы «Татарская молодежь Ульяновской области» является ориентация на коллективные действия в реальном мире (оффлайн пространстве).

Использование татарского языка на площадке сообществ содействует сохранению национальной языковой компетенции. Однако основным языком коммуникации во всех исследованных группах служит русский язык, что является индикатором процессов языковой ассимиляции в молодежной татарской среде.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Глухов 2015 – Глухов А.П. Ассалам а-лайке-ум: конструирование национальной идентичности посредством социальной сети (кейс-стади этносетей мигрантов из Средней Азии в России) // Сборник материалов V Международной научно-практической интернет-конференции «CONNECT-UNIVERSUM – 2014». – Томск: Томский государственный университет, 2015. – С. 82-86.

Головнев, Белоруссова, Киссер 2018 – Головнев А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 1. – С. 100-108.

Махмутов 2018 – Махмутов З.А. Татарские субэтнические группы в социальной сети «ВКонтакте» // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 6-7 сентября 2018 г. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – С. 300-303.

Махмутов, Габдрахманова 2016 – Махмутов З.А., Габдрахманова Г.Ф. Особенности этнической идентичности виртуальных татарских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» // Историческая этнология. – 2016. – Т. 1. – № 2. – С. 276-292.

Разумова 2019 – Разумова И.А. Саамские сетевые сообщества в «Этническом интернете» России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 2 (179). – С. 114-122.

Федорова 2018 – Федорова А.А. К вопросу о ценностных ориентациях про-русских групп в виртуальном пространстве социальных сетей // Актуальные вопросы в науке и практике / Сборник статей по материалам V международной научно-практической конференции (1 февраля 2018 г., г. Самара). – Уфа: Изд. Дендра, 2018. – С. 73-77.

Шарафиев 2017 – Шарафиев Э. И. К вопросу о виртуальных сообществах татар-кряшен в социальной сети Вконтакте как источник исторической информации // Кряшенское историческое обозрение. – 2017. – № 2. – С. 66-76.

Anderson 1983 – Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. – London: Verso, 1983. – 240 p.

Diamandaki 2003 – Diamandaki K. Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace // Global Media Journal. – 2003. – № 2. – P. 3-14.

Lindridge et al. 2015 – Lindridge A., Henderson G.R., Ekpo A.E. (Virtual) ethnicity, the Internet, and well-being // Marketing Theory. – 2015. – Vol. 15. – № 2. – P. 279-285.

Poster 1998 – Poster M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications // CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community. Edited by Steven G. Jones. – Thousand Oaks: Sage, 1998. – P. 184-211.

REFERENCES

- ANDERSON B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. – London: Verso, 1983. – 240 p. (In English)
- DIAMANDAKI K. Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace. IN: Global Media Journal. – 2003. – No 2. – P. 3-14. (In English)
- FEDOROVA A.A. *K voprosu o cennostnih orientatsiyah pro_russkikh grupp v virtualnom prostranstve socialnih setei* [To the Question of Virtual Communities of Tatar Kryashens in the “Vkontakte” Social Network as a Source of Historical Information]. IN: *Aktual'nye voprosy v nauke i praktike / Sbornik statei po materialam V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (1 fevralya 2018 g., g. Samara)* [Actual issues in science and practice. Collection of articles on the materials of the V international scientific-practical conference (February 1, 2018, Samara)]. – Ufa: Izd. Dendra, 2018. – P. 73-77. (In Russian)
- GLUKHOV A.P. *Assalam a-like-um: konstruirovaniye natsional'noi identichnosti posredstvom sotsial'noi seti (keis-stadi ehtnosetei migrantov iz Srednei Azii v Rossi)* [Assalam-A-Like-Um: Construction of National Identity Through a Social Network (a Case Study of Ethnic Networks of Immigrants to Russia From Central Asia)] IN: *Sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii «CONNECT-UNIVERSUM – 2014»* [The collection of materials of the V International Scientific and Practical Internet Conference «CONNECT-UNIVERSUM – 2014»]. – Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2015. – P. 82-86. (In Russian)
- GOLOVNEV A.V., BELORUSSOVA S.Yu., KISSER T.S. *Veb-ehnologiya i kiberehtnichnost'* [Web-Ethnography and Cyber-Ethnicity]. IN: Ural Historical Journal. – 2018. – No 1. – P. 100-108. (In Russian)
- LINDRIDGE A., HENDERSON G.R., EKPO A.E. (Virtual) ethnicity, the Internet, and well-being. IN: Marketing Theory. – 2015. – Vol. 15. – No 2. – P. 279-285. (In English)
- MAKHMUTOV Z.A. *Tatarskie subehtnicheskie gruppy v sotsial'noi seti «VKontakte»* [The Tatar's Sub-Ethnic Groups in the Social Network «Vkontakte»]. IN: *Pozitivnyi opyt regulirovaniya etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh Rossiiskoi Federatsii: Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kazan', 6-7 sentyabrya 2018 g.* [Positive experience in regulating ethnosocial and ethnocultural processes in the regions of the Russian Federation: Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Kazan, September 6-7, 2018]. – Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, – 2018. – P. 300-303. (In Russian)
- MAKHMUTOV Z.A., GABDRAKHMANOVA G. F. *Osobennosti ehtnicheskoi identichnosti virtual'nykh tatarskikh soobshchestv v sotsial'noi seti «VKontakte»* [Features of Ethnic Identity of Tatar Virtual Communities in The “Vkontakte” Social Network]. IN: *Istoricheskaya ehtnologiya*. – 2016. – Vol. 1. – No 2. – P. 276-292. (In Russian)
- POSTER M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications. IN: *CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community*. Edited by Steven G. Jones. – Thousand Oaks: Sage, 1998. – P. 184-211. (In English)
- RAZUMOVA I.A. *Saamskie setevye soobshchestva v «Ehtnicheskom internete» Rossii* [The Sami Network Communities in The “Ethnic” Internet In Russia]. IN: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2019. – No 2 (179). – P. 114-122. (In Russian)
- SHARAFIEV EH. I. *K voprosu o virtual'nykh soobshchestvakh tatar-kryashen v sotsial'noi seti Vkontakte kak istochnik istoricheskoi informatsii* [To The Question of Virtual Communities of Tatar Kryashens in the “Vkontakte” Social Network as a Source of Historical Information]. IN: *Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie*. – 2017. – No 2. – P. 66-76. (In Russian)

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

УДК 398.2

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-164-175

**К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ФОЛЬКЛОРНОЙ
ПРОЗЫ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ****Ф.Х. ГУЛИЕВА (ЗАНУКОЕВА)**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: gfariza37@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию ряда аспектов одной из наиболее важных и актуальных проблем карачаево-балкарской фольклористики – жанровой и внутрижанровой классификации. Несмотря на наличие обобщающих трудов и ряда исследований в этой области, она не может считаться решенной до конца. Применяемые на сегодняшний день схемы, заимствованные в свое время из русской фольклористики, не вполне отвечают национальному материалу. Так, к примеру, при делении устной прозы на сказочную и несказочную некоторые разновидности произведений выпадают (басни, небылицы), другие же, напротив, разделяясь на две группы, включаются в оба вида и представляют собой пограничные жанры (притчи, анекдоты). Подобное явление наблюдается и при попытке внутрижанровой классификации. В филологической науке традиционно принято выделять сказки бытовые, волшебные и о животных, однако при более глубоком изучении ученые выявляют и другие разновидности (мифологические, героические, волшебно-героические). Кроме того, остается открытым вопрос о том, куда относить философские сказки притчевого характера и сказки-загадки типа «Кто больше?», «Кто сильнее?», вызывает сомнение и жанровая принадлежность охотничьих баек. Решение вопроса осложняется также генетической связью и диффузией различных жанров. В соответствии с проведенным исследованием, в заключении делается вывод о необходимости адаптации и усовершенствования существующих классификационных схем, исходя непосредственно из специфики национального фольклорного материала.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор; классификация; жанр; внутрижанровая разновидность; сказки; несказочная проза.

**TO THE PROBLEM OF GENRE CLASSIFICATION OF FOLKLORE
PROSE OF KARACHAYS AND BALKARIANS****F.H. GULIEVA (ZANUKOEVA)**

*Institute of humanitarian researches – branch of the Federal state budgetary scientific institute
«Federal scientific centre «Kabardino-Balkarian scientific centre of the Russian academy of
sciences»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkin's street, 18

E-mail: gfariza37@mail.ru

Abstract. Article is devoted to research of some aspects of one of the most important and actual problems of karachay-balkarian folklore study – genre and intragenre classification. Despite of presence of generalizing works and some researches in this area, it cannot be considered solved up to the end. The schemes, used today, borrowed in due time from russian folklore study, don't quite correspond to the national material. So, for example, at division of oral prose into fairy-tale and unfairy-tale some types of works fall out (fables, fiction), others, on the contrary, being divided into two groups, join to both types and represent boundary genres (parables, anecdotes). The similar phenomenon is observed also at attempt of intragenre classification. In philological science it is traditionally accepted to allocate household, magic and animalistic fairy-tales, however upon deeper study scientists reveal also other versions (mythological, heroic, magic-heroic). Besides there remains opened a question about where to carry philosophical fairy-tales with parable nature and a fairy-tale-riddles of type «Who is bigger?», «Who is stronger?», the genre accessory of hunting tales also raises the doubts. Solution of the problem is also complicated by genetic link and diffusion of various genres. In accordance with carried out research, in the end is made the conclusion about an indispensability of adaptation and improvement of existing classification schemes, based directly on the specifics of national folklore material.

Keywords: karachay-balkarian folklore; classification; genre; intragenre version; fairy-tales; unfairy-tale prose.

История карачаево-балкарской фольклористики насчитывает срок чуть более полувека. Несмотря на то, что первая экспедиция по сбору произведений устного народного творчества данного этноса состоялась еще в 1939 г., подлинное его научное изучение началось в постдепортационный период. Здесь следует отметить важность организованных КБНИИ (ныне – ИГИ КБНЦ РАН) научных сессий по проблеме периодизации, отбора и публикации адыгейского, кабардинского, черкесского, балкарского и карачаевского фольклора (26-28 марта 1959 г.) и по вопросам происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июня 1959 г.), итоги которых были опубликованы в 1960 г. [Материалы 1960а; Материалы 1960b], и издания в 1962 г. сборника «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору» [Материалы 1962]. Нельзя переоценить и значение деятельности сотрудников Института по сбору, изучению и публикации образцов устного народного творчества данного этноса. Достаточно вспомнить о создании на его базе рукописного и фоно-видео архивов, включающих в себя не только записи различных экспедиций, но и материалы, извлеченные из фондов других учреждений, тексты, переданные различными энтузиастами родной культуры. На их основе в дальнейшем было подготовлено большое количество фольклорных сборников не только на языке оригинала, но и в переводе на языки народов России, а также и на иностранные языки, проведены исследования по различным областям устной словесности (нартскому эпосу – А.З. Холаев [Холаев 1974], Т.М. Хаджиева [Хаджиева 1994], Л.С. Гергокова [Гергокова (Этезова) 2015], Х.Х. Малкондуев [Малкондуев 2017а]; обрядово-мифологической, лирической, историко-героической поэзии – Х.Х. Малкондуев [Малкондуев 1996; Малкондуев 2000; Малкондуев 2015]; сказкам –

Ф.А. Урусбиева [Урусбиева 2010], Х.Х. Малкондуев [Малкондуев 2017b]; выселенческому фольклору – Б.А. Берберов [Берберов 2011]; работы обобщающего характера – А.З. Холаев [Холаев 1981], Ф.А. Урусбиева [Урусбиева 2001], Т.М. Хаджиева [Хаджиева 2014], Х.Х. Малкондуев [Малкондуев 2010; Малкондуев 2018] и др.). Тем не менее приходится признать, что многие даже основополагающие вопросы в карачаево-балкарской фольклористике не решены еще в должной мере. К числу таковых можно отнести и проблему жанровой и внутрижанровой классификации.

Вполне понятно, что на первом этапе становления и развития национальным ученым пришлось обратиться к опыту других народов, в частности, к достижениям русских фольклористов. Существующая на сегодняшний день классификация является калькированной с русской. Однако, как отмечал в свое время В.Я. Пропп, «жанровый состав фольклора, установленный для одного народа, не может быть механически перенесен на состав фольклора другого народа. Международными могут быть только принципы такой классификации, но не ее материал» [Пропп 1964: 148]. Справедливость данного утверждения становится очевидной при более детальном рассмотрении устного творчества отдельных этносов. Исследуя проблему взаимосвязи прозаических жанров в фольклоре народов Дагестана, по этому поводу Ф.А. Алиева пишет: «... внимательное и углубленное изучение материала показывает, что практически нет такого жанра у одного народа, который бы буквально повторялся в фольклоре другого. Это обусловлено многими факторами и в первую очередь национально-специфическими, социально-экономическими, историческими особенностями. Как известно, жанры фольклора в целом прошли типологически общий путь развития, но при этом фольклор каждого народа – явление самобытное, отразившее художественное мышление, особенности национального своеобразия данного народа. Соответственно и жанровый состав фольклора вообще и прозы в частности – не может быть единым и абсолютно однообразным для всех народов» [Алиева 2008: 15]. Рассмотрим данную проблему на примере прозаических жанров карачаево-балкарского устного творчества.

Традиционно фольклорную прозу по отношению к действительности (т.е. реальное или вымышленное повествование), а также доминирующей функции (информативной или эстетической) принято делить на сказочную и несказочную. Первая разновидность представлена бытовыми, волшебными и анималистическими (о животных) сказками, вторая – легендами, преданиями, сказами, притчами, быличками и бывальщинами, юмористическими и сатирическими рассказами (анекдотами). Однако при более близком знакомстве с национальным материалом учеными было выявлено, что эта классификационная схема не вполне отвечает реалиям, не является достаточной. Так, при изучении карачаево-балкарских сказок А.З. Холаев вычленял также авантюрно-новеллистическую разновидность [Холаев 1981: 25]. Т.М. Хаджиева относила к ним также мифологические сказки, небылицы и анекдоты [Хаджиева 1996: 6], богатырские и кумулятивные сказки [Хаджиева 2014: 561]. Т.Ш. Биттирова дополнила классическую классификацию

героическими сказками [Биттирова 1997: 5]. Ф.А. Урусбиева в своей работе «Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии» предлагала выделить как отдельные внутрижанровые разновидности женскую, пастушескую и кумулятивную сказки [Урусбиева 2010]. Х.Х. Малкондуев изначально помимо волшебных, бытовых и о животных вычленил еще и сказки о нартах, о Насреддине, детские и сатирические сказки [Малкондуев 2010: 10]. Но в своей более поздней монографии «Карачаево-балкарская народная сказка» исследователь изменил свои научные взгляды и подразделил сказочный эпос на пять разновидностей (мифологические, волшебные, героические, о животных и бытовые) [Малкондуев 2017b]. Здесь следует отметить, что практически во всех вышеназванных трудах, за исключением последней работы, несмотря на выделение дополнительных разновидностей, определенную характеристику получали только три основные группы (волшебные, бытовые, о животных).

Занимаясь подготовкой к изданию III тома «Свода карачаево-балкарского фольклора» – «Карачаево-балкарская сказка» [КЪМФС 2015], мы также обращались к изучению данной проблемы и тоже пришли к выводу о том, что применяемая классификация не в полной мере отражает национальный материал. Так, несмотря на то, что ряд исследователей (Т.М. Хаджиева, Х.Х. Малкондуев) выделяет как отдельную разновидность мифологические сказки, по факту получается, что они затрагивают область сказок волшебных и о животных, а также собственно мифов. Некоторые отечественные ученые (В.Я. Пропп [Пропп 1976], В.Е. Гусев [Гусев 1967], А.А. Ципинов [Ципинов 2004], Т.М. Хаджиева [Хаджиева 1996] и др.), основываясь на вере в достоверность повествования и на отсутствии установки на вымысел, склонны выделять подобные произведения как отдельный жанр несказочной прозы. Конечно, можно возразить, что «по сути дела мифы являются частью не фольклора, а мифологии. Однако, то обстоятельство, что у карачаевцев и балкарцев, как и у многих других народов (в особенности младописьменных), мифология как полноценная художественная система не сохранилась, а дошла до нас в основном в форме различных суеверий, поверий, обрядово-мифологической поэзии, в виде коротких рассказов на тему космогонии и т.д., позволяет рассматривать мифы в данной группе» [Гулиева (Занукоева) 2015а: 21].

Далее, хотя по предмету повествования, особенностям изобразительно-выразительных средств и способу разрешения конфликта можно без особых сложностей выделить сказки волшебные, героические, бытовые и о животных, некоторый вопрос вызывают произведения героического характера с наличием элемента чуда, в которых конфликт разрешается не столько посредством силы и ума богатыря, но во многом с помощью волшебного оружия, чудесных помощников и т.п. Таким образом, они могут считаться пограничным явлением. Мы склонны выделять их в отдельную группу, но рассматривать как одну из разновидностей волшебных сказок [Гулиева (Занукоева) 2015b: 228].

Еще одним проблемным моментом карачаево-балкарского сказковедения являются сказки-загадки (типа «Кто больше?», «Кто сильнее?», «Кто мудрее?» и т.п.). Чаще всего их относят к бытовой разновидности. Однако сказки-загадки

по своим композиционным особенностям не вполне соответствуют им. Кроме того содержание их не всегда имеет бытовой характер, включая элементы фантастики. Так, к примеру, в популярной сказке «Кто больше?» [КБФДЗП 1983: 98-99], варианты которой в качестве вставного сюжета встречаются и в нартских сказаниях на мотив гостевания нартов у эмегенов и дальнейшего их спасения («Сосурук и Алауган» [Нартла 1995: 276-278], «Сосурук и Сибилчи» [Нартла 1995: 278-281]), повествуется об огромных быке, орле, козле, пастухе, лисе и женщине. Бык был так велик, что, когда «он подходил к водопою, то голова его касалась реки, а задняя часть была на горе; а когда он начинал пить воду, то выпивал ее всю, и ниже его река прекращала свое течение» [КБФДЗП 1983: 98]. Его унес и съел огромный орел. Пытаясь доесть быка, он выронил его лопатку в глаз пастуха, укрывшегося от непогоды со всей своей отарой под бородой огромного козла-вожака. Чтобы вытащить «соринку» пришлось народу применить ломы и лопаты. Позже на покрывшейся землей и растениями кости образовалось селение. Однако через некоторое время одна огромная лиса повадилась грызть лопатку и стала беспокоить жителей землетрясениями. Тогда сельчане собрались и убили ее. Когда освеживали половину туши, ее хватило на шапки для всех жителей аула, но женщине, которая помогла перевернуть лису на другой бок, оставшегося куска на шапку не хватило. Таким образом, какого-либо конфликта и его разрешения мы здесь не находим. Вся суть повествования заключается в финальном вопросе: «Кто же тут больше всех в этом рассказе?». Нет здесь и воспитательной смысловой нагрузки, характерной для большинства сказок. Скорее данное произведение направлено на выработку внимательности, смекалки, оттачивание остроты ума, что в большей степени характерно для жанра загадки. На наш взгляд, несмотря на существование мнения, что загадки представляют собой коротенькие тексты, было бы целесообразно рассматривать указанный выше тип произведений именно как одну из их разновидностей. Здесь следует отметить, что у карачаевцев и балкарцев загадка терминологически обозначается как *элбер* или *эл берген жомакъла* – дословно «дай село» и «сказки, дающие село». Название это связано с игровым ритуалом, сопровождавшим процесс загадывания-отгадывания, когда давшему правильный ответ в шутку «дали» («давали») село. Правомерность подобного включения подтверждается и самим национальным материалом. Так, в сборнике Алиева С.Ч. «*Къарачай халкъны эл берген джомакълары*» – «Карачаевские народные загадки» (1984) под номером 1447 мы находим один из вариантов вышеупомянутой сказки-загадки на мотив «Кто больше?» с ответом на финальный вопрос – больше всех козел, под бородой которого прятались пастух со стадом [Алиев 1984: 208-209].

Несмотря на то, что ряд исследователей (Т.М. Хаджиева, С.А. Мусукаева и др.) относит к сказкам и небылицы, на наш взгляд, они также остаются на границе между сказочной и несказочной прозой. Их отличает сочетание прямой установки на вымысел, что видно даже из названия (*ётюрюкле* – карачаево-балкарское обозначение данного жанра – переводится как «ложь, обман, неправда, фальш» [КЪМТАС 1996: 743], «враки»), и элементов реальности: их героями становились по-настоящему существовавшие люди (нередко даже сам

рассказчик), общественные и государственные деятели, известные личности, но события, которые в них описывались, представляются невозможными, даже фантастичными. В связи с этим мы склонны выделить небылицы как отдельный фольклорный жанр [Гулиева (Занукоева) 2016: 62]. К сожалению, несмотря на бытование в народе, фиксаторы довольно часто игнорировали подобные произведения, как не имеющие особой ценности в эстетическом или информативном плане. Однако, как справедливо отмечает Ф.А. Алиева, «отсутствие целенаправленных исследований у тех или иных народов еще не означает «выпадения» (или отсутствия) этих произведений из общей жанровой системы фольклора» [Алиева 2008: 13].

Повествования притчевого, философского характера, действующими лицами которых являются персонифицированные образы таких абстрактных категорий, как ум, счастье, богатство и т.п., различных стихий (огонь, вода), природных объектов (ветер, солнце и т.п.), также традиционно относятся к бытовым сказкам. На наш взгляд, было бы правильнее считать их собственно притчами и рассматривать данную жанровую форму как пограничное между сказочной и несказочной прозой явление, поскольку, как и анекдоты, они включают в себя произведения как откровенно вымышленного так и условно реального характера.

Некоторые склонны причислять к притчам и басни, близкие к ним по своей природе, дидактической направленности и философскому характеру содержания. Однако басни отличаются от притч тем, что действующими лицами в них являются животные, в связи с чем другие исследователи относят их к сказкам о животных. Третьи причисляют их к несказочной прозе. Так, различные варианты произведения «Старый вол и молодой бычок» даются в сборнике М.М. Ольмезова как притча («*Ёгюз бла ууанык*» [КЪМОЭ 2010: 166]), в хрестоматии Т.М. Хаджиевой – без конкретики жанровой принадлежности как произведение несказочной прозы («*Ёгюз бла ууанык*» [КЪМФ 1996: 232]), в двухтомнике С.А. Мусукаевой – «сказка о животных и птицах» [КЪМХЖ I 2012: 587]. Мы полагаем, что басня обладает комплексом своих специфических черт, позволяющих рассматривать их как самостоятельный жанр.

Что касается несказочной прозы, положение с ее внутрижанровой классификацией также неоднозначно. Помимо уже отмеченных выше разногласий по поводу причисления к ней мифов, притч и анекдотов, существуют и не столь очевидные проблемы. В сборниках прослеживается путаница в определении жанровой принадлежности преданий, легенд и сказов, юмористических рассказов и бытовых сказок сатирического характера и т.п. Более углубленное изучение национального материала выявляет и другие сложности. Так, например, довольно трудно определиться с тем, куда отнести произведения типа охотничьих баек. Это может быть рассказ о столкновении охотника с огромным орлом, встрече с эмегеном и т.п. С одной стороны, присутствие подобных героев сближает их со сказками, с другой – наличие элементов, направленных на подтверждение достоверности рассказа (временная и географическая локализация события, называние имен реальных людей, во многих случаях повествование от лица очевидца или самого

участника событий и др.) уподобляет их сказам. Думается, наиболее оптимальным было бы рассматривать их в группе быличек и бывальщин, поскольку в произведениях этого жанра допускается наличие элемента фантастики, говорится о неожиданном столкновении человека с чем-то необычным, сверхъестественным.

Подобная ситуация с жанровой классификацией карачаево-балкарской устной прозы обусловлена многими факторами. Главными из них являются неопределенность состава фольклора, отсутствие четких критериев разграничения жанров, единого мнения относительно терминологии, наличие генетической связи между жанрами, диффузия устной прозы [Гулиева (Занукоева) 2015а: 14], недостаточная степень изученности отдельных категорий произведений, их сущности и художественной природы, особенности национальной традиции, различия во взглядах ученых [Алиева 2008: 22].

«Существование генетической связи между жанрами обусловлено тем, что они складывались на некоей общей основе, в силу чего им свойственно определенное сходство, к тому же один жанр может служить почвой для возникновения другого. Так, на базе мифа в результате изменений в миропонимании человечества возникли легенды, притчи, былички, сказки. Сказ в дальнейшем мог преобразиться в предание, легенду и даже стать основой для песни. ... Сходными могут быть также и некоторые черты общей структуры, элементы поэтики (традиционные символы, эпитеты, метафоры и т.д.).

В процессе взаимодействия одни жанры или их элементы могли проникать в другие. ... Сказочные элементы (постоянные зачины, концовки и т.д.) могли проникать в несказочную прозу, и, наоборот, характерные для несказочной прозы локализация места и времени, указание происхождения, ссылка на авторитетных людей проникали в сказки» [Гулиева (Занукоева) 2015а: 17-18]. Вследствие подобных процессов могли возникать промежуточные, переходные образования, сочетающие основные свойства нескольких жанров сразу. Возьмем для наглядности текст «Къозучукъ» – «Ягненок» [КъМФС 2015: 402-407]. Он сочетает в себе черты языческих мифологических воззрений, в частности тотемизма (рождение ягненка у человека), волшебных сказок (мотив чудесного ребенка, оборотничества, нарушения запрета и т.д.) и религиозных легенд (назидательный характер произведения, вера в предопределение, трагический финал). Отнести его с полной уверенностью к волшебным сказкам или религиозным легендам не представляется возможным. Хотя нами данное произведение дается в числе волшебных сказок, однако сопровождается соответствующими комментариями с указанием двойственности его характера.

Резюмируя итоги проведенного исследования, можно предложить при классификации устной прозы помимо сказочной и несказочной разновидностей отдельной группой, как малые прозаические формы, выделять притчи, басни, анекдоты и небылицы. Произведения этиологического характера вычленять как мифы и изучать их в группе несказочной прозы, сказки-загадки отнести к загадкам, а охотничьи байки причислить к быличкам и бывальщинам.

Таким образом, становится очевидным, что жанровая и внутрижанровая классификация карачаево-балкарской фольклорной прозы, как и устного народного творчества в целом, – проблема сложная и многомерная. Решить ее путем применения уже разработанных в других национальных фольклористиках схем невозможно. Они могут быть взяты за основу, но должны быть доработаны исходя из национальных особенностей фольклорного материала.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алиев 1984 – *Алиев С.Ч.* Къарачай халкъны эл берген джомакълары (Карачаевские народные загадки). – Черкесск: Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение, 1984. – 216 с.

Алиева 2008 – *Алиева Ф.А.* Взаимосвязи жанров устной прозы в фольклоре народов Дагестана. – Махачкала: ООО «Деловой мир», 2008. – 364 с.

Берберов 2011 – *Берберов Б.А.* Тема народной трагедии в карачаево-балкарской поэзии (на материале устной и письменной словесности 1943-2000 гг.). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 215 с.

Биттирова 1997 – *Биттирова Т.Ш.* Ал сѣз (Введение) // Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле... (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...): Хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / Сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – С. 3-22.

Гергокова (Этезова) 2015 – *Гергокова (Этезова) Л.С.* Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 140 с.

Гулиева (Занукоева) 2015а – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 152 с.

Гулиева (Занукоева) 2015b – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* К проблеме внутрижанровой классификации карачаево-балкарских народных сказок // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – С. 226-230.

Гулиева (Занукоева) 2016 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская народная сказка // Типология и поэтика традиционного фольклора народов Северного Кавказа. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – С. 58-65.

Гусев 1967 – *Гусев В.Е.* Эстетика фольклора. – Л.: Наука, 1967. – 319 с.

КБФДЗП 1983 – *Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях* / сост., вступ. статья и комментарии А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 432 с.

КъМОЭ 2010 – *Къарачай-малкъар ойберле бла элберле* (Карачаево-балкарские притчи и загадки) / сост. М.М. Ольмезов. – Нальчик: Эльбрус, 2010. – 456 с.

КъМТАС 1996 – *Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю*. Ючтомлукъ. 1-чи тому. А–Ж (Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В 3-х томах. Т. 1. А–Ж) / Отв. ред. Ж.М. Гузев. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1019 с.

КъМФ 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор* (Карачаево-балкарский фольклор): Хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 529 с.

КъМФС 2015 – *Къарачай-малкъар фольклорну своду*. 3-чю том. Къарачай-малкъар жомакъ (Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 3. Карачаево-балкарская сказка) / Отв. ред. Х.Х. Малкондуев. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 990 с. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/3-Свод-карач-балк-фольк.pdf> (дата обращения: 18.06.2019).

КъМХЖ I 2012 – *Къарачай-малкъар халкъ жомакъла: экикитап тобламасы*. 1-чи китабы (Карачаево-балкарские народные сказки: в 2 книгах. Книга 1) / Сост. С.А. Мусукаева. – Нальчик: Эльбрус, 2012. – 592 с.

- Малкондуев 1996 – *Малкондуев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 272 с.
- Малкондуев 2000 – *Малкондуев Х.Х.* Поэтика карачаево-балкарской народной лирики XVI–XIX веков. – Ч. 1. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 320 с.
- Малкондуев 2010 – *Малкондуев Х.Х.* Фольклор и фольклористика // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. – С. 8-35.
- Малкондуев 2015 – *Малкондуев Х.Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV-XVIII века). – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 312 с.
- Малкондуев 2017a – *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Теория. Историзм. Самобытность. – Нальчик: Принт Центр, 2017. – 148 с.
- Малкондуев 2017b – *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарская народная сказка. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 184 с.
- Малкондуев 2018 – *Малкондуев Х.Х.* Къарачай-малкъар фольклорну эм эрттегили жанрлары. Мифле. Тёреле. Эпос. Жомакъла (Древнейшие жанры карачаево-балкарского фольклора. Мифы. Обряды. Эпос. Сказки). – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 132 с.
- Материалы 1960a – *Материалы* научной сессии КБНИИ по проблеме периодизации, отбора и публикации адыгейского, кабардинского, черкесского, балкарского и карачаевского фольклора. 26-28 марта 1959. – Нальчик: КБНИИ, 1960. – 144 с.
- Материалы 1960b – *Материалы* научной сессии КБНИИ по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22-26 июня 1959 г.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – 336 с.
- Материалы 1962 – *Материалы* и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Тексты. Переводы. Комментарии. Словарь / Под ред. А.Ю. Бозиева. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. – 200 с.
- Нартла 1995 – *Нартла* (Нарты) / Сост. М. Журтубаев, Х. Малкондуев. – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 464 с.
- Пропп 1964 – *Пропп В.Я.* Принципы классификации фольклорных жанров // Советская этнография. – 1964. – № 4. – С. 147-154.
- Пропп 1976 – *Пропп В.Я.* Жанровый состав русского фольклора // *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность: Избранные статьи. – М.: Наука, 1976. – С. 46-82.
- Урусбиева 2001 – *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарский фольклор (К вопросу о типологии развития жанров) // *Урусбиева Ф.А.* Избранные труды: очерки, эссе, статьи. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – С. 3-70.
- Урусбиева 2010 – *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. – 128 с.
- Хаджиева 1994 – *Хаджиева Т.М.* Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука. Восточная литература, 1994. – С. 8-66.
- Хаджиева 1996 – *Хаджиева Т.М.* Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыкълары (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев) // Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): Хрестоматия. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – С. 6-37.
- Хаджиева 2014 – *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – С. 522-584.
- Холаев 1974 – *Холаев А.З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 144 с.
- Холаев 1981 – *Холаев А.З.* Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – С. 13-31.
- Ципинов 2004 – *Ципинов А.А.* Мифо-эпическая традиция адыгов. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 177 с.

REFERENCES

ALIEV S.Ch. *K"arachai khalk"ny el bergen dzhomak"lary* [Karachay national riddles]. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1984. – 216 p. (In Karachai)

ALIEVA F.A. *Vzaimosvyazi zhanrov ustnoi prozy v fol'klоре narodov Dagestana* [Interrelations of oral prose genres in the folklore of the peoples of Dagestan]. – Makhachkala: ООО «Delovoi mir», 2008. – 364 p. (In Russian)

BERBEROV B.A. *Tema narodnoi tragedii v karachaevo-balkarskoi poezii (na materiale ustnoi i pis'mennoi slovesnosti 1943-2000 gg.)* [The theme of national tragedy in karachay-balkarian poetry (on the material of oral and written literature 1943-2000)]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – 215 p. (In Russian)

BITTIROVA T.Sh. *Al sez* [Introduction]. IN: *Alg"yshla, nart taurukhla, zhomak"la, zhyrla, elberle...* [Wishes, legends about narts, fairy-tales, songs, riddles...: Readings on karachai-balkarian folklore. Collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva]. – Nalchik: El'brus, 1997. – P. 3-22. (In Balkar)

GERGOKOVA (ETEZOVA) L.S. *Yazyk karachaevo-balkarskogo geroicheskogo eposa* [The language of Karachai-Balkar heroic epic «Narts»]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. – 140 p. (In Russian)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.Kh. *K probleme vnurizhanrovoi klassifikatsii karachaevo-balkarskikh narodnykh skazok* [To the problem of intragenre classification of Karachai-Balkar national fairy-tales]. IN: *Aktual'nye voprosy karachaevo-balkarskoi filologii* [Topical problems of Karachai-Balkar philology]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. – P. 226-230. (In Russian)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.Kh. *Karachaevo-balkarskaya narodnaya skazka* [Karachai-Balkar national fairy-tales]. IN: *Tipologiya i poetika traditsionnogo fol'klora narodov Severnogo Kavkaza* [Typology and poetics of traditional folklore of peoples of North Caucasus]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2016. – P. 58-65. (In Russian)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.Kh. *Karachaevo-balkarskaya nesказochnaya proza i ee traditsii v balkarskoi literature* [Karachai-Balkar unfairy-tale prose and its tradition in Balkar literature]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. – 152 p. (In Russian)

GUSEV V.E. *Estetika fol'klora* [Aesthetics of folklore]. – Leningrad: Nauka, 1967. – 319 p. (In Russian)

K"arachai-malk"ar fol'klor (Karachaevo-balkarskii fol'klor): Khrestomatiya / Sost. T.M. Khadzhiyeva [Karachai-Balkar folklore: Readings. Compiler T.M. Khadzhiyeva]. – Nalchik: El'-Fa, 1996. – 529 p. (In Balkar)

K"arachai-malk"ar fol'klornu svodu. 3-chyу tom. K"arachai-malk"ar zhomak" (Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora. Tom 3. Karachaevo-balkarskaya skazka) / Otv. red. Kh.Kh. Malkonduev [The compilation of Karachai-Balkar folklore. Vol. 3. Karachai-Balkar fairy-tale. Editor-in-chief and author of introductory articles Kh.Kh. Malkonduev]. – Nalchik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 990 p. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/3-Svod-karach-balk-fol'k.pdf> (date of access: 18.06.2019). (In Balkar)

K"arachai-malk"ar khalk" zhomak"la: ekikitap toblamasy. 1-chi kitaby [Karachai-Balkar national fairy-tales: in 2 books. Book 1. Compiler S.A. Musukaeva]. – Nalchik: El'brus, 2012. – 592 p. (In Balkar)

K"arachai-malk"ar oiberle bla elberle (Karachaevo-balkarskie pritchi i zagadki) / Sost. M.M. Ol'mezov [Karachai-Balkar parables and riddles. Compiler M.M. Ol'mezov]. – Nalchik: El'brus, 2010. – 456 p. (In Balkar)

K"arachai-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu. Yuchtomluk". 1-chi tomu. A-Zh (Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka. V 3-kh tomakh. T. 1. A-Zh) / Otv. red. Zh.M. Guzeev [The explanatory dictionary of Karachai-Balkar language: in 3 volumes. Vol. 1. A-Zh. Editor-in-chief Zh.M. Guzeev]. – Nalchik: El'-Fa, 1996. – 1019 p. (In Balkar)

Karachaevo-balkarskii fol'klor v dorevolutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh / Sost., vstup. stat'ya i kommentarii A.I. Alievoi; otv. red. T.M. Khadzhieva [Karachai-Balkar folklore in pre-revolutionary records and publications. Compiler, author of introductory article and comments A.I. Alieva; editor-in-chief T.M. Khadzhieva]. – Nalchik: El'brus, 1983. – 432 p. (In Russian)

KHADZHIEVA T.M. *Fol'klor* [Folklore]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkars]. – Moscow: Nauka, 2014. – P. 522-584. (In Russian)

KHADZHIEVA T.M. *Malk"arlylany bla k"arachailylany khalk" poeziya chyg"armachylyk"lary* [Folk poetry of Balkars and Karachais]. IN: *K"arachai-malk"ar fol'klor (Karachaevo-balkarskii fol'klor): Khrestomatiya* [Karachai-Balkar folklore: Readings]. – Nalchik: El'-Fa, 1996. – P. 6-37. (In Balkar)

KHADZHIEVA T.M. *Nartskii epos balkartsev i karachaevtsev* [The Nart epic of Balkars and Karachais]. IN: *Narty. Geroicheskii epos balkartsev i karachaevtsev* [Narts. The heroic epic of Balkars and Karachais]. – Moscow: Nauka. Vostochnaya literatura, 1994. – P. 8-66. (In Russian)

KHOLAEV A.Z. *Karachaevo-balkarskii nartskii epos* [Karachai-Balkar Nart epic]. – Nalchik: El'brus, 1974. – 144 p. (In Russian)

KHOLAEV A.Z. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* [Folk oral poetry]. IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury* [Essays on the history of Balkar literature]. – Nalchik: El'brus, 1981. – P. 13-31. (In Russian)

MALKONDUEV Kh.Kh. *Fol'klor i fol'kloristika* [Folklore and folklore study]. IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury* [Essays on the history of Balkar literature]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 2010. – P. 8-35. (In Russian)

MALKONDUEV Kh.Kh. *Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda (konets XIV-XVIII veka)* [Historical and heroic songs of the Karachai-Balkar people (the end of 14-18th centuries)]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – 312 p. (In Russian)

MALKONDUEV Kh.Kh. *K"arachai-malk"ar fol'klornu em erttegili zhanrlary. Mifl. Terele. Epos. Zhomak"la* [The most ancient genres of Karachai-Balkar folklore. Myths. Rites. Epos. Fairy-tales]. – Nalchik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2018. – 132 p. (In Balkar)

MALKONDUEV Kh.Kh. *Karachaevo-balkarskaya narodnaya skazka* [Karachai-Balkar national fairy-tale]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 184 p. (In Russian)

MALKONDUEV Kh.Kh. *Karachaevo-balkarskii nartskii epos. Teoriya. Istorizm. Samobytnost'* [Karachai-Balkar Nart epic. Theory. Historicism. Originality]. – Nalchik: Print Tsentr, 2017. – 148 p. (In Russian)

MALKONDUEV Kh.Kh. *Obryadovo-mifologicheskaya poeziya balkartsev i karachaevtsev* [Ritual and mythological poetry of Balkars and Karachais]. – Nalchik: El'-Fa, 1996. – 272 p. (In Russian)

MALKONDUEV Kh.Kh. *Poetika karachaevo-balkarskoi narodnoi liriki XVI–XIX vekov.* – Ch. 1. – Nalchik: El'-Fa, 2000. – 320 p. (In Russian)

Materialy i issledovaniya po balkarskoi dialektologii, leksike i fol'kloru. Teksty. Perevody. Kommentarii. Slovar' / Pod red. A.Yu. Bozieva [Materials and studies on Balkar dialectology, lexicon and folklore. Texts. Translations. Comments. Vocabulary. Edited by A.Yu. Boziev]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – 200 p. (In Russian)

Materialy nauchnoi sessii KBNII po probleme periodizatsii, otbora i publikatsii adygeiskogo, kabardinskogo, cherkesskogo, balkarskogo i karachaevskogo fol'klora. 26-28 marta 1959 [Materials of scientific session of KBSRI on the problem of periodization, selection and publication of the adyge, kabardin, circassian, balkari and karachai folklore. March 26-28, 1959]. – Nalchik: KBNII, 1960. – 144 p. (In Russian)

Materialy nauchnoi sessii KBNII po probleme proiskhozhdeniya balkarskogo i karachaevskogo narodov (22-26 iyunya 1959 g.) [Materials of scientific session of KBSRI on the problem of the Balkar and Karachai peoples's origins (June 22-26, 1959)]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. – 336 p. (In Russian)

Nartla (Narty) / Sost. M. Zhurtubaev, Kh. Malkonduev [Narts. Compilers M. Zhurtubaev, Kh. Malkonduev]. – Nalchik: El'brus, 1995. – 464 p. (In Balkar)

PROPP V.Ya. *Printsipy klassifikatsii fol'klornykh zhanrov* [Principles of classification of folklore genres]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1964. – No 4. – P. 147-154. (In Russian)

PROPP V.Ya. *Zhanrovyi sostav russkogo fol'klora* [Genre composition of Russian folklore] IN: Propp V.Ya. *Fol'klor i deistvitel'nost': Izbrannyye stat'I* [Folklore and reality: Selected articles]. – Moscow: Nauka, 1976. – P. 46-82. (In Russian)

TSIPINOV A.A. *Mifo-epicheskaya traditsiya adygov* [Mythic-epic tradition of Adyghe]. – Nalchik: El'-Fa, 2004. – 177 p. (In Russian)

URUSBIEVA F.A. *Karachaevo-balkarskaya skazka. Voprosy zhanrovoi tipologii* [Karachai-Balkari fairy-tale. Questions of genre typology]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2010. – 128 p. (In Russian)

URUSBIEVA F.A. *Karachaevo-balkarskii fol'klor (K voprosu o tipologii razvitiya zhanrov)* [Karachai-Balkar folklore (To the question of typology of development of genres)]. IN: Urusbieva F.A. *Izbrannyye trudy: ocherki, esse, stat'I* [Selected works: sketches, essays, articles]. – Nalchik: El'brus, 2001. – P. 3-70. (In Russian)

УДК 821.352.3

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-176-192

**ДЕТЕКТИВ: К ПРОБЛЕМЕ ВАРИАТИВНОСТИ ОСНОВНОГО
СОБЫТИЯ И ПЕРСОНАЖЕЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ А. САРАХОВА)**

И.А. КАЖАРОВА

*Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты развития детективной прозы, необходимые для понимания статуса детектива в кабардинской литературе. Кратко представлена функциональность стереотипов восприятия и «памяти жанра», что проявляет себя в истории осмысления отечественного детектива как постоянная обращенность к зарубежным истокам жанра. Рассматриваются причины непопулярности детектива в кабардинской литературе, роль ментальных установок и их связь с особенностями истории письменной культуры. На материале повестей «Дело – табак», «Карточный долг» и «Эбарг» современного писателя А.А. Сарахова прослеживаются наиболее заметные особенности, индивидуализирующие жанр «полицейского детектива» в творчестве конкретного автора. В данном случае ими оказывается вариативность основного события и персонажей. Отсутствие научных работ, посвященных жанру детектива в кабардинской литературе и творчеству А.А. Сарахова, обуславливает актуальность представленного исследования.

Ключевые слова: полицейский детектив; Александр Сарахов; персонаж; ситуация; традиция.

**DETECTIVE STORY: TO THE PROBLEM OF VARIABILITY OF THE
MAIN EVENT AND CHARACTERS
(BY THE CASE OF A. SARAKHOV'S STORIES)**

I.A. KAZHAROVA

*Institute of Humanitarian Researches – filial of the Federal State Budgetary Scientific
Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Abstract. The article discusses aspects of the development of detective prose, necessary for understanding the status of a detective in Kabardian literature. The functionality of stereotypes of perception and «memory of the genre» is briefly presented, which manifests itself in the history of understanding a domestic detective story as a constant appeal to the foreign sources of the genre. The reasons for the detective's unpopularity in Kabardian literature, the role of mental attitudes and their connection with the peculiarities of the history of written culture are examined. The material of the novels «The Case is Tobacco», «Card Debt» and «Ebarg» by the contemporary writer

A.A. Sarakhov show the most noticeable features that individualize the genre of “police detective” in the work of a particular author. In this case, they turn out to be the variability of the main event and the characters. The lack of scientific works devoted to the genre of the detective in Kabardian literature and the work of A.A. Sarakhov determines the relevance of the presented study.

Keywords: police detective; Alexander Sarakhov; character; situation; tradition.

Детектив. Стереотипы восприятия и «память жанра»

Среди приметных черт движения жанра детектива в отечественной литературе можно назвать псевдоевропейскость на стадии его зарождения и абсолютную освоенность его в «местном материале» на современном этапе. В первом случае обычно упоминается популярность анонимных книжек о Нате Пинкертоне, серии повестей «Месс-Менд» (1923-1925) Мариэтты Шагинян, выступившей под европеизированным псевдонимом Джим Доллар, во втором – активно публикуемые, читаемые и экранизируемые произведения Б. Акунина, Т. Устиновой, А. Марининой, П. Дашковой и ряда других мастеров жанра. Оценивая историю осмысления детектива, можно констатировать, что в России интерес к нему проявился в начале минувшего столетия и уже тогда в нем склонны были видеть не просто факт литературы, а некое социокультурное явление. В таком качестве первыми его стали рассматривать С.М. Эйзенштейн и К.И. Чуковский [Ревич 1987: 91]. С момента появления его в отечественной литературе он часто испытывал неблагоприятное к себе отношение, но, так или иначе, внимание к нему с течением времени только нарастало.

Так, опубликованная в 1978 году статья А. Вулиса «Поэтика детектива» открывается высказываниями разных авторов о популярности этого жанра. И здесь же А. Вулис подмечает любопытный аспект, который по наши дни определяет стиль большинства подобных трудов: «Настораживает в процитированных репликах нотка извинения, одинаково явственная и в шестьдесят пятом году, <...> и в семьдесят третьем <...>. И вполне понятная: давно ли детектив расценивался общественным мнением как типичный образец антилитературы!» [Вулис 1978: 244]. Речь идет об устойчивых стереотипах восприятия детектива и перспективе их преодоления. Но примечательно, что подобное наблюдается и в размышлениях зарубежных авторов. Показателен в этом смысле сборник «Как сделать детектив» (1990), представивший работы признанных мастеров и теоретиков жанра, среди которых Артур Конан Дойл, Г.К. Честертон, С.С. Ван Дайн, Д. Сейерс, Рональд Нокс, Эрл Стенли Гарднер, Буало-Нарсежак и целый ряд других знаковых имен. Резюмируя их высказывания, Г. Анджапаридзе обращает внимание на то, что большинство авторов занимает «оборонительную» позицию: «<...> писатели читаемые и признанные, не чистые теоретики, а полновесные практики жанра, как будто постоянно несут некий комплекс неполноценности и все время стараются защитить свой любимый жанр» [Как сделать... 1990: 280]. Данное обстоятельство кажется несколько странным, поскольку для отечественных исследователей и читателей именно в зарубежном детективе просматривается изначальность жанра, некий его эталон. Прямо или подспудно, но эта

соотнесенность с началом присутствует в истории осмысления детектива постоянно. Скажем, она просматривается в рассуждениях К. Чуковского о профанации ценностей современной ему беллетристики, конкретно – в «сыщицкой литературе» о Нате Пинкертоне, где становится очевидным аномально ускоренное преобразование «эпического героя одной страны в эпического героя другой» [Чуковский 2012: 43]. Образ отечественного Пинкертона он объясняет «перекраиванием» в сознании полуграмотной публики прототипа – Шерлока Холмса: «И когда прошло три-четыре года после того, как Шерлок Холмс оторвался от своего индивидуального, случайного создателя и канул в самую глубь многомиллионного моря человеческого, он вынырнул оттуда на поверхность и, снова воплотившись в литературе, предстал перед нами, как нью-йоркский сыщик, король всех сыщиков – Нат Пинкертон» [Чуковский 2012: 43]. Та же соотнесенность, но уже через отрицание, дает себя знать в идеологически «обоснованных» временах взглядах, когда, например, утверждается превосходство советской литературы «о деятельности секретных агентов» над современной ей западной «шпионской» литературой, наполненной «антикоммунистической клеветой, расистскими измышлениями, культом суперменства» [Ревич 1987: 91]. Стоит также обратить внимание, что в упомянутой статье А. Вулиса поэтика детектива детализируется им в свете некой «чистой культуры детектива» [Вулис 1978: 247], однако нигде прямо не оговаривается, какие конкретно произведения можно было бы к ней отнести. Тем не менее, исходными в последующих размышлениях об особенностях композиции, сюжета, типах героев и пространства оказываются приемы, характерные для А. Конан-Дойля, А. Кристи, Э. Гарднер, Эллери Квина.

Чтобы «рассматривать происхождение не некоего детектива вообще, а конкретных жанров криминальной литературы» [Кириленко 2016: 40], современный исследователь Н. Кириленко ставит вопрос о жанровом инварианте и генезисе классического детектива. Классика при этом закономерно представлена образцами зарубежного детектива. Но важно заметить, что многие из основных аспектов, которые участвуют в описании жанра классического детектива, функциональны и для отечественного детектива, во всяком случае, они способны придать последовательность его интерпретации, сделать более очевидным все то, что его индивидуализирует. Вряд ли в отечественной литературе есть еще одно явление, для которого столь устойчива подобная соотнесенность, так значима «память жанра» (М. Бахтин), отсылающая к зарубежным корням.

Детектив как феномен массовой литературы и ментальный контекст

Когда заходит речь о детективе отдельных национальных литератур, вопрос истоков, соотнесенность с эталоном обрывается дополнительными нюансами. Так, детективные произведения адыгской литературы – явление относительно позднее, и то, что в истории русского детектива явилось одним из этапов его развития, здесь обрело значимость формирующего начала. Конечно, это не отрицает «памяти жанра», о которой мы только что говорили, но именно

на этапе формирования детектива в адыгской литературе (память эта присутствует скорее в опосредованном и модифицированном виде) воздействие ее в большей мере опосредованное. Первые детективы кабардинской литературы появляются в годы, когда стали уже вполне определенными признаки советского детектива «особого типа». Этот тип обозначился сразу после опытов создания детектива, стилизованного под европейский, вот как характеризует его Д. Николаев: «<...> а затем складывается особый тип советского детектива, получивший распространение и в других странах, в котором конфликт добра и зла рассматривается в рамках противоречий антагонистических классов, а потом трансформируется в трактуемый в соответствии с господствующей идеологической установкой конфликт социального и антисоциального» [Николаев 2001: 222-223]. Именно в таком контексте зарождались первые детективы кабардинской литературы. Причем в наибольшей мере формирующее влияние на них оказал вид советского детектива, называемый «милицейским».

Кабардинская литература заявила себя в жанре детектива через дилогию «По следам Карабаира» (1969) и «Кольцо старого шейха» (1975) Рашида Пшемаховича Кешокова. Вступление это было весьма успешным, если вспомнить, что романы, как и их экранизация, пользовались в СССР популярностью. Уже в наши дни увидел свет третий роман Р.П. Кешокова – «Двойной пароль». «Известно, что автор завершил работу над ним в октябре 1970 года. Эта дата указана на рукописи романа. Р.П. Кешоков скоропостижно скончался в 1974 году, так и не успев издать свое произведение» [Кешоков 2014: 5]. Издание романа состоялось только в 2014 году.

Нельзя сказать, что успех романов Р.П. Кешокова был каким-либо образом закреплен в кабардинской литературе – жанр детектива по настоящее время так и не проявил здесь активности. Говорить об определяющих чертах кабардинского детектива, даже поверхностно, было бы явной натяжкой – ряд обозначившихся в нем имен и произведений пока еще слишком малочислен. В настоящее время можно назвать лишь одного автора, который последовательно выступает в этом жанре – Александр Аюбович Сарахов.

Как и в случае со знаменитым предшественником, тяготение А. Сарахова к жанру детектива определила профессия. Старший советник юстиции, Почетный работник прокуратуры РФ, он много лет проработал в органах прокуратуры КБР. Отдельные издания художественной прозы А. Сарахова стали появляться еще в 80-х годах.

Интересный факт его творческой биографии, выходящий также на историю жанра детектива в кабардинской литературе, отражен в эпизоде «Вместо послесловия» повести «Дело – табак»: «В 2001 году в Нальчике был объявлен конкурс на лучшее детективное произведение. Он был посвящен памяти основоположника этого жанра в местной литературе Рашида Кешокова. Одним из организаторов выступил главный редактор газеты «Адыгское слово» М. Хафице. Увековечить память Рашида Кешокова было делом благородным. С Рашидом Пшемаховичем я был хорошо знаком по работе и в жизни, мы строили совместные творческие планы. Мне посчастливилось быть

рецензентом первой книги Р. Кешокова «По следам Карабаира». По этому произведению был поставлен одноименный фильм. Кешоков долгое время работал в органах внутренних дел и прокуратуры. Он не понаслышке знал то, о чем писал.

Условия конкурса, опубликованные в газете, были простые и понятные: не имело значения, кто создал произведение и на каком языке оно написано. С учетом этих обстоятельств и моего 35-летнего опыта работы в прокуратуре, я принял однозначное решение участвовать в конкурсе. Имея под руками достаточный исходный материал, я написал повесть, которую вы держите в руках. 23 января 2003 года готовая рукопись была вручена лично М. Хафице.

<...> Вопреки объявленным условиям, решающим фактором для допуска на конкурс явилось не то, что написано, а то, кто является автором произведения. Как говорится, чужие здесь не ходят! Предубеждение – суть предвзятости. Фактически на конкурс не было представлено ни одного произведения, отвечающего детективному жанру, как это принято понимать» [Сарахов 2004: 144].

Упомянутый конкурс был организован «Бизнес клубом» города Нальчика и газетой «Адыгское слово». Необходимость в нем определила не только знаменательная дата, но и пассивность жанра детектива в адыгской литературе: «Мы надеемся, что наш конкурс вдохнет новую жизнь в обделенный вниманием адыгских авторов, но любимый многими читателями жанр» [Конкурс... 2003: 3]. Среди опубликованных были произведения М. Кармокова, З. Гучаева, Б. Журтова и других.

Замечание А. Сарахова о непричастности представленных на конкурс произведений к детективному жанру отсылает нас к проблеме различения детективной литературы и литературы с детективными элементами. Наиболее внятной в этом отношении представляется нам позиция А. Вулиса, который не склонен расширять рамки определения детектива, поскольку в произведениях с детективными элементами «<...> особые по сравнению с детективом идейно-художественные установки» [Вулис 1978: 247]. В подтверждение он приводит образцы отечественной литературы: «вспомним для примера, что «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» в сюжетном отношении настоящие детективы с Остапом Бендером в роли сыщика. Однако в романах И. Ильфа и Е. Петрова, **помимо детектива, есть еще что-то, и это «что-то» оказывается для нас, как и для авторов, важнее детективного интереса**» (выделено нами. – И.К.) [Вулис 1978: 258]. Как более сложный синтез детективного интереса и иных элементов – проза А. Адамова: «В его романах персонажи предстают перед читателями во многих подробностях своей личной, а главное, деловой жизни. Вот почему можно сказать, что это производственные романы из жизни милиции, то есть серьезная литература» [Вулис 1978: 258].

Если отталкиваться от идейно-художественных установок, станет очевидно, что в представленных на конкурс произведениях тяготение к синтезу с элементами детективной прозы было выражено в большей степени, чем непосредственная принадлежность к жанру детектива. Также надо отметить, что высказанные тогда надежды на более активное развитие детектива в

адыгской литературе, к сожалению, не оправдались. И вероятно, этому есть причины. Как видится нам, они имеют ментальную обусловленность.

В истории письменной культуры народов Северного Кавказа крайне сложно вычленить массовую литературу. Происходит так потому, что все рождающееся в области художественной словесности, нацелено здесь на вхождение в контекст серьезной, или, как ее еще обозначают, большой литературы. В итоге можно наблюдать образование первого и второго рядов, но никак не вычленение феномена массовой литературы. Разумеется, это не означает, что массовая культура не получила в национальной среде и на национальных языках широкого распространения и популярности. К слову, полнее всего она воплотилась в песенной культуре, – последняя оказалась более раскрепощенной, – но именно художественной литературы она коснулась в наименьшей степени. Немного забегаая вперед, стоит заметить, что массовая культура тоже имеет разные уровни художественности.

Детектив – явление массовой литературы. Это положение не нуждается в особой аргументации. Сомнения высказываются редко, и самым обоснованным, по замечанию Н.Г. Мельникова, является то, что «“высокая” литература, равно как и “массовая”, – изменчивые величины литературной системы. Они не сводимы к некоему неизменному и неизменному единству (в том случае, если понимать их как обозначение ценностного литературного “верха” или “низа”). Эти величины претерпевают порой кардинальные изменения в своем составе и по-разному интерпретируются сторонниками противоборствующих школ и направлений» [Мельников 2006: 581]. Н. Кириленко, касаясь классификации подвидов криминальной литературы, склоняется к тому, что «Понятие *массовая литература* в нее включено быть не может, поскольку, во-первых, оно не имеет отношения к структуре текста, а во-вторых, представления о *массовой* и *высокой* литературе подвижны, «они легко и постоянно обмениваются признаками» (Ю.М. Лотман)» [Кириленко 2016: 33]. Относительно первой части высказывания можно отметить, что непричастность понятия «массовая литература» к структуре текста все же не способна упразднить той очевидности, что детектив ориентирован на стереотипы массового искусства. Особенно сегодня. Внушительный поток отечественной детективной литературы, как пишут авторы, исследующие контекст массового искусства, отлично коррелирует с кинематографом, сериалами, ток-шоу [Черняк 2013: 209-212]. Относительно неизбежного процесса обмена признаками, сразу же возникает вопрос: так ли часты случаи причисления детективов к литературному «верху»? Утверждать, что подобное характерно, не приходится. Учитывать иные конвенции здесь необходимо, и кроются они в более детальном понимании феномена массовой культуры: «Литературные явления, обозначаемые термином «массовая литература», настолько неоднородны, а порой и разнокачественны, что в свою очередь предполагают еще одно вертикальное измерение, выстраивание еще одной ценностной пирамиды. На ее вершине оказываются «образцовые», «классические» в своем роде произведения (такие, как приключенческие романы А. Дюма или детективные истории Агаты Кристи), имеющие долговременный,

повсеместный успех и претендующие на то, чтобы занимать пограничное, промежуточное положение между «высокой» литературой и «массовой» литературой как «паралитературой» <...> [Мельников 2006: 582-583]. На наш взгляд, в свете такой градации даже повсеместно признанные шедевры, или, выражаясь иначе, классика детективного жанра могут достичь только «срединного положения» между большой (Анджапаридзе) и массовой литературой, и, судя по всему, дальнейшего перехода не произойдет.

Мы предполагаем, что неявленность массового слоя в литературах народов Северного Кавказа может быть связана с тем, что художественная письменность, книгопечатание, имеющие здесь не столь давние традиции, мало ассоциированы с развлекательной функцией культуры. Массовая литература, конечно же, востребована, но главным образом это либо переведенные на русский произведения зарубежных авторов, либо русскоязычные произведения широко известных российских авторов. Кстати говоря, то обстоятельство, что детективы Р. Кешокова и А. Сарахова написаны на русском языке, словно придает им дополнительную убедительность, закрепляя их принадлежность к жанру.

Что касается развлекательной функции, она имеет место быть, иное дело, что редко принимается во внимание и не всегда верно истолковывается. На это обращает внимание Г. Анджапаридзе. Размышляя о принадлежности детектива к массовой литературе, он весьма тонко подмечает аспект, как правило, ускользающий в теоретических рассуждениях о функциях и предназначении искусства, литературы в том числе: «В нашей стране изучение читательских интересов, иными словами, читательского спроса, по существу, никогда не проводилось. Более того, признание читателей в том, что они ищут в книгах развлечения и отвлечения от повседневных забот, стыдливо списывалось на интеллектуальную неразвитость. Справедливо признавая воспитательную и образовательную функцию литературы, мы игнорировали и даже как будто стеснялись иных ее функций, например, развлекательной» [Как сделать... 1990: 281].

Выходит, что непопулярность детектива в кабардинской литературе может объясняться тем, что в национальной культуре народов Северного Кавказа массовый уровень письменной художественности не проявлен, а это обстоятельство дополнительно усугубляется некоторыми стереотипами восприятия самого феномена массового искусства, не говоря уже о стереотипах восприятия детективного жанра.

Вариативность персонажей и основного события как индивидуализирующие аспекты «полицейского детектива» в творчестве А.А. Сарахова

Неисследованность детектива в кабардинской литературе делает актуальными любые научные подступы к нему. Нас интересует вариативность персонажей и основного события в детективах А. Сарахова. Избранный аспект обозначился при прочтении повестей «Дело – табак» (2004), «Карточный долг»

(2011) и «Эбарг» (2015). Как представляется нам, он способен привести к выводам об индивидуализации жанра в творчестве конкретного автора.

Перечисленные повести можно отнести к подвиду, который принято называть «полицейский детектив» (в отечественной литературе и до недавнего времени – «милицейский»). Последний характеризуется как «жанр литературного произведения, лежащего на стыке детектива и производственного романа»¹. Однако в повестях А. Сарахова не наблюдается той проницаемости границ, которую описывает А. Вулис: «как правило, ситуация «жанр в жанре» разрешается ассимиляцией детективного начала, погашением его приключенческого пафоса, «приручением» троянского коня» [Вулис 1978: 247]. У А. Сарахова минимизировано все, что лежит за пределами расследования: подробности быта, деловой и личной жизни, показ внутреннего мира, характера. Наиболее явное отступление от этого принципа – в повести «Эбарг». После короткой экспозиции, в которой сообщается о преступлении и именах подозреваемых, следует глава с подробным, основанным на документальных свидетельствах повествованием о депортации ингушского и чеченского народов, что, в свою очередь, служит «предысторией» главного преступника, «абрека поневоле» Тархана Хангиева. И, тем не менее, все это не преобразует детективную линию в социально-политическую. Напротив, наметившаяся было перестановка акцентов быстро сходит на нет. Так же не проявляют функциональности мелькнувший на определенном отрезке повести образ возлюбленной Хангиева, описание свадебного обряда ингушей, личная история одного из следователей – Бориса Карданова. Эти эпизоды не приводят к ассимиляции детективной линии. Некоторые даже выпадают из общего поля событий. Иначе говоря, «что-то» иное не оказывается здесь «важнее детективного интереса» (А. Вулис).

Резонно предположить, что подобная устойчивость основной линии обусловлена тем, что жанр полицейского детектива в отечественной литературе уже ко второй половине XX века сумел наработать богатые и вполне определенные традиции. Исследовательские наблюдения убедительно доказывают это. Так, сопоставляя отличительные особенности классического детектива и полицейского романа, Н. Кириленко и О. Федунина по сути описывают традиции того и другого [Кириленко, Федунина 2010]. Исследовав большое количество текстов, они детально отразили в специальной таблице облик сформировавшейся традиции. Здесь различные аспекты, среди которых типология сюжета, заглавия, героя (сыщика, преступника и жертвы), художественного времени и пространства, расследования и многое другое. (Разумеется, выявленные аспекты типичны не только для романной формы). Но наиболее красноречивой оказывается сама по себе необходимость подобного сопоставления. Она говорит о том, что в настоящее время для произведения,

¹ Полицейский роман // Википедия. Свободная энциклопедия: сайт. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD (дата обращения: 14.03.2019).

написанного в жанре полицейского детектива, не столько актуален стык с производственным романом, сколько соотносимость с жанром классического детектива. Причем соотносятся они не как основа и ее некое производное, а как две равноправные жанровые величины.

Одна из черт, присущих детективам А. Сарахова – ориентированность на повествование о криминальных происшествиях, имевших место в реальности. Упоминание об этом есть в предисловиях и аннотациях к его книгам: «Автор повести интерпретирует реальные события, имевшие место в следственной практике недавнего времени» («Дело – табак») [Сарахов 2004: 3]; «В книге использованы материалы из практики. Большинство персонажей вымышленные» («Эбарг») [Сарахов 2015: 2]. **«Через мои руки прошло немало уголовных дел. В том числе связанных с репрессиями 30-х годов. Именно они стали основой для повестей и романов», – замечает он в одном из интервью¹.**

В предпочтении реальной основы вымыслу А. Сарахов, конечно же, не одинок. Как известно, тем же принципом руководствовался и Р. Кешоков. Любопытно, что мастер шпионского романа Сомерсет Моэм в очерке «История упадка и разрушения детективного романа» настаивал, что «если какая-то история произошла в реальной жизни, это еще не делает ее пригодным литературным сюжетом. Жизнь полна невероятных вещей, которые противопоказаны литературе» [Как сделать... 1990: 79]. Понятно, что использование реальной основы не означает слепого копирования. Можно предположить, что А. Сарахов изменяет не только имена героев, но ход некоторых событий. И, тем не менее, очевидно, что в его понимании реальность, положенная в основу произведения, есть не просто доступный ему и освоенный до мелочей «материал» для творчества, а нечто большее. На эту мысль наталкивают финалы его повестей.

Предопределенность финала детективного произведения уже давно стала характеристикой жанра: «Детектив – художественное произведение с особым типом построения сюжета, в основе которого лежит реализованный в раскрытии преступления **конфликт добра и зла, разрешающийся победой добра** (выделено нами. – И.К.) [Николаев 2001: 222]; «Непременное свойство детектива как жанра – конечное торжество добра. Сколь ни изобретателен, сколь ни коварен преступник, финал неотвратим. Порок будет наказан, и добродетель восторжествует» [Вулис 1978: 249]. Но, вопреки традициям жанра, добродетель в повестях А. Сарахова торжествует не всегда, и конец истории может оставаться открытым. Столь явное отступление от традиции позволяет предположить, что для автора важно сохранить в сюжетной линии правду жизни, не приукрашенную художественно.

В финале повести «Дело – табак» разоблачается следователь Махмуд Кушаханов, прикрывавший действия преступной группировки. Назначается

¹ Человек на своем месте. Александр Сарахов. На страже закона // Сайт «Фонд черкесской культуры «Адыги» им. Ю.Х. Калмыкова». URL: <http://fond-adygi.ru/page/chelovek-na-svoem-meste-aleksandr-sarahov> (дата обращения: 12.05.2019).

дополнительное расследование. Казалось бы, намечаются признаки торжествующей справедливости. На самом деле справедливость оказывается лишь иллюзией: «Дополнительное расследование велось с трудом и большими препятствиями. Принятыми мерами разыскать Хокинаву и товар не удалось. Возможно, поиски велись не слишком тщательно. Исчезли бесследно и другие лица, крутившиеся вокруг «табачного пирога».

Следствие было приостановлено на неопределенный срок. Дело – табак.

Кушаханов досрочно был отправлен на пенсию. Ему была отведена роль козла отпущения. Овцы целы. Волки сыты» [Сарахов 2004: 143]. Взаимное укрывательство в «верхах» процветает. На этом фоне уже «теряются» фигуры непосредственных участников преступления – Нодара Маргаришвили и Лили Корсуненко, и не столь значимо то, что они «вынуждены коротать время в муках страданиях» [Сарахов 2004: 143].

Подобным же образом размышляет повествователь о раскрытом преступлении в «Карточном долге»: «Овцы целы, и волки сыты. Главные виновники остались безнаказанными. Махраев стал жертвой системы. Попытки угодить мафии закончились для него печально» [Сарахов 2011: 218]. В финале этой повести справедливость торжествует, пожалуй, лишь для следователя Леонида Баркизова. Наказанный за свою принципиальность постепенным вытеснением, а в итоге и увольнением из правоохранительных органов, он получил возможность вернуться в профессию благодаря счастливой случайности – смене политического строя. Но такая «возможность» выпадает нечасто, и это понятно всякому.

Если в событии детектива основной конфликт определяется противостоянием морали сыщика и морали преступника, то А. Сарахов не скрывает, что и сыщицкий мир также подвержен пороку. Внутри этого мира обозначается своя линия преступников, иное дело, что пафос борьбы, преследования и разоблачения здесь не просто отсутствует, но вроде даже бессмыслен. Разоблачение – если оно происходит – больше по удачному стечению обстоятельств. И вряд ли за разоблачением последует заслуженное наказание. «Где же она, правда? Как поступить дальше, к кому обратиться? Написать прокурору? А что толку от того? Он тоже на побегушках у самого первого. Может быть, в Москву? Тоже не годится, пришлют обратно и мафиози будут издеваться еще сильнее. Баркизов не находил для себя выхода» [Сарахов 2011: 152-153]. Положение, гласящее, что «разоблачение в детективе – эквивалент наказания» (А. Вулис) в мире преступных сыщиков и власть предержавших слабо оправдано.

Более типичный детективный финал находим в повести «Эбарг»: сколь бы ловки и изворотливы ни были преступники, которым удалось совершить побег из здания суда, наказание оказывается неотвратимым. Однако и линия «преступных сыщиков» здесь красноречиво отсутствует.

Противостояние сыщика и преступника выводит нас к аспектам изображения персонажа.

Персонаж (иначе – герой, характер) в любом прозаическом жанре обращает на себя внимание в первую очередь. Именно его специфика чаще

всего обладает наибольшей наглядностью. Подразумеваемое под детективным персонажем может по-разному конкретизироваться у разных исследователей и тем самым дополнять друг друга. Так, Д. Николаев пишет, что «ключевыми в системе персонажей детектива являются три героя – жертва, преступник и сыщик, причем в противостоянии двух последних реализуется конфликт зла и добра, а жертва в большинстве случаев не участвует в конфликте непосредственно и поэтому не должна вызывать ни антипатии, ни сострадания у читателей» [Николаев 2001: 222]. Н. Кириленко акцентирует одну из сторон этой триады: «<...> основным критерием я полагаю тип героя-следователя; в криминальной литературе расследования выбор сыщика – это выбор жанра» [Кириленко 2016: 36]. А. Вулис видит типическое в чертах детективного персонажа как такового, вне зависимости от возложенной на него функции: «Пожалуй, именно проблема характера становится ключевой, когда мы пытаемся понять поэтику детектива хотя бы в первом приближении. Рискну сказать: характер-конспект, характер-эскиз максимально соответствует образной структуре детективного жанра. Не в том смысле, что здесь уместны по преимуществу бесцветные индивидуальности. Нет, пусть они будут сколь угодно колоритны, не требуя, однако, чтобы сюжетное время затрачивалось на перипетии их частной жизни, которые, умножая знание характера, тормозят авантюрное действие или уголовное расследование. Иначе говоря, лаконизм характера в детективе – это лаконизм маски» [Вулис 1978: 247].

Способ распределения и изображения персонажей в названных повестях имеет немало соответствий с только что изложенным. А. Сарахов не склонен задерживаться на чертах характера своих персонажей. В иных случаях он ограничивается замечаниями, напоминающими короткую должностную характеристику. Изредка могут подмечаться детали внешности.

Как правило, основное внимание сосредотачивается на противостоянии преступника и сыщика, а жертва представлена посредством сухой констатации. Иногда жертвой оказывается кто-то из участников преступной банды. Подобные персонажи тем более не вызывают сострадания. Словом, образ жертвы, действительно, нейтрален. Интересное исключение – в повести «Карточный долг».

В череде преступлений рассматривается дело об изнасиловании молодой женщины, Фатимы Пашмановой. Эпизоды, связанные с Фатимой, определяют наиболее эмоциональную часть повествования. Притом, что история жертвы изображается пунктиром, читатель успевает проникнуться чувством симпатии и сострадания к ней. Сквозь трагизм ситуации для читателя не может остаться незамеченной мужественность поступка женщины, решившейся рассказать о случившемся; расположение к ней усиливают привлекательные черты ее облика, отраженные в восприятии следователя. «Жиганов слушая, наблюдал за ней и находил ее довольно привлекательной, даже красивой. Густые черные волосы свисали ниже плеч, а впереди они скрывали высокий лоб наполовину. Овальное лицо отдавало белизной, без морщин. «Никакой косметики, – обратил внимание Жиганов. Голубые глаза под густыми бровями сверкали как небо голубое» [Сарахов 2011: 9]. На следующем отрезке она уже предстает

погруженной в депрессию, которую ей приходится превозмочь, чтобы явиться на опознание. Ближе к финалу Фатима сталкивается с вопиющим беззаконием: насильника, от которого, как оказалось, тянулись преступные нити к высокопоставленным фигурам, освобождают из-под стражи «за недоказанностью участия в совершении указанных преступлений» [Сарахов 2011: 216]. Коротко описанная история поиска ею и ее родными правды представлена кратко, но этого достаточно, чтобы понять, что дело восстановления справедливости ложится на плечи самой жертвы и ее близких. И не важно, что тому причиной. «Три месяца находились в Москве Пашманова со своим братом, добиваясь приема в Прокуратурах РСФСР и СССР, в ЦК КПСС. Трудное это дело, искать правду. Кому нужны твои заботы, твоя боль? Чужая боль легко переносится.

Как бы там ни было, они добились истребования уголовного дела прокуратурой РСФСР. Первый важный успех! Изучили дело юристы, и ахнули» [Сарахов 2011: 216].

Но подобная разработанность образа жертвы, как мы уже сказали, для приведенных повестей нетипична, основное внимание здесь уделено преступнику и сыщику.

С.С. Ван Дайн в своих знаменитых «Двадцати правилах для написания детективных романов» относительно фигуры сыщика утверждает, что «должен быть только один детектив, то бишь только один главный герой дедукции, лишь один *deus ex machina*. Мобилизовать для разгадки тайны преступления умы троих, четверых, а то и целого отряда сыщиков – значит не только рассеять читательское внимание и порвать прямую логическую нить, но и несправедливо поставить читателя в невыгодное положение» [Как сделать... 1990: 39].

Во всех трех повестях А. Сарахова мы наблюдаем не только одновременное присутствие, но и нередко смену лиц, расследующих дело. Действительно, для читательского восприятия всегда более предпочтителен не слишком многочисленный ряд персонажей, иначе рассеивается внимание, затрачивается много времени на запоминание имен и характеристик. Подобный отказ от возможности более легкого читательского восприятия уже имеет прецедент в кабардинской литературе. Так, Р. Кешоков, осознавая «густонаселенность» романа «По следам Карабаира», посчитал необходимым прокомментировать ее так: «Разумеется, можно было, используя право, которое давал жанр, часть людей, памятных мне по действительным событиям, оставить за пределами книги, часть соединить, слить, так сказать, в двух-трех обобщенных образах. Но я не сделал этого, потому что реальная, повседневная жизнь и работа в аппарате милиции сталкивает чекиста с огромным количеством людей и просто фамилий. <...> И я решил оставить все так, как было в действительности» [Кешоков 1978: 4].

Неизбежность нарушения принципа, изложенного С.С. Ван Дайном, логично обосновывает О. Федунина: «Однако для полицейского романа, с которым, несомненно, соотносится «милицейская» повесть, характерна как раз «командная работа»» [Федунина]. (Также стоит заметить, что и на другом

полюсе детективного мира – в среде преступников – налажены методы «командной работы». И это обстоятельство заметно наращивает количество персонажей в детektивах «Дело – табак» и «Карточный долг»).

Несомненно, многочисленность сыщиков оправдывается реальными особенностями организации работы правоохранительных органов. В этом контексте обращает на себя внимание еще одна причина ввода новых лиц – смена следователей. За этим может быть замеченная начальством недобросовестность в расследовании дела, либо, напротив, крайняя заинтересованность в подобной недобросовестности. Так, в «Эбарге» дело передается от малограмотного Аргашикова к ответственному следователю Карданову, в «Карточном долге» под давлением высокого партийного начальства дело переходит от дотошного и несговорчивого Баркизова к вполне нейтральному Таукенону, и под тем же давлением следователь Махраев прекращает проработанное «несговорчивым следователем» прокуратуры Сурковым дело об изнасиловании. В повести «Дело – табак» расследование группового мошенничества проводится далеким от принципов морали Кушахановым, затем дело передается добросовестному следователю Пашкову, но загадочным образом вновь перекочевывает в руки Кушаханова.

Как можно понять, деятельность сыщиков представлена неприукрашено – в комплексе ее достижений и промахов. Кроме того, ни в изображении преступника и сыщика, ни в изображении преступления и его расследования А. Сарахов не стремится к эффектным приемам. И все же интрига, удерживающая внимание читателя, всегда присутствует. Последнее тем более ценно, что узловое в детективной истории – разгадку преступления – А. Сарахов с самого начала повествования вовсе не стремится окутать тайной.

Размышляя над ограничениями детективной прозы, Н.Д. Тамарченко замечает: «<...> каким бы гениальным ни был защитник Закона, он не может разгадать загадку сразу, не ошибаясь и не увлекаясь неправильными версиями; да и решающие улики либо своевременно не находятся, либо не сразу должным образом осознаются и оцениваются». Далее приводятся варианты расследования, среди которых есть похожий на тот, к которому прибегает А. Сарахов: «Возможен также отказ от мотива тайны преступления (личность убийцы иногда известна с самого начала, реже бывает показано само событие убийства) в пользу тайны расследования: читатель видит действия сыщика, но до определенного момента не понимает их смысл [Тамарченко 2008: 55]. В повестях А. Сарыхова все несколько иначе. Как мы уже сказали, здесь нет загадки преступления. Читателю, как правило, никого не приходится подозревать, о многом он узнает от повествователя раньше, чем следователь. Во всяком, случае, истинный виновник преступления и его местопребывание не являются для него тайной. Читатель видит также действия сыщика, прекрасно понимая их смысл благодаря кратким комментариям повествователя. Напряжение, интрига создается здесь способностью преступника запутывать и заметать след и способностью сыщика этот след вычислять. Во всех трех повестях внедрена следующая ситуация: преступник очевиден, усложняется

(нередко безответственностью самих блюстителей закона либо под давлением власть предержащих) лишь путь к его изобличению и наказанию.

Не последнее место занимают в этой интриге приемы игры, посредством которой преступник пытается уйти от ответственности. Этот аспект, важный для понимания криминальной литературы, был выявлен Н. Кириленко: «Игра, имеющая отношение к поведению персонажей, проявляется в состязании между преступником и сыщиком, переодеваниях, подменах, ловушках, шуточных диалогах и т. д.». [Кириленко 2016: 37]. В повести «Дело – табак» показан довольно типичный «арсенал» преступника: набор удостоверений, паспортов, автомобильных номеров, переодевание в работника правоохранительных органов, «преображение» в пожилого человека... Но игра может интересно трансформироваться и на противоположном полюсе современного детектива – в среде тех, кто должен стоять на страже порядка.

Если преступник включается в игру, чтобы сбить со следа сыщика, то порочный сыщик включается в игру для того, чтобы усыпить бдительность своих честных коллег. Так, порочный сыщик капитан Игорь Скорлупов проявляет похвальное рвение, вызвавшись перевезти преступника Нодара Маргаришвили. Между тем, это лишь повод убрать свидетеля его собственных преступлений: «Капитан не был плохим сотрудником. Его единственным недостатком была безудержная алчность. <...> Услуга за услугу – Нодар платил капитану ежемесячно наличными и только в долларах. По разовым, наиболее серьезным поручениям выкладывал Скорлупову вознаграждения сверх «оклада» [Сарахов 2004: 32]; Капитан инсценирует побег Маргаришвили, и обретает «законное право» уничтожить того при попытке к бегству. Не иначе как игрой в законность можно назвать и действия следователя Кушаханова: «Те, кто принимал решение о возбуждении дела, сами не догадывались, чем это может закончиться. Видимо, им нужна была зацепка, **правовая оболочка, в которую можно было спрятать свои неразумные проделки**» (выделено нами. – И. К.) [Сарахов 2004: 115]. Также игра в законность воплощается через многочисленных инспекторов ГИБДД «официальных рэкетиров», как именуют их герои повести.

Другая преступная иерархия, на фоне которой процветают порочные представители сыщицкого мира – чиновники. И в этой среде также востребована игра в законность (например, изощренные методы «разоблачения» неудобных), однако не ради сокрытия правды от правоохранительных органов, – подобная опасность здесь вообще неактуальна, – маска законности позволяет сохранять рычаги власти: «Высокое партначальство знало о проделках Алексейчука и Гвозденко. Знало и помалкивало об этом. Такие кадры, умеющие угождать во всем, очень нужны были главе партийного ведомства. Через них партглава держал в узде всех нижестоящих работников любого ведомства. Это была диктатура одной партии, узурпировавшей всю государственную власть в стране» [Сарахов 2011: 208].

В этом контексте собственное звучание обретает мотив испытания, характерный, по наблюдениям О. Федуниной [Федунина 2009], для жанра милицейской повести. Причем, как доказывает исследователь, мотив этот

актуален как в отнесении к следователю, так и к преступнику. Примечательно, что ни в одном из перечисленных произведений мы не наблюдаем его параллельного звучания. Мотив испытания следователя наиболее отчетлив в «Карточном долге». Проверка на прочность следователя Баркизова обусловлена не сложностями расследуемого дела или деталями жизни вне расследования, а пребыванием в порочной общественно-политической системе. Мотив испытания преступника очевиден в повести «Эбарг». История депортации, последствия которой толкнули на преступный путь Тархана Хангиева, занимает приблизительно треть всего повествования. Объем и серьезность подобного материала настраивают читателя на сочувственное отношение к преступнику. Тархан стал эбаргом (в переводе с ингушского – «абрек») по воле трагических обстоятельств. Казалось бы, сочувственное отношение закрепляется на определенных отрезках повести через внутренний монолог Тархана («Тархан часто менял свое место пребывания, не зная, куда деваться, где он сможет остановиться. Тихая, спокойная его семья в одночасье перестала существовать. «Для кого и для чего я живу? Какая судьба меня ждет? Кому я нужен? Я жил и трудился ради любимой матери, и ее отобрали у меня», – такие горькие мысли витали у него в голове» [Сарахов 2015: 41]), а также через короткую портретную зарисовку, подчеркивающую в нем образ доблестного наездника («Когда он сидит на коне, удивляет стройная фигура джигита в красивой черкесской одежде. Создается впечатление, будто он родился на коне, настолько он уверенно сидит и красиво едет. Тархан тесно связан с природой, он ищет и всегда находит защиту у нее [Сарахов 2015: 70]). Однако история преступника вскоре начинает перевешивать историю пострадавшего. В самый тяжелый для себя момент Тархан находит приют в Кабарде, что, однако, впоследствии не мешает ему совершать преступления и на ее территории. Вероломная природа Тархана вскоре уничтожает все проблески сочувствия и у повествователя, и у читателя. Вместе с этим тускнеет аргумент в виде подробной истории депортации. История эта обретает самостоятельную силу, но перестает «работать» на оправдание персонажа. Если бы вместо нее в повести оказалась всего лишь строчка с упоминанием о том, что Тархан – абрек, эффект восприятия преступника был бы тот же.

Подытоживая наши наблюдения, можно отметить, что созданные в жанре «полицейского детектива» повести А. Сарахова, обнаруживают устойчивые принципы, которые делают узнаваемыми почерк их автора. Причем касаются они не столько изображения персонажей, сколько ситуации, вокруг которой выстраивается детективная история.

Пожалуй, самым заметным является отказ от тайны преступления и тайны его расследования. С отсутствием тайны связана очевидность преступника, что вовсе не гарантирует его скорой поимки. Другой особенностью детективов А. Сарахова является возможность открытого финала. Иначе говоря, победа справедливости, которая под конец непременно должна быть показана, может и не оказаться настолько полной, насколько хотелось бы. Возможно, в этом есть правда жизни, органичная для нашей действительности.

У автора нет тяготения к сенсационным сюжетам. Казалось бы, в этом таится серьезный риск написать историю, лишенную детективной интриги. Однако этого не происходит. Детально показывая действия преступника и сыщика, А. Сарахов умело создает «линию напряжения», которая до последней страницы не отпускает читателя. В этом отказе от тайны заметно отступление от традиций жанра, но в то же время – бесспорный знак его индивидуализации в творчестве отдельного автора.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Вулис 1978 – Вулис А. Поэтика детектива // Новый мир. – 1978. – № 1. – С. 244-258.
- Как сделать... 1990 – Как сделать детектив. Сборник / Сост. А.Ф. Строев. – Москва: Радуга, 1990. – 320 с.
- Кешоков 1978 – Кешоков Р.П. По следам Карабаира. Роман. – Москва: Современник, 1978. – 334 с.
- Кешоков 2014 – Кешоков Р.П. Двойной пароль. Роман. – Нальчик: Эльбрус, 2014. – 384 с.
- Кириленко 2016 – Кириленко Н.Н. Жанровый инвариант и генезис классического детектива: дис. ... канд. филол. наук. – Москва: РГГУ, 2016. – 252 с.
- Кириленко, Федунина 2010 – Кириленко Н.Н., Федунина О.В. Классический детектив и полицейский роман: к проблеме разграничения жанров // Новый филологический вестник. – 2010. – № 3 (14). URL: http://slovorggu.ru/nfv2010_3_14_pdf/02Kirilenko_Fedunina.pdf (дата обращения: 01.04.2019).
- Конкурс... 2003 – Конкурс, посвященный юбилею Рашида Кешокова, продолжается // Адыгэ псалгэ (Адыгское слово) (на кабардинском). – 2003. – 3 июня. – № 109 (19.979). – С. 3.
- Мельников 2004 – Мельников Н.Г. Массовая литература // Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Отв. ред. Л.В. Чернец. – Москва: Высшая школа, 2004. – С. 580-593.
- Николаев 2001 – Николаев Д.Д. Детектив // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – Москва: Интелвак, 2001. – С. 221-224.
- Ревич 1987 – Ревич В.А. Детективная литература // Литературный энциклопедический словарь / Общ. ред. В.М. Кожевников и П.А. Николаев. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – С. 90-91.
- Сарахов 2004 – Сарахов А.А. Дело – табак. Повесть. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. – 146 с.
- Сарахов 2011 – Сарахов А.А. Карточный долг. Повесть, рассказы, очерки, пьеса. – Нальчик: Принт Центр, 2011. – 307 с.
- Сарахов 2015 – Сарахов А.А. Эбарг. Повесть, новелла. – Ставрополь: Зебра, 2015. – 132 с.
- Тамарченко 2008 – Тамарченко Н.Д. Детективная проза // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. ред. Н.Д. Тамарченко. – Москва: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 55-56.
- Федунина 2009 – Федунина О.В. Советская «милицейская» повесть: мотив испытания и проблема жанра («Дело «пестрых») А. Адамова // Новый филологический вестник. – 2009. – Т. 8. – № 1. URL: http://slovorggu.ru/nfv2009_1_8_pdf/03Fedunina.pdf (дата обращения: 10.05.2019).
- Черняк 2013 – Черняк М.А. Массовая литература XX века: учеб. пособие. – Москва: ФЛИНТА, 2013. – 432 с.
- Чуковский 2012 – Чуковский К.И. Нат Пинкертон и современная литература // Собрание сочинений в 15 томах. Том 7: Литературная критика 1908-1915. – Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. – С. 25-62.

REFERENCES

- CHERNYAK M.A. *Massovaya literatura XX veka* [Mass literature of the twentieth century]. – Moscow: FLINTA. – 2013. – 432 p. (In Russian)
- CHUKOVSKII K.I. *Nat Pinkerton i sovremennaya literatura* [Nat Pinkerton and Contemporary Literature]. IN: *Sobranie sochinenii v 15 tomakh. Tom 7: Literaturnaya kritika 1908-1915* [Collected Works in 15 volumes. Volume 7: Literary criticism 1908-1915]. – Moscow: TERRA – Book Club. – 2003. – P. 25-62. (In Russian)
- FEDUNINA O.V. *Sovetskaya «militseiskaya» povest': motiv ispytaniya i problema zhanra («Delo «pestrykh»» A. Adamova)* [Soviet «police» story: the motive of the test and the problem of the genre («The Case of the Motley» by A. Adamov)]. IN: *Novyi filologicheskii vestnik*. – 2009. – Vol. 8. – No 1. URL: http://slovorggu.ru/nfv2009_1_8_pdf/03Fedunina.pdf (date of access: 10.05.2019). (In Russian)
- Kak sdelat' detektiv. Sbornik* [How to make a detective. Compilation]. Compiled by A.F. Stroyev. – Moscow: Raduga, 1990. – 320 p. (In Russian)
- KESHOKOV R.P. *Dvoinoi parol'. Roman* [Double password. Novel]. – Nalchik: El'brus, 2014. – 384 p. (In Russian)
- KESHOKOV R.P. *Po sledam Karabaira. Roman* [In the wake of Karabair. Double password. Novel]. – Moscow: Sovremennik, 1978. – 334 p. (In Russian)
- KIRILENKO N.N. *Zhanrovyy invariant i genezis klassicheskogo detektiva: dis. ... kand. filol. nauk* [Genre Invariant and Genesis of a Classic Detective. The dissertation for the Candidate of philological sciences degree]. – Moscow: RGGU, 2016. – 252 p. (In Russian)
- KIRILENKO N.N., FEDUNINA O.V. *Klassicheskii detektiv i politseiskii roman: k probleme razgranicheniya zhanrov* [A classic detective story and a police novel: on the problem of differentiating genres]. IN: *Novyi filologicheskii vestnik*. – 2010. – No 3 (14). URL: http://slovorggu.ru/nfv2010_3_14_pdf/02Kirilenko_Fedunina.pdf (date of access: 01.04.2019). (In Russian)
- Konkurs, posvyashchennyi yubileyu Rashida Keshokova, prodolzhaetsya* [The competition dedicated to the anniversary of Rashid Keshokov continues]. IN: *Adyge psal"e (Adygsкое slovo)*. – 2003. – June 3. – No 109 (19.979). – P. 3. (In Kabardian)
- MEL'NIKOV N.G. *Massovaya literatura* [Mass literature]. IN: *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary criticism]. Edited by L.V. Chernets. – Moscow: Vysshaya shkola, 2004. – P. 580-593. (In Russian)
- NIKOLAEV D.D. *Detektiv* [Detective]. IN: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Edited by A.N. Nikol'yukin. – Moscow: Intelvak, 2001. – P. 221-224. (In Russian)
- REVICH V.A. – *Detektivnaya literatura* [Detective literature]. IN: *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Edited by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. – P. 90-91. (In Russian)
- SARAKHOV A.A. – *Delo – tabak. Povest'* [The case is tobacco. Story]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2004. – 146 p. (In Russian)
- SARAKHOV A.A. *Ebarg. Povest', novella* [Ebarg. Novel, short story]. – Stavropol: Zebra, 2015. – 132 p. (In Russian)
- SARAKHOV A.A. *Kartochnyi dolg. Povest', rasskazy, ocherki, p'esa* [Card debt. Tale, short stories, essays, play]. – Nalchik: Print Tsentr, 2011. – 307 p. (In Russian)
- TAMARCHENKO N.D. *Detektivnaya proza* [Detective prose]. IN: *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii* [Poetics: a dictionary of relevant terms and concepts]. Edited by N.D. Tamarchenko. – Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada, 2008. – P. 55-56. (In Russian)
- VULIS A. *Poetika detektiva* [Detective poetics]. IN: *Novyi mir*. – 1978. – No 1. – P. 244-258. (In Russian)

Дискуссионные проблемы

УДК 812.512

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-193-205

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ОБЩЕТЮРКСКИХ
ПАМЯТНИКОВ СЛОВЕСНОСТИ XI-XIII ВВ. В КАРАЧАЕВО-
БАЛКАРСКОЙ УСТНОЙ ПОЭЗИИ****Т.Ш. БИТТИРОВА
Л.Х. МАХИЕВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул.Пушкина, 18
E-mail: tbittir@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе метода сравнительно-сопоставительного анализа устанавливается близость малых жанров карачаево-балкарского фольклора, фразеологических единиц, этнографических реалий содержанию таких известных общетюркских памятников Средневековья, как «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагунского, «Диван лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгарского и «Кодекс Куманикус». Соответствие многих литературных и языковых фактов авторы объясняют этногенетическим родством и достаточно обособленным проживанием карачаево-балкарского народа, сохранившего общесубстратные параметры языка. Близость языковых художественных средств, стилистических приемов памятника, составленного М. Кашгарским, и фактов современной карачаево-балкарской литературы (в особенности поэзии досоветского периода) позволяют считать «Словарь» антологией языковых и художественных источников карачаево-балкарской литературы и культуры, так же как литературу и культуры других тюркских народов.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; фольклор; общетюркские памятники; Махмуд Кашгарский; Юсуф Баласагунский.

**ARTISTIC PARAMETERS OF THE COMMON TURKIC MONUMENTS OF
LITERATURE OF THE 11-13th CENTURIES IN KARACHAY-BALKAR
ORAL POETRY****T.Sh. BITTIROVA
L.H. MAHIEVA**

*Institute of Humanitarian Researches – branch of FSBSI «Federal scientific centre «Kabardino-
Balkarian scientific centre of the Russian academy of sciences»
360000, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Pushkin str., 18
E-mail: tbittir@mail.ru*

Abstract. Based on the comparative analysis method, the article establishes the proximity of small genres of Karachai-Balkar folklore, phraseological units, ethnographic realities to the content of such well-known common Turkic monuments of the Middle Ages, like Yusuf Balasagunsky's «Kutadgu bilik», Makhmud Kashgar's «Divan lugat it-Türk» and «Codex Cumanicus». The authors explain the correspondence of many literary and linguistic facts with the ethnogenetic affinity and the rather isolated living of the Karachay-Balkarian people, who have preserved the substrate-wide parameters of their language. The proximity of linguistic art means, stylistic techniques of the monument, compiled by M. Kashgarsky, and the facts of modern Karachai-Balkar literature (especially poetry of the pre-Soviet period) gives grounds to consider the «Dictionary» as an anthology of linguistic and artistic sources of Karachai-Balkar literature and culture, as well as of literatures and cultures of other Turkic peoples.

Keywords: Karachay-Balkar language; folklore; common Turkic monuments; Mahmud of Kashgar; Yusuf Balasaguni.

Период классического Средневековья отмечен в тюркском мире богатейшим литературным наследием. Тюркская литература развивалась одновременно на тюрки и фарси, отчасти и на арабском языке. Наиболее ранние письменные памятники датируются XI-XIII веками. «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагунского (1069), «Диван лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгарского (1072-1083), «Диван и-хакмат» Ахмада Ясеви (2 пол. 12 века), «Кодекс Куманикус» (1294-1295), «Кысаи ал-анбия» Насреддина Рабгузи (1320), «Огуз-наме» Рашид-дин Фазлаллаха, исторические сочинения Абуль Гази, «Китабым деде Коркуд». Все они признаны как выдающиеся памятники средневековой тюркской культуры и литературы. Ранним памятником устно-разговорного языка западных кыпчаков золотоордынского периода является тюрко-арабский словарь, составленный в 1245 году в Египте и изданный голландским тюркологом Т. Хоутсма в Лейдене в 1894 году. Этот словарь дает нам достаточно полное представление о языке кыпчаков половецких степей периода монгольских завоеваний [Чеченов 1996: 92].

Названные литературные памятники охватывают период классического средневековья, когда тюркские народы имели общий литературный язык «тюрки». Созданные на этом языке литературные, научные лингвистические труды были широко известны как у западных тюрков, так и тюрков Средней Азии, Сибири. Карачаевцы и балкарцы не сохранили образцов этой богатой литературы в письменной традиции, – только в устной, хотя, если исходить из эпиграфических исследований С. Байчорова, то в Балкарии и Карачае вплоть до XIV века существовала параллельно арабской письменности каменная руника [Байчоров 1989]. Но тексты, несущие в себе художественную ценность, не могли дойти до нас в силу объективных причин. Даже дошедшие до сегодняшнего дня архивные материалы не подвержены должной археографической работе. Как справедливо отмечает Г.М.-Р. Оразаев, «наименее изученными к настоящему моменту остаются тюркоязычные памятники, созданные в XVI-XIX веках на территории северокавказского региона – в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Кубани, Ставрополье, Чечне, Ингушетии. На языке оригинала изданы всего лишь некоторые из них, причем главным образом специалистами по историческим дисциплинам, интересы

которых ограничивалось обычно «сохранением смысла» произведения [Оразаев 2007: 51]. Нет и специальных работ, исследующих параметры общетюркского наследия в его преломлении в карачаево-балкарской духовности. Все это делает весьма актуальным сопоставительный анализ художественных параметров карачаево-балкарской устной поэзии и общетюркских памятников словесности XI-XIII вв.

Особое место в их ряду занимает классический труд учёного-филолога, тюрка по происхождению, Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-тюрк» – «Словарь тюркских наречий», по оценке специалистов – выдающийся памятник средневековой филологии, поистине бесценный труд по истории тюркских языков и культуры тюркских народов [Кормушин 2010а: 15].

Книга М. Кашгарского одновременно может считаться и лингвистическим исследованием и литературно-историческим источником, богатым фактической основой. Труд Махмуда Кашгарского представляет собой памятник устного разговорного языка тюркоязычных народов Средней Азии и соседних стран и является ценным памятником исторической диалектологии тюркских языков. Хотя М. Кашгарский и называет свою книгу «Словарем», она представляет собой нечто большее, чем лексикографическая работа, это в первую очередь – антология древнетюркских литератур, позволяющая судить об особенностях художественного мышления тюрков периода классического Средневековья. Книга М. Кашгарского содержит сотни стихотворных строк, пословиц, поговорок и фразеологических единиц. В ней охватывается не только богатейший лингвистический и литературный материал, но и этнографический, что позволяет более зримо представить эстетический мир тюркских народов Средневековья.

Впервые памятник был опубликован в СССР в 1960-1963 гг. на узбекском языке [Кашгарский 1960-1963]. С этого времени начинается большая исследовательская работа над ней специалистов различных дисциплин и вывод тюркологов однозначен: «Диван лугат ат-тюрк» – литературный и лингвистический памятник тюркских народов. Предваряя издание «Словаря тюркских наречий» в новейший период, узбекский учёный С. Муталлибов совершенно справедливо называет М. Кашгарского первым учителем тюркологов и основателем тюркской филологической науки [Муталлибов 1960: 7].

«Словарь» М. Кашгарского зафиксировал состояние языков карлукско-уйгурской подгруппы караханидской эпохи, тем не менее, он имеет неоценимое значение для определения состояния поэтических форм всех тюркоязычных народов Средневековья. М. Кашгарский создавал свою книгу в пору расцвета исламской религиозной культуры в тюркоязычной среде. Однако если судить о состоянии художественного мышления тюрков по зафиксированным в «Диване» образцам поэзии, оно было лишено усложнённости сюжета, умозрительности и созерцательности, имевших место в восточной поэзии той эпохи.

Приводимые М. Кашгарским сведения о «составе тюрков» и «разъяснение о племенах» свидетельствуют, что он хорошо знал современные

ему тюркские языки, как восточные, так и западные. Перечисляя «главные племена» с запада, начиная от «ближайших к Руму» и далее на восток до Китая, он дает и разъяснение «языков тюрков». В частности, он отмечает: «Язык болгаров, суваров, печенегов, [обитающих] вблизи Рума, – тюркский, с одинаково усеченными концами [слов]» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 72-76].

М. Кашгарский свободно оперирует болгарским языковым материалом, сравнивая особенности грамматических форм языков и диалектов различных тюркских народов [Махмуд ал-Кашгари 2010: 78, 318, 357, 457]. Это позволяет его замечания относительно языка западных тюрков, в известной мере отнести к истории современной языковой культуры карачаево-балкарцев, кумыков, татар, ногайцев, башкир и др.

При объяснении значений слов М. Кашгарский постоянно обращается за примерами к поэзии и фольклору западных тюркских народов. В силу этого «Словарь» дает нам возможность определить древние жанры фольклора, виды и формы стихов тюркоязычных народов, в т.ч. и карачаево-балкарцев. Сравнительный анализ приведенных в «Словаре» литературных примеров и карачаево-балкарского фольклора дает возможность сделать заключение о более глубоких корнях современной поэтической системы карачаево-балкарцев. Приведем несколько примеров¹.

<i>Из «Словаря»</i>	<i>На современном карачаево-балкарском языке</i>	<i>Перевод</i>
Кёрклюг тонунг ёзюнге	Кёрюмлю тонунг ёзюнге,	Красивая шуба – тебе самому
Татлыгъ ашыгъ агъынкъа	Татлы ашынг башхагъа	Вкусная еда – другому
Тутгъун къонукъ агъырлыгъ...	Къонакъны тут аяулу...	Гостя содержи в почете...

Ярким примером многомерных переключек и соответствий материалов «Словаря» Махмуда Кашгарского и устно-поэтических форм карачаево-балкарского фольклора может служить выражение из «Словаря» – «Кюн тийди, кюн тийди, кюн тийди, кюн къушлукъгъа чыкъды» – «Солнце взошло, солнце взошло, солнце – в зените». Оно имеет вполне самостоятельный смысл и для сегодняшнего носителя карачаево-балкарского языка, но интересно тем, что по своей структуре близко стоит к карачаево-балкарским фольклорным текстам, хотя и произошла поздняя, но очевидная контаминация.

В современном карачаево-балкарском фольклоре существует присказка-дразнилка, которую было принято говорить детям, надоедавшим с бесконечными просьбами рассказать сказку:

*«Жомакъ-жомакъ-жолунга,
Бокълу кюрёк – къолунга,
Итле сийсин тонунга,,»*

Подстрочный перевод: «Сказка-сказка тебе в дорогу, Грязная лопата тебе в руку, Пусть собаки помочатся на твою шубу...».

¹ Здесь и далее примеры для сопоставления взяты из издания: Кашгарский М. Диван лугат-ат-турк (Словарь тюркских наречий): в 3 т. – Ташкент: Фан, 1960-1963. (на узбекском языке)

Подобная детская дразнилка существует у кумыков:

Еманч, еманч ёлунга,

Покълу кюрек къолунга:

Абайланы мишиги

Чичакъласын тонунга...

Подстрочный перевод: «Сказка-сказка тебе в дорогу, Грязная лопата тебе в руку, пусть Абаевых кошка помочится на твою шубу...».

Эти произведения тождественны по размеру, по содержанию и схожи по эмоциональной окраске.

Существует и другая детская дразнилка – «*Кюн тийди, кюн тийди, жашчыкъны чачы кюйдю*» – «Солнце взошло, солнце взошло, у мальчика (имя мальчика) выгорели волосы...». Как видно, здесь почти дословно повторяется выражение из «Словаря».

Приведенные из «Словаря» примеры и схожие с ними детские дразнилки карачаево-балкарцев совпадают не только персонажами (в данном случае разнице лишь в объекте – шуба, солнце), но и поэтическим приемом – перечислением, одинаковым размером (семисложник), ритмической организацией стиха. Одиннадцатисложник и семисложник – основные формы поэтических примеров «Дивана» до сих пор широко распространены в карачаево-балкарской поэтической культуре.

То же самое можно сказать и в отношении художественных тропов – эпитетов и сравнений. В книге М. Кашгарского богатырь своей волей сравнивается с серым волком, обликом – с медведем, а выносливостью – с волком, эти же приемы характерны и для карачаево-балкарской устной поэзии.

«Диван лугат ат-тюрк» М. Кашгарского более близок западно-тюркским языкам, чем восточным, если исходить из современного состояния языков. Приведем из «Словаря» небольшой ряд пословиц и поговорок, которые мало чем отличаются от современных карачаево-балкарских: «*Къонакъ келсе, къут келир*» – «Гость пришел – счастье пришло».

«Андыз болса, ат ёлмез» – «Если растет девясил, лошадь не сдохнет».

«Атын аямагъан, жаяу къалыр» – «Кто не бережет лошадь, тот будет пешим».

«Тау таугъа къошулмаз, адам адамгъа къошулур» – «Гора с горой не сходится, человек с человеком сойдется».

«Къуш къанаты бла, эр аты бла» – «Орел с крылом, мужчина – с конем». *«Эркеч эти эм болур, эчки эти жел болур»* – «Мясо козла лечебное, мясо козы вызывает ветры».

«Беш бармакъ бирча болмаз» – «И пять пальцев на руке не одинаковые».

«Арпасыз ат ашамаз, Аркъасыз али чериу хорламаз». – «Без овса лошадь не накормишь, без поддержки и богатырь не осилит войско».

«Жилян кеси къынгырлыгъын билмей, туюге «бойнунг къынгырды», дер» – «Змея не замечая своей кривизны, верблюду говорит: «У тебя шея кривая».

«Иги киши баишалагъа кюзю болур» – «Хороший человек для других – зеркало».

«*Къаргъа къазгъа эрише, буту сынар*». – «Если ворона состязается с гусем, ломает ногу».

«*Къуругъан агъач ийилмез, къурулгъан кириш тьююлмез*» – Высохшее дерево не гнется, натянутая тетива не завяжется». В этой поговорке слово «кириш» – «тетива» в современном балкарском языке звучит иначе, но слово употребляется в значениях близких к архаичному и обозначает ободок чугунка, ободок женской шапочки.

«*Жашил кырдык кюймез, келечи ёлмез*» – «Зеленая трава не горит, послу смерти нет». В современном карачаево-балкарском существует поговорка – «*Келечиге ёлом жокъ*» – «Послу нет смерти»,

«*Кюннге къарасанг, кёз къамар*» – «Посмотришь на солнце – глаз слепнет».

«*Къуру къашыкъ аузунга жарашмаз, Къургъакъ сёз къулакъгъа жарашмаз*». – «Пустая ложка ко рту не подходит, сухое (пустое) слово в ухо не входит.»

«*Ёллюк чычхан киштик тешигине къачар*» – «Обреченная мышь бежит к кошке».

«*Къутсуз суугъа кирсе, къум кюер*» – «Если невезучий человек войдет в реку, песок загорится».

Помимо приведенных паремиологических единиц в памятнике содержится и большое количество схожих фразеологических, – «*къарны къур-къур этеди*» – «живот урчит»; «*кюн кёзюча къаматады*» – «как солнечный луч ослепляет» (о красоте девушки) и др. Подобных соответствий с карачаево-балкарским языком в памятнике содержится множество.

Некоторые параметры далекого мифологического и теистического мира древних тюрков карачаево-балкарцы сохранили до сегодняшнего дня. Так, представленное в качестве примера в «Словаре» М. Кашгарского проклятие «*Тейри къаргъышы аны болсун!*» – «Пусть настигнет его проклятие Тейри!» – и сегодня находится в активной лексике карачаево-балкарцев и отражает их древние религиозные представления.

Выражение «*чик туруу*» М. Кашгарский объясняет, как элемент игры в альчики, что абсолютно совпадает и с характером бытования детской игры карачаево-балкарских мальчиков.

Здесь возникает общий вопрос о языке «Словаря» и его отношении к карачаево-балкарскому. По Э.Н. Наджипу «Словарь» М. Кашгарского – это «собрание слов, речений, пословиц, поговорок, фольклорных образцов, дающих отчетливое представление о диалектах и народно-разговорном стиле языков карлукско-уйгурской подгруппы караханидской эпохи» [Наджип 1989: 43]. Э.Р. Тенишев характеризует язык «Словаря» как караханидо-уйгурский литературный язык, впитавший в себя огузо-уйгурскую основу, на которую наслоились местно-национальные элементы всех уровней. Он особо отмечает неоднородность приводимого в «Словаре» материала: наряду с образцами поэзии на литературном языке встречаются примеры с диалектными характеристиками [Тенишев 1997: 36]. По И.В. Кормушину предметом описания и эталоном для сравнения в «Словаре» выступает родной для

Махмуда Кашгарского чигильско-тюркский язык карлукско-уйгурской подгруппы, с которым сопоставляются формы других диалектов, чаще всего слова огузские или огузо-туркменские, обладающие по отношению к чигильско-тюркскому отличительными признаками [Кормушин 2010b: 48].

Как известно, по общепринятой классификации карачаево-балкарский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков, но, тем не менее, язык и иллюстративный материал памятника очень близок современному карачаево-балкарскому. Особенно показательное сравнение оригинального материала «Словаря» и его перевода на узбекский язык с карачаево-балкарским языком. При этом обнаруживается, что оригинал гораздо ближе к последнему.

Близость языка памятника современному карачаево-балкарскому требует более достоверного объяснения помимо генетической языковой близости. Не претендуя на всесторонний анализ этого феномена, позволим высказать несколько предварительных соображений.

Во-первых, идентичность многих текстов «Словаря» М. Кашгарского и современного карачаево-балкарского фольклора, а также лексического материала говорит о том, что карачаево-балкарский язык не был подвержен ощутимому иноязычному влиянию и сохранил в достаточной чистоте общетюркскую основу. Во-вторых, в контексте идущих в науке поисков более строгих вариантов классификации тюркских языков, назрела необходимость уточнения места в ней карачаево-балкарского языка. В-третьих, общетюркский язык в средние века охватывал большой ареал, как в географическом, так и в этническом аспектах – от Сибири, Средней Азии до восточной Европы. Как отмечают исследователи, «государственным языком Золотой Орды был кыпчакский язык, однако, в официальных документах чувствуется достаточно сильное влияние огузской группы. На такой смешанной кыпчакско-огузской основе в XIV веке сложился смешанный литературный язык, который впоследствии трансформировался в официальный язык Золотой Орды, более известный как тюрки Поволжья и Урала» [Улаков, Чеченов 2001: 8].

Таким образом, в разных регионах проживания тюркских народов существовал свой литературный язык, обязательный для всех грамотных тюрков средневековья. Эти лингвистические процессы должны были иметь место до исламизации тюрков. В последующем развитии тюркские языки, благодаря тесным контактам с иранскими, финно-угорскими, славянскими народами, арабскому влиянию имели разную степень языковой трансформации.

Без учета лексического материала карачаево-балкарского языка, фольклора, этнографических реалий карачаево-балкарцев, на наш взгляд, сегодня невозможно полное изучение и «прочтение» «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского – этого замечательного памятника духовности тюркских народов. [Улаков, Чеченов 2001: 35].

К важнейшим литературным памятникам средневековых тюрков относится поэма Юсуфа Хасхаджиба Баласагунского «Кутадгу билик» – «Благодатное знание» (1069) [Баласагунский 1983]. В его поэме отразились морально-этические принципы феодальной верхушки Кашгара и Семиречья.

Считается, что «Кутадгу билик» заложил основу узбекской и уйгурской литератур [Рустамов 1963].

Несмотря на географическую и временную удаленность данный памятник также содержит корпус общих лексических и поэтических единиц с этнокультурой современных западных тюркских народов, в том числе карачаево-балкарцев. Этому подтверждение языковой материал поэмы:¹

«Сёзню барысына тынгыла, кереклисин ал» – «Выслушай все слова, отбери из них нужное».

«Кёлюмдеги сырымы ачарма санга» – «Я доверю тебе сердечную свою тайну».

«Билимсизге айтма тюшюнгю» – «Не рассказывай своих снов невежде».

«Уллу келсе, аягъынга ёрге кьон» – «Когда приходит старший, встречай его вставанием».

Приведенные поговорки говорят не только о языковой близости, но и об общности системы этических координат.

Поэма Ю. Баласагунского характеризуется тем, что она написана в традициях средневековой тюркской поэзии, на стыке литературных и фольклорных канонов, в ней сильны традиции устной поэзии. В поэме литературная форма муназара, пришедшая в тюркскую поэзию из персидско-арабской поэзии, органично сочетается с айтышем. Если в жанре муназара прения воображаемых противников обычно заканчивалась восхвалением или «примирением» спорящих, то в айтышах такого не было. Надо отметить, что карачаево-балкарский айтыш был достаточно популярным фольклорным жанром вплоть до 40-х годов XX века. В современной карачаево-балкарской поэзии (как устной, так и письменной) айтыш сохранил свои древние параметры условности и соревновательности.

Поэмой Ю. Баласагунского ярко иллюстрируется тюркская устная поэтическая традиция, которая еще не полностью отвечает требованиям литературы, но рамки фольклора ей становятся тесными. В ней встречаются литературные формы народов Средней Азии и Казахстана, такие, как песня «Отрицание старости» («Керилик туралы жыр»), воспевание весны («Науруз жыры») и т.д. То же самое справедливо и в отношении карачаево-балкарской устной поэзии. Некоторые строки поэмы без больших расхождений можно обнаружить в современном карачаево-балкарском фольклоре:

«Кутадгу билик»:	Карачаево-балкарский фольклор:	Перевод
«Ачыкъ болты амты манга йер ашым»	«Ачы болду энди манга ашар ашым»	«Теперь мне стала горькой пища, которую ем»
«Тогъун-та кечер, ачын-та кечер»	«Тойгъан да кетер, ач да кетер»	«Уйдут и сытый и голодный»
«Агъырмаз мен бексиз, йа кьулсугъ кишиг»	«Айырмайма мен не бий, не кьул кишини»	«Я не делю людей на беков и рабов». / Против сословного

¹ Здесь и далее примеры для сопоставления взяты из издания: *Древнетюркский словарь* / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Ленинград: Наука, 1969. – 715 с.

		высокомерия/.
«Узун уаш тилесе, булур аш бла»	«Узакъ жашау тилесенг, болур аш бла»	«Коль хочешь долгой жизни, получишь ее через еду»

Еще более убедительные факты сходства поэмы и устной поэзии карачаево-балкарцев можно обнаружить на уровне эстетических приемов дидактической поэзии, ее мотивы часто встречаются при схожем содержании.

Например:

*«Къарны ач киши, ашаса-ичсе, тояр,
Кёзю ач киши, ёлсе, ачлыкъ къояр».*

«Голодный человек, если поест – насытится, завистливый человек («глаза голодные» – букв.) умрет – после себя голод оставит».

В карачаево-балкарском языке существует фразеологическая единица – «акъны къарадан айырмагъан» – «не отличающий белый от черного», что характеризует человека неопытного, знающего жизнь поверхностно. В поэме Ю. Баласагунского есть строки, почти повторяющие приведенный фразеологизм –

«Къара къул къарасы болур, бек юрюн,

Къаралы юрюнлю адырты керюн», что в переводе на современный карачаево-балкарский язык звучит:

«Къара къул къара болур, бай акъды,

Къараны-акъны айырмалы кёр». – «Черный – цвет раба, белый – бека, старайся отличить белое от черного».

Относительный консерватизм изобразительных средств, эпичность, языковая близость, традиционные картины, традиционные характеристики, имеющие место в «Кутадгу билик», – все это очень близко современной карачаево-балкарской духовной культуре.

Ученые Казахстана, Турции, Узбекистана, Туркмении, Татарстана, Башкортостана находят много общего в своих национальных культурах и в поэме Ю. Баласагунского и единодушны во мнении, что этот общетюркский литературный памятник имеет неопределимое значение как в определении духовного потенциала тюрков, так и в пополнении арсенала общечеловеческой культуры.

Известны три списка поэмы – гератский (1439 г.), каирский (первая пол. XIV в.), наманганский (конец XII – первая половина XIII в.). Из них современному карачаево-балкарскому читателю ближе всего наманганский список, возможно потому, что он наиболее ранний и менее подвержен влиянию арабской культуры, которая усиливается переписчиками после создания Ю. Баласагунским своей поэмы.

Средневековая тюркская духовность и письменность характеризуются обилием лексикографических работ, содержащих в качестве иллюстративного материала множество фольклорных и литературных примеров. Одновременно и лингвистическое и литературное наследие несет и дошедший до наших дней памятник начала XIV века «Кодекс Куманикус». По имеющимся сведениям, рукопись «Куманского Кодекса» была обнаружена в библиотеке собора

св. Марка в Венеции. До настоящего времени не установлены время и место написания рукописи «Кодекс Куманикус». Полагают, что она была составлена между 1303 (дата указанная в самой рукописи) и 1362 годом (время передачи ее Ф. Петраркой в Венецианскую библиотеку) [Чеченов 1978].

«Кодекс Куманикус» географически и хронологически стоит ближе к карачаево-балкарцам по сравнению со всеми остальными письменными памятниками Средневековья. В научной литературе принято считать «Кодекс Куманикус» памятником крымско-татарского, ногайского, карачаево-балкарского и кумыкского языков. Однако, по нашему мнению, само название – «Кодекс Куманикус» – неточно передает тип-этническую принадлежность языка памятника, что вводило в заблуждение исследователей истории карачаево-балкарского языка, которые из года в год, из монографии в монографию относили его к базовым источникам по исторической лексике карачаево-балкарского языка. Анализ фактического материала «Кодекса Куманикус» позволяет сделать вывод, что при значительном слое общей лексики, существенное отличие заключается как в ее употреблении, так и в ее трансформации в исторической перспективе, о чем можно судить из современного состояния крымско-татарского и карачаево-балкарского языков.

Вероятнее всего, это произошло потому, что авторы книги – итальянские миссионеры, ведшие торговлю в Крыму, при составлении словаря ориентировались больше на принятый при дворе крымских ханов северный диалект крымско-татарского языка, насыщенный арабской и фарси лексикой. Как известно, современный крымско-татарский язык имеет три основных диалекта, наиболее близок к карачаево-балкарскому центральный диалект.

Таким образом, мы полагаем, что «Кодекс Куманикус» и в языковом и художественно-эстетическом характеристиках отстоит гораздо дальше от карачаево-балкарского языка и фольклора, чем, к примеру, тексты рунических, древнеуйгурских и чагатайских памятников литературы и письменности более раннего времени, не говоря уже о литературе классического и позднего Средневековья.

Разумеется, близость среднеазиатских (по месту фиксации) литературных памятников и карачаево-балкарской духовной культуры можно объяснить тем обстоятельством, что в период завоевания Казани Иваном Грозным многие ученые Булгарии бежали в Среднюю Азию, захватив с собой древние памятники литературы или же их списки, которые переписывались заново, адаптируясь к тюркским языкам нового ареала распространения. Но первоначальная, базисная основа осталась неизменной. Кроме того, следует помнить, что на протяжении средневековой эпохи в истории тюркских литератур существовал общетюркский языковой массив, близкий и понятный носителям многочисленных тюркских наречий. Одной из форм его функционирования в речи привилегированных слоев был междиалектный литературный язык (койне). Различные этноязыковые коллективы приносили в язык письменных текстов черты своих диалектов [Кормушин 2010b: 22, 46, 49]. Общетюркский язык, имевший кыпчакскую (старокумыкскую) основу до начала XX века существовал и на Северном Кавказе, и одно время выполнял

роль *Lingua Franca*. Он также изучался в Ставропольской и Тифлисской гимназиях, в XVIII-XIX веках на нем велась деловая переписка, составлялись официальные документы.

Таким образом, сравнительный анализ лежащего на поверхности комплекса фактов (лингвистических, литературных, фольклорных, этнографических) позволяет сделать вывод о единстве развития духовной культуры западных (к каковым относятся карачаево-балкарцы) и восточных тюрков, о непрерывности процесса развития литературных жанров, поэтических средств.

Близость языковых художественных средств, стилистических приемов памятника, представленных М. Кашгарским, и фактов современной карачаево-балкарской литературы (в особенности поэзии досоветского периода) дает основание считать «Словарь» предтечей и карачаево-балкарской литературы и культуры, как и других литератур и культур тюркских народов.

Поэма Юсуфа Хасхаджиба Баласагунского «Кутадгу билик» – «Наука о счастье» (1069) также содержит корпус общих лексических и поэтических единиц с этнокультурой современных западных тюркских народов, в том числе карачаево-балкарцев. Еще более убедительные факты сходства поэмы и устной поэзии карачаево-балкарцев можно обнаружить на уровне эстетических приемов дидактической поэзии

В целом, есть основание полагать, что многие виды и формы современного карачаево-балкарского стиха уходят вглубь веков и берут свое начало с общетюркской поэтической традиции. Относительно карачаево-балкарского языка и фольклора это, в первую очередь, обрядовые песни и магическая поэзия.

Значимость уникальной общетюркской культуры заключаются и в том, что она была культурой-транспортером духовных и материальных ценностей на обширном пространстве Евразии, чем и объясняется этнолингвистическая и этнокультурная близость современных тюркских народов, проживающих на большом географическом удалении. Яркий пример тому – общие лексические, фразеологические, паремиологические единицы карачаево-балкарского языка и языка древнетюркских памятников Средневековья.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Байчоров 1989 – *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники Европы: Отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1989. – 294 с.

Баласагунский 1983 – *Баласагунский Юсуф* Благодатное знание. Серия «Литературные памятники» / Издание подготовил С.Н. Иванов; отв. редактор академик А.Н. Кононов. – М.: «Наука», 1983. – 558 с.

Древнетюркский 1969 – *Древнетюркский словарь* / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Ленинград: Наука, 1969. – 715 с.

Кашгарский 1960-1963 – *Кашгарский М.* Диван лугат-ат-турк (Словарь тюркских наречий): в 3 томах. – Ташкент: Фан, 1960-1963. (на узбекском языке)

Кормушин 2010а – *Кормушин И.В.* Предисловие // Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-тюрк (Свод тюркских слов): в 3 т. Т. 1. – М.: Восточная литература, 2010. – 461 с. – С. 15-20.

Кормушин 2010б – *Кормушин И.В.* Введение // Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-тюрк (Свод тюркских слов): в 3 т. Т. 1. – М.: Восточная литература, 2010. – 461 с. – С. 21-52.

Махмуд ал-Кашгари 2010 – *Махмуд ал-Кашгари.* Диван лугат ат-тюрк (Свод тюркских слов): в 3 т. Т. 1. – М.: Восточная литература, 2010. – 461 с.

Муталлибов 1960 – *Муталлибов С.* Великий филолог XI в. и его уникальный труд // *Кашгарский М.* Диван лугат-ат-турк (Словарь тюркских наречий): в 3 томах. Т. 1. – Ташкент: Фан, 1960. – С. 7-39. (на узбекском языке)

Наджиб 1989 – *Наджиб Э.Н.* Исследования по истории тюркских языков XI-XIV вв. / Отв. ред. А.Н. Кононов, Г.Ф. Благова. – М.: «Наука», 1989. – 283 с.

Оразаев 2007 – *Оразаев Г.М.-Р.* Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII-XIX вв. – Махачкала: изд. ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 324 с.

Рустамов 1963 – *Рустамов Э.Р.* Узбекская поэзия первой половины XV века. – М.: Издательство вост. лит., 1963. – 365 с.

Тенишев 1997 – *Тенишев Э.Р.* Тюркоязычных письменных памятников языка // Языки мира. Тюркские языки. – Бишкек: Издательский Дом «Кыргызстан», 1997. – 543 с. – С. 35-46.

Улаков, Чеченов 2001 – *Улаков М.З., Чеченов А.А.* Письменные памятники тюркских языков как источник истории современного карачаево-балкарского языка (спецкурс). Учебное пособие. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 2001. – 52 с.

Чеченов 1978 – *Чеченов А.А.* Язык памятника «Codex Cumanicus» (14 в.) в ареальном освещении: методические материалы. – Москва: Институт языкознания АН СССР, 1978. – 55 с.

Чеченов 1996 – *Чеченов А.А.* Проблемы формирования и развития языка карачаевцев и балкарцев. – М.: ИЯ РАН, 1996. – 173 с.

REFERENCES

BAICHOROV S.Ya. *Drevnetyurskie runicheskie pamyatniki Evropy: Otnoshenie severokavkazskogo areala drevnetyurkskoi runicheskoi pis'mennosti k volgo-donskomu i dunaiskomu arealam* [Ancient Turkic runic monuments of Europe: Relation of the North Caucasian area of ancient Turkic runic writing to the Volga-Don and Danube areas]. – Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. – 294 p. (In Russian)

BALASAGUNSKII YUSUF. *Blagodatnoe znanie. Seriya «Literaturnye pamyatniki» / Izdanie podgotovil S.N. Ivanov; otv. redaktor akademik A.N. Kononov* [Gracious knowledge. "Literary monuments" series. Ed. by A.N. Kononov]. – Moscow: Nauka, 1983. – 558 p. (In Russian)

CHECHENOV A.A. *Problemy formirovaniya i razvitiya yazyka karachaevtsev i balkartsev* [Problems of the formation and development of the language of Karachai and Balkars]. – Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN, 1996 – 173 p. (In Russian)

CHECHENOV A.A. *Yazyk pamyatnika "Codex Cumanicus" (14 v.): V areal'nom osveshchenii* [The language of 14th century monument «Codex Cumanicus» in areal perspective]. – Moscow: Institut yazykoznaniiya AN SSSR, 1978 – 55 p. (In Russian)

Drevnetyurkskii slovar' / Red. V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak [Dictionary of the ancient Turkic. Ed. by V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak]. – Leningrad: Nauka, 1969. – 715 p. (In Russian)

KASHGARSKII M. *Divan lugat-at-turk (Slovar' tyurkskikh narechii): v 3 t.* [The Compendium of the Turkic Dialects: in 3 vols.]. – Tashkent: Fan, 1960-1963. (In Uzbek)

KORMUSHIN I.V. *Predislovie* [Preface]. IN: *Makhmud al-Kashgari. Divan lugat at-tyurk (Svod tyurkskikh slov): v 3 t. T. 1* [The Compendium of the Turkic Words: in 3 vols. Vol. 1] – Moscow: Vostochnaya literatura, 2010. – P. 15-20. (In Russian)

KORMUSHIN I.V. *Vvedenie* [Introduction]. IN: *Makhmud al-Kashgari. Divan lugat at-tyurk (Svod tyurkskikh slov): v 3 t. T. 1* [The Compendium of the Turkic Words: in 3 vols. Vol. 1] – Moscow: Vostochnaya literatura, 2010. – P. 21-52. (In Russian)

MAKHMUD al-KASHGARI. *Divan lugat at-tyurk (Svod tyurkskikh slov): v 3 t. T. 1* [The Compendium of the Turkic Words: in 3 vols. Vol. 1] – Moscow: Vostochnaya literatura, 2010. – 461 p. (In Russian)

MUTALLIBOV S. *Velikii filolog XI v. i ego unikal'nyi trud* [The great 11th century philologist and his unique work]. IN: *Kashgarskii M. Divan lugat-at-turk (Slovar' tyurkskikh narechii): v 3 t. T. 1* [The Compendium of the Turkic Dialects: in 3 vols. Vol. 1]. – Tashkent: Fan, 1960. – P. 7-39. (In Uzbek)

NADZHIP E.N. *Issledovaniya po istorii tyurkskikh yazykov XI–XIV vv. / Otv. red. A.N. Kononov, G.F. Blagova* [Studies in the history of Turkic languages of the 11-14th centuries. Ed. by A.N. Kononov, G.F. Blagova]. – Moscow: Nauka, 1989. – 283 p. (In Russian)

ORAZAEV G.M.-R. *Tyurkoyazychnaya delovaya perepiska na Severnom Kavkaze XVII–XIX vv.* [Turkic business correspondence in the North Caucasus in the 17-19th centuries]. – Makhachkala: izd. IAE DNTs RAN, 2007. – 324 p. (In Russian)

RUSTAMOV E.R. *Uzbekskaya poeziya pervoi poloviny XV veka* [Uzbek poetry of the first half of the 15th century]. – Moscow: Izdatel'stvo vost. lit., 1963. – 365 p. (In Russian)

TENISHEV E.R. *Tyurkoyazychnyykh pis'mennykh pamyatnikov yazyki* [The languages of the Turkic written monuments]. IN: *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world: Turkic languages]. – Bishkek: Izdatel'skii Dom «Kyrgyzstan», 1997. – P. 35-46. (In Russian)

ULAKOV M.Z., CHECHENOV A.A. *Pis'mennyye pamyatniki tyurkskikh yazykov kak istochnik istorii sovremennogo karachaevo-balkarskogo yazyka (spetskurs)* [Written monuments of Turkic languages as a source of the history of the modern Karachay-Balkar language (special course)]. – Nalchik: Institut gumanitarnyykh issledovaniy KBNTs RAN, 2001. – 52 p. (In Russian)

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470)«16/19»

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-206-216

ПОИСК ПУТЕЙ К ИСТОРИЧЕСКОМУ СИНТЕЗУ¹**А.Д. КУРБАНОВ***ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»**370000, РД, г. Махачкала, ул. Гаджиева 43-а**E-mail: ahmed2005@mail.ru*

Аннотация. Основной целью рецензируемого труда являлось приближение к историческому синтезу в понимании сложного взаимодействия геополитических, социально-политических и социо-культурных факторов, обусловивших содержание и формы политического сближения и последующей инкорпорации региона в состав Российской империи на протяжении XVI–XIX вв. В двух частях работы этот процесс рассматривается в соответствии с предлагаемой авторами периодизацией: XVI–XVIII вв. – этап движения от асимметричного партнерства к российскому доминированию в макрорегионе; 1801–1864 гг. – этап непосредственной инкорпорации макрорегиона в государственное тело империи. Кавказская война интерпретируется в качестве военно-политической составляющей процесса инкорпорации. Хронологические и политические рамки войны ограничены начальным и конечным пунктами процесса необратимых изменений политического и административного статуса территорий, обществ и народов региона, обусловленных вооруженным противоборством между Российской империей и местными этно-политическими образованиями. Военная «оболочка» процесса в значительной степени была обусловлена культурно-цивилизационной дистанцией между сторонами конфликта. В то же время он повлек глубокую перестройку этно-демографической и этно-социальной композиции, административной и судебной системы, культурно-идеологической сферы жизни региона, тем самым приближая имперское государство и народы Северного Кавказа к лучшему пониманию друг друга. В работе присутствует ряд конкретных суждений, которые не во всем согласуются с историческими реалиями изучаемой эпохи: о вертикальной соподчиненности обществ, в которой «нижние» всегда доминировали над «верхними»; об укоренении ислама в Дагестане уже с VII–VIII вв.; о том, что уже применительно к XVI в. можно говорить о Тарковском, а не Гази-Кумухском шамхальстве; об отсутствии в рассматриваемое время у народов Северного Кавказа государственных институтов. Вызывают возражения некоторые моменты предложенной в работе периодизации Кавказской войны. Но в целом, вводимая авторами в научный оборот понятийная цепочка – «присоединение–инкорпорация–легитимация–интеграция–синтез» представляет интерес. Она отражает не столько этапы, сколько аспекты, различные «фазовые состояния» российско-северокавказских отношений, в различной степени присутствующие на каждом этапе развития этих отношений.

¹ Рецензия на монографию: Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 268 с.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; XVI-XIX века; партнерство; имперское доминирование; инкорпорация; Кавказская война; русское население; административно-судебное устройство; легитимация.

THE SEARCH AFTER HISTORICAL SYNTHESIS¹

A.D. KURBANOV

*FSBEI HE «Dagestan State University»
367000, RD, Makhachkala, Gadzhieva street, 43-a
E-mail: ahmed2005@mail.ru*

Abstract. The basic intention of the authors of the reviewed publication was to get nearer to historical synthesis in understanding the complex interplay of geopolitical, socio-political and socio-cultural factors conditioning the content and the forms of political rapprochement and consequent incorporation of the region into Russian empire during the 16th – 19th centuries. In the work's two parts this process is examined in accordance with the periodization suggested by the authors: 16th – 18th centuries – the stage of transition from asymmetric partnership to Russian domination in the macro-region; 1801-1864 – the stage of direct incorporation of the macro-region into the empire's state frame. Caucasian war is interpreted as military-political dimension of the process of incorporation. Temporal and political boundaries of the war are limited by the initial and final points of the process of irreversible changes in political and administrative status of territories, societies and peoples of the region resulting from armed struggle between Russian empire and local ethno-political formations. Military envelope of the process was to a large extent caused by civilizational distance between the sides of the conflict. Simultaneously it entailed deep restructuring of ethno-demographic and ethno-social composition, administrative and judicial system, cultural and ideological spheres of region's life thus bringing closer imperial state and North Caucasus peoples to better mutual understanding. There are some propositions in the work, which aren't fully consistent with the historical realities of the epoch: on the system of "vertical" hierarchy of societies in the region where the "lowers" always dominate the "uppers"; on early rooting of Islam in Daghestan; on 16th century Tarki Shamhaldom while at that time it was really Gazi-Kumukh Shamhaldom: on the absence of state institutions in native ethno-social formations. Some elements of the proposed in the work periodization give rise to objections as well. But in general, suggested in the book conceptual chain – "accession-incorporation -legitimation-integration-synthesis" seems to be interesting. It reflects not as much stages as aspects, various "phase states" of Russia-North Caucasus relations, which are present in various degrees at the every stage of their development.

Keywords: Russia; North Caucasus; 16-19th centuries; partnership; imperial domination; incorporation; Caucasian war; Russian population; administrative and judicial system; legitimation.

Отечественная историческая наука пополнилась новым фундаментальным трудом, подготовленным сотрудниками Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра

¹ Review of the monograph: Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu [Russia and the peoples of the North Caucasus in the sixteenth – mid nineteenth centuries: sociocultural distance and movement towards state and political unity]. – Nalchik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2018. – 268 p.

Российской академии наук. Коллективное исследование посвящено выработке обобщенной интерпретации исторического опыта становления государственно-политического единства России и народов Северного Кавказа. Объективная потребность в таком издании очевидна, ибо историческая наука не стоит на месте, расширяется источниковедческая база, пересматриваются многие устоявшиеся точки зрения.

Проблемы, поднимаемые в исследовании, нашли отражение во многих научных трудах, как дореволюционной, так и советской и постсоветской исторической литературе. На первый взгляд складывается впечатление, что в целом данная тема достаточно изучена. Однако авторы рассматриваемого труда, проанализировав широкий круг источников и литературы, смогли проследить степень понимания процесса вхождения Кавказа в состав России исследователями разных эпох и предложить свою модель непростой инкорпорации.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена значительным интересом к региону, в котором остро протекают социально-политические процессы в условиях перехода от советской к современной государственности России. Кроме того, работа актуальна в связи с тем, что на социокультурной почве Северного Кавказа укореняются негативные явления – этнические конфликты и сепаратизм, религиозный фундаментализм и экстремизм, терроризм, что представляет угрозу для безопасности российского общества и государства.

Основной целью коллективного труда является приближение к историческому синтезу в понимании сложного взаимодействия геополитических, социально-политических и социо-культурных факторов, обусловивших содержание и формы их политического сближения и последующей инкорпорации региона в состав Российской империи на протяжении XVI–XIX вв. До настоящего времени одним из интеллектуальных препятствий на пути к этой цели исследователи считают неспособность рассматривать, как в равной степени существенные, военное и невоенное измерения этого процесса. В предлагаемой книге Кавказская война интерпретируется в качестве военно-политической составляющей процесса инкорпорации Северного Кавказа в территориальную и политическую структуру Российской империи. Хронологические и политические рамки войны ограничены начальным и конечным пунктами процесса необратимых изменений политического и административного статуса территорий, обществ и народов региона, обусловленных вооруженным противостоянием между Российской империей и местными этно-политическими образованиями. Военная «оболочка» процесса в значительной степени была обусловлена культурно-цивилизационной дистанцией между сторонами конфликта. В то же время он повлек глубокую перестройку этно-демографической и этно-социальной композиции, административной и судебной системы, культурно-идеологической сферы жизни региона, тем самым приближая имперское государство и народы Северного Кавказа к лучшему пониманию друг друга.

Структура рецензируемой работы представляется четкой и хорошо аргументированной. В ней две части, в каждой из которых рассматривается процесс включения региона в состав России в соответствии с предлагаемой авторами хронологией.

Первая часть книги «Российское государство и Северный Кавказ в XVI–XVIII вв.: от асимметричного партнерства к российскому доминированию в макрорегионе» написана д.и.н., К.Ф. Дзамиховым и д.и.н., Е.Г. Муратовой. В соответствии с общим замыслом коллективного труда в эту часть включены вопросы историографии проблемы, освещение этносоциальной и этнополитической структуры Северного Кавказа, этапов политического сближения и партнерства российского государства и народов Северного Кавказа. XVIII в. как переходный период от взаимодействия к имперскому «монологу», выделен отдельно.

Исследователи справедливо отмечают, что историография взаимоотношений народов Северного Кавказа и России на протяжении всего периода ее существования в целом оставалась политизированной, и на каждом этапе на нее во многом влияли актуальные с точки зрения государства идеологические установки, а не исследовательские подходы, выработанные профессиональной исторической наукой.

Анализируя значительный пласт исследовательской литературы, авторы приходят к выводу, что реальная практика русско-северокавказских отношений больше соответствует понятию союзничества, которое фиксировалось в характерных для той эпохи формах (и формулах) феодального подданства, («договор» о «подданстве», «покровительстве», «учинении в холопстве», «о службе и обороне»).

Исследователи подробно описывают кавказские народы – расселение, количество, особенности хозяйственного развития, и в масштабах всего региона четко выделяют два крупных пространственно-географических компонента: равнинный и горный (включая его предгорную, горную и высокогорную части). Ученые солидарны с Л.И. Лавровым и Ю.Ю. Карповым, что организация власти и общества в географически сложном регионе, имела традиционно «вертикальный» характер. «Чем ниже жил народ или общество, тем сильнее было его влияние на соседей». На наш взгляд с таким утверждением сложно согласиться, к примеру, на Северо-Восточном Кавказе такие политические единицы горного Дагестана, как Гази-Кумухское шамхальство, Хунзахское нуцальство, Кайтагское уцмийство распространяли свое влияние за пределы горной зоны.

Уделено внимание и вопросам исламизации горских обществ Кавказа. Авторы отмечают, что в целом, «степень исламизации в регионе до конца XVIII в. была не столь значительной. Если, например, в Дагестане ислам укоренился давно (с VII–VIII в.) и глубоко, а арабский язык служил здесь литературным языком, то у других народов сохранялся исламско-языческий синкретизм. Мусульманская религия заняла более прочные позиции у кабардинцев и вайнахов только к концу XVIII в., у западных черкесов, балкарцев и карачаевцев – в первой трети XIX в.» Соглашаясь с авторами об упрочнении

позиций ислама у кабардинцев, вайнахов, западных черкесов, балкарцев и карачаевцев в XVIII-XIX вв., трудно согласиться с тем, что в Дагестане «ислам укоренился (с VII-VIII вв.) и глубоко». Процесс распространения ислама в Дагестане занял порядка 900 лет.

Сложно согласиться с авторами (стр. 70), что к 1550-1560-м гг. относятся первые контакты Москвы с тарковским шамхалом, ибо центром шамхальства в рассматриваемое время являлся Гази-Кумух, в последнем находятся могилы шамхалов, датируемые вплоть до 40-х годов XVII в., а Тарки являлись второй резиденцией.

В главе по праву значительное внимание уделено Терскому городу и выстраиванию диалога между кабардинскими князьями и российским государством, где первые – князья Черкасские, служившие в Турки, на протяжении длительного времени являлись посредниками в сношениях российского правительства с «владельцами» и народами Северного Кавказа. Они находили постоянную поддержку у другой группы кабардинских князей, которая выехала в Россию и стала известна здесь как княжеский род Черкасских, который влился в состав московской феодальной знати и занял высокое положение в системе государственной и военной администрации.

Оценивая состояние международного положения и интереса мировых держав к региону, авторы совершенно справедливо замечают, что в рассматриваемое время главное содержание политики Российского государства по отношению к северокавказским народам состояло в том, чтобы удержать их в сфере своего влияния и не допустить их союза с Османской Турцией, Ираном и Крымским ханством.

Останавливаясь на значимости шертных договоренностей, исследователи подчеркивают, что не следует абсолютизировать и осовременивать значение шертных договоренностей XVI или XVII в., принимать их за неукоснительные обязательства для всех сторон (северокавказских, ногайских, калмыцких владетелей и Москвы) по аналогии с международными пактами новейшего времени. На основе документальных источников русско-северокавказских отношений можно заключить, что шерт действовала, во-первых, официально – пока были живы или находились у власти заключившие ее правители; во-вторых, фактически – пока сохранялась политическая обстановка, вызвавшая ее заключение.

Нельзя не согласиться с авторами, что изначально имело место неодинаковое прочтение договорных обязательств горцами и царской властью. Шертные грамоты (присяги), оформлявшие подчинение горских народов царю, понимались Москвой как «вечное подчинение», не допускавшее никакого отхода или отделения, которые в последнем случае трактовались как «измена». Со своей стороны, северокавказские «партнеры» Москвы рассматривали свои отношения с Россией как союзнические, что охотно закреплялось в шертных договорах и присягах, предполагавших взаимные обязательства. В их глазах было естественным право на смену коалиций и союзников.

Таким образом, данная глава, несомненно, вызовет интерес у исследователей, а также у широкого круга интересующихся историей российско-кавказских взаимоотношений на начальном этапе.

В завершающей главе первой части центральное место занимает вопрос об активизации политики России в южном направлении в XVIII в., где значительное внимание уделено времени Петра I и Екатерины II. Справедлив в этой связи вывод авторов, что после успешного завершения Северной войны и укрепления ее территориального и военно-экономического потенциала она напрямую включается в передел сфер влияния в кавказском регионе. Для набирающей мощь России становится реальной целью установления полного военно-политического контроля над Северным Кавказом. Уже с 1735 г. начинается строительство военных крепостей, которые к концу века составили сплошную линию русских военных укреплений от Каспийского до Азовского моря. Она заселяется казаками, и, таким образом, возникает русский «фронт» – подвижная граница и контактная зона обществ и культур России и Северного Кавказа.

Вторая часть книги «Российская империя и Северный Кавказ в 1801–1864 гг.: инкорпорация макрорегиона в государственное тело империи», сохраняя и продолжая общую направленность, в большей мере ориентирована на исследование вопросов, связанных с кризисом российско-кавказских отношений в XIX в.

Первые две главы – «Кавказская война как предмет научного и общественного осмысления» и «Военно-политическая фаза процесса инкорпорации Северного Кавказа в состав империи» написаны к.и.н., А.Х. Боровым.

Рассматривая историографическую ситуацию Кавказской войны, исследователь справедливо замечает, что «разнообразие подходов и конфликт интерпретаций, наблюдаемые в современной российской историографии, являются в определенной мере беспрецедентными. В основе современных дискуссий лежат не источниковедческие проблемы, не трудности решения частных вопросов реконструкции фактов и событий Кавказской войны, а различные подходы к ее общей интерпретации, т.е. конструирования «Кавказской войны» как исторического явления» (с.102).

Анализируя работы рубежа 1980-1990 гг., автор приходит к выводу, что инициатива в определении общественной и научной актуальности тех или иных сюжетов Кавказской войны перешла к местным интеллектуальным кругам, которые тесно увязывали постановку научных проблем с национальным вопросом, восстановлением исторической памяти, возрождением национально-культурных традиций. В этом контексте идеологема «добровольного вхождения» народов Северного Кавказа в состав России стала выглядеть как проповедь их добровольного отказа от своей исторической субъектности и была замещена идеологией завоевания, сопротивления. С другой стороны, легитимация современной государственности России строилась не только на либерально-демократических принципах, но и на восстановлении прямой преемственности с исторической российской государственностью, включая ее

имперский период, что возрождало к жизни элементы «имперского» видения проблем российско-кавказского исторического процесса. Эти два обстоятельства и привели к тому, что дискуссионными стали практически все основные аспекты проблемы. А стремление участников дискуссии утвердить свою однозначную трактовку природы войны в целом неизбежно возвращало их к «простым» ее интерпретациям.

В завершение историографического обзора, анализа внутренних противоречий между различными подходами автор указывает на задачи, стоящие перед исследователями XXI в., которые надо решить на пути к познавательному синтезу.

Заслуживают внимания и выводы исследователя о сложности проблемы в осмыслении Кавказской войны, где акцентируется внимание на континуитете геополитических факторов, культурно-цивилизационных особенностях военного конфликта, влияния горского социального уклада на характер войны. Однако согласиться с мнением об отсутствии в рассматриваемое время у народов Северного Кавказа государственных институтов (за исключением приморского Дагестана) (с.114) сложно.

В исследовании затронут и один из сложных вопросов Кавказской войны – проблема масштабов и ее целостности, где автор выделяет основные предположения, точки зрения и исследователей, отстаивающих свои взгляды.

В данной части труда значительное внимание уделено проблемам и перспективам общей интерпретации Кавказской войны в современной культурно-исторической ситуации. Характеризуя современную исследовательскую литературу, ученый заключает, что «присутствие в современной литературе противоположных интерпретаций Кавказской войны часто воспринимается как проявление тупиковости историографической ситуации. Но проблема не просто в наличии дискуссионных позиций, а в том, что каждая из них претендует на то, что только она исходит из надежно установленных фактов, соответствует исторической реальности, объективна. По сути, здесь неявно предполагается, что познавательные проблемы в изучении войны уже решены, недостает только научной и гражданской добросовестности у оппонентов. Отсюда – двуединая природа текущей историографической ситуации.

Автор, размышляя над историографическими концепциями Кавказской войны приходит к выводу, что целостное осмысление Кавказской войны есть комплексная историко-политологическая проблема. Ее решение будет выглядеть как совокупность выводов, построенных на политологическом анализе и обобщении исторических фактов, относящихся к каждому отдельному аспекту этого сложного и своеобразного явления и к формам его актуализации в современном научно-общественном дискурсе.

Во второй главе данной части, посвященной военно-политическому противостоянию и процессу вхождения народов Северного Кавказа в состав России, основное внимание обращено на вопросы о границах войны в объективном и субъективном представлении, об этапах эволюции военно-

политического измерения российско-северокавказских отношений, о поисках понимания сторон как составной части военной политики.

Для лучшего понимания всего процесса, связанного с войной, А.Х. Боров, прежде чем начать освещение основных вопросов, акцентирует внимание на проблеме осмысления сложности и своеобразия Кавказской войны с теоретической точки зрения, которая предполагает соотнесение конкретных событий с общими понятиями, раскрывающими природу войны как явления. Таким образом, автор предлагает трактовать Кавказскую войну как «период в истории отношений России и народов Северного Кавказа, который характеризуется поэтапными необратимыми изменениями политико-административного статуса территорий, обществ, народов Северного Кавказа, ведущими к установлению прямого административного контроля над ними со стороны Российской империи при решающей роли военной силы в достижении и закреплении соответствующих территориально-политических изменений в регионе».

Ученый подробно излагает особенности датировки начала Кавказской войны, где сложно не согласиться с его мнением, что понятие Кавказская война складывалось «естественно-исторически» в восприятиях ее современников, и постфактум, вместе с осознанием взаимосвязи, смысла и значения множества разнообразных событий, имевших место на протяжении ряда десятилетий. Когда речь идет о такого рода войне, то задача установления ее хронологических рамок оказывается функцией историографии. Начало Кавказской войны в исторической науке выступает не как событие (исторический факт), а как оценка значения тех или иных событий (историческая интерпретация) (с.132).

Исследователь предлагает рассматривать военно-политические взаимоотношения России с народами Северного Кавказа в следующей эволюции: предыстория войны (1560-1762 гг.); завязка войны (1763-1801 гг.); «малая война» без стратегического плана (1802-1816 гг.); ермоловский этап Кавказской войны (1817-1827/9 гг.); кульминация Кавказской войны (1830-1845 гг.); коренной перелом (1845-1856 гг.); завершающий этап Кавказской войны (1856-1864 гг.)

Соглашаясь с исследователем, что рамки Кавказской войны выходят за 1817-1864 гг. и что основание Моздока – это, безусловно, веха в истории взаимоотношений России с Кабардой и с народами Кавказа, заметим, что противостояние уходит своими корнями в XVI в.

Исследователь в своей периодизации Кавказской войны предлагает этот этап, а именно 1560-1762 гг., озаглавить как «Предыстория войны» и ставит вопросы, ответы на которые подразумевают причисление данного периода к войне или нет. Так, по А.Х. Борову, события этого периода нельзя включать в содержание понятия Кавказская война, ибо не возможен положительный ответ на следующие вопросы: Являлись ли участниками всех этих событий одни и те же политические субъекты – стороны конфликта? Присутствует ли в них общее политическое содержание, имеющее самостоятельный характер, ведущее к необратимым изменениям политико-административного статуса Северного

Кавказа в целом при решающей роли военной силы в достижении и закреплении соответствующих территориально-политических изменений в регионе? Имеет ли место взаимосвязь и поэтапность развития событий, в которой результаты предшествующего военно-политического эпизода (события или группы событий) становятся основанием последующего эпизода? (с. 135)

На наш взгляд, мнение исследователя спорно, т.к. поход в Дагестан Черемисинова в 1560 г., отправка в 1567 г. по просьбе кабардинского князя Темрюка Иваном IV князя А.С. Бабичева для строительства крепости на р. Терек, поход А.И. Хворостинина 1593-1594 г., поход И.М. Бутурлина и О.С. Плещеева 1604-1605 гг. - это события одной цепи, направленные против Гази-Кумухского Шамхальства и способствовавшие ослаблению его влияния в регионе, а позже и распаду. Можно предположить, что продвижение на Кавказ не продолжилось в связи вступлением в новую фазу событий Смутного времени и продолжительного восстановления страны, к тому же и ориентиры российского государства во внешней политике были смещены.

И если перечисленные выше конфликты не являются составляющей Кавказской войны, то ее необходимо выделить в отдельную, в противном случае подтягивать события эпохи второй половины XVI начала XVII в. проблематично.

Заслуживает внимания поднимаемый ученым вопрос о «поисках понимания как составной части военной политики», где исследователь прослеживает инкорпорацию Северного Кавказа в состав Российской империи, в том числе и в невоенном аспекте.

Проблеме реформирования этно-демографической и этно-социальной композиции макрорегиона посвящена часть коллективной монографии, подготовленной исследователем Н.В. Варивода. На анализе статистических данных и исследовательской литературы автор констатирует, что демографические процессы, обусловленные государственной политикой, стихийными миграционными процессами и военными действиями привели к глубокому реформированию этнодемографической структуры Северного Кавказа. Самый высокий прирост отмечался в Ставропольской губернии, затем шли районы, впоследствии вошедшие в Кубанскую, Терскую и Дагестанскую области. Основную долю прироста населения Ставрополя и Кубани давала миграция (до 80%). В сочетании с высоким естественным приростом она обеспечивала темпы роста населения региона, превышавшие рост населения в целом по стране.

Представляет интерес проблема, поднимаемая в работе д.и.н., А.Х. Абазовым – это поиск форм имперского контроля и управления Россией территориями и народами Северного Кавказа и характеристика механизмов формирования органов власти в конце XVIII – первой половине XIX в. как важнейший аспект изучения истории развития российской государственности в регионе.

Исследователь констатирует, что несмотря на повышенный интерес ученых к истории административно-судебных преобразований на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в., данная проблема остается

недостаточно изученной. Для ее исследования ученый предлагает выделить несколько этапов:

– 1785–1822 гг. – включение региона в административно-территориальную систему империи и внедрение первоначальных форм судебного-административного контроля.

– 1822–1858 гг. – преобразование Кавказской губернии в Кавказскую область в 1822 г. и внедрение территориальных и институциональных структур взаимодействия имперского государства с народами Северного Кавказа.

– 1858–1864 гг. – установление «военно-народной» системы как формы перехода от чрезвычайных к «нормальным» практикам инкорпорации культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство.

Рассмотрение каждого из выделенных периодов позволило исследователю проследить складывание системы административных и судебных учреждений в регионе, являвшейся сложным и длительным процессом, в основе которого лежал поиск оптимальных моделей функционирования властных структур в условиях перманентных административно-территориальных преобразований.

Вопросам культурно-идеологических сдвигов в горских обществах и путям легитимации имперской власти посвящена глава пятая второй части труда, подготовленная к.и.н., Д.Н. Прасоловым.

Сложно не согласиться с тезисом исследователя, что культурно-идеологические процессы в горских обществах рассматриваемого периода были прямо обусловлены событиями военно-колониционных мероприятий Российской империи на Северном Кавказе.

Всесторонне рассмотрев проблему, автор закономерно приходит к выводу, что результаты культурно-идеологических процессов в горских обществах в XVIII – первой половине XIX в. определялись сложностью и противоречивостью содержания российско-северокавказской интеграции, в значительной степени обусловленной экстремальными условиями Кавказской войны. Сопротивление горских народов так же, как и выбор интеграционных стратегий в значительной мере определялись этнокультурной и религиозной идентичностью горских сообществ. Этноконфессиональная карта Северного Кавказа складывалась из ареалов распространения ислама, христианства, отличавшихся внутриконфессиональной неоднородностью, а также тесно переплетенных с ними языческих традиций, в большей или меньшей степени практиковавшихся в религиозной жизни местного населения.

Подводя итоги, можно сказать, что авторы рецензируемого исследования поставили перед собою непростую задачу – раскрыть чрезвычайно сложный и многоаспектный процесс вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи. В этой связи представляет интерес предложенная ими и вводимая в научный оборот понятийная цепочка – «присоединение–инкорпорация–легитимация–интеграция–синтез». Она отражает не столько этапы, сколько аспекты, различные «фазовые состояния» российско-северокавказских

отношений, в различной степени присутствующие на каждом этапе развития этих отношений.

Рассматривая проблему в аспекте, предложенном авторами исследования, можно убедиться в том, что «присоединение» или «вхождение» народов Северного Кавказа в состав Российского государства – это не просто политическое событие или процесс. В нем изначально присутствует культурно-цивилизационное измерение, поскольку стороны взаимодействуют не в качестве политических единиц, «монад», но в качестве сложных социокультурных субъектов.

Исследование написано на материалах отечественных архивов, с использованием последних достижений отечественной и зарубежной историографии. Характерным является то, что в труде более глубоко изучены вопросы рассматриваемого процесса на территории Центрального Кавказа в сравнении с Северо-Западным и Северо-Восточным Кавказом

Несомненно, книга будет интересна для кавказоведов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также для широкого круга читателей интересующихся историей Северного Кавказа.

УДК 94(470)«16/19»

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-217-228

НОВЫЙ ОБСТОЯТЕЛЬНЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

С.Х. ХОТКО

*Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13
E-mail: inalast@mail.ru*

Аннотация. Рецензируемая монография затрагивает действительно фундаментальную проблему отношений России и народов Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: различие условий, форм и «темпов» преодоления социокультурной дистанции и движения к государственно-политическому единству. Авторы отмечают высокую степень идеологизации и политизации исследуемой проблемы в общественном и академическом дискурсах, а также объективно существующие трудности ее обобщенной интерпретации. Предлагаемый ими подход заключается в построении более дифференцированной категориальной сетки, которая была бы с «внутренней» стороны достаточно сложной и гибкой, чтобы вместить в общую интерпретационную схему всю сложность и противоречивость историко-политического процесса, а с «внешней» – была бы достаточно жесткой, чтобы оградить пространство научно-исторического дискурса от влияния вненаучных социокультурных и политических факторов. В целом авторскому коллективу удалось выполнить поставленную перед собой задачу. Первая часть работы реконструирует эволюцию отношений Российского государства и народов Северного Кавказа в XVI-XVIII вв. от асимметричного партнерства к российскому доминированию в макрорегионе. Часть вторая освещает период с 1801 по 1864 гг. В первых трех главах рассматриваются военно-политические аспекты процесса инкорпорации региона в состав Российской империи и переформатирование этно-демографической и этно-социальной композиции макрорегиона в результате русской (русско-украинской) колонизации. За этим следуют тщательно выполненное исследование истории административных преобразований и внедрения российских судебных учреждений, а также анализ культурно-идеологических сдвигов в горских обществах и путей легитимации имперской власти в регионе. Общая концепция работы удачно совмещает историческое и логическое, ретроспективу и перспективу в понимании российско-северокавказского политического взаимодействия. Вместе с тем, по каждому из этапов и аспектов рассматриваемого процесса можно отметить элементы неполноты и односторонности анализа. Несмотря на стремление учесть все важные для современного состояния изученности проблемы работы, авторы не избежали в этой части заметных недочетов. Но в целом, данную работу можно охарактеризовать как ценный для дальнейшего развития опыт обобщающего исследования северокавказской истории.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; XVI-XIX века; партнерство; имперское доминирование; инкорпорация; Кавказская война; русское население; административно-судебное устройство; легитимация.

¹ Рецензия на монографию: Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 268 с.

NEW SUBSTANTIVE WORK ON THE HISTORY OF RUSSIAN-NORTH CAUCASIAN RELATIONS¹

S.Kh. HOTKO

*Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies named after T.M. Kerashev
385000, Republic of Adyghea, Maikop, Krasnooktyabrskaya st., 13
E-mail: inalast@mail.ru*

Abstract. The reviewed monograph concerns the really fundamental problem in relations of Russia with the North Caucasus peoples in the 16th – mid 19th centuries that of divergence of the conditions, forms and “the pace” of abridging the socio-cultural distance between them and of their nearing to the political unity. The authors note that the problem under investigation is highly ideologized and politicized in public in academic discourse as well as objectively caused difficulties of reaching its overall interpretation. Their approach to the problem is built on elaborating the more differentiated conceptual framework, which would internally be enough complex and flexible to embrace all the complexity and contradictory nature of historical and political process and externally be rigid enough to protect the scientific historical discourse from foreign to science socio-cultural and political influences. As a whole the authorial team succeeded in resolving the task they had put before themselves. In the first part of the book they reconstruct the evolution of relations between Russian state and the peoples of the North Caucasus during 16th – 18th centuries from asymmetric partnership to the Russian domination in the macro-region. In the second part of the book the period of 1801-1860s is considered. Military-political aspects of the process of incorporation of the region into the Russian empire and re-formatting of its ethno-demographic and ethno-social composition as a result of Russian colonization are examined. There follows further thoroughly elaborated research of the history of administrative reforms and of establishment of Russian judicial institutions. The chapter on cultural and ideological changes in the highlander’s societies and the ways of imperial power’s legitimation concludes the work. The general conception of the work successfully balances historical and logical as well retrospective and prospective dimensions in the vision of Russia’s political interactions with the North Caucasus. But nonetheless one can see the elements of inconsistency or one-sidedness in the analysis of each phase or aspect of investigated process. While the authors were eager to take into consideration all meaningful works in the field they did not escape the visible shortcomings here. Notwithstanding all of these the reviewed work may be characterized as valuable experience in generalizing research of the North Caucasus’ history.

Keywords: Russia; North Caucasus; 16-19th centuries; partnership; imperial domination; incorporation; Caucasian war; Russian population; administrative and judicial system; legitimation.

Коллективная работа подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление» по проекту «Исторический опыт и актуальные проблемы интеграции культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство: Северный Кавказ».

¹ *Review of the monograph: Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu* [Russia and the peoples of the North Caucasus in the sixteenth – mid nineteenth centuries: sociocultural distance and movement towards state and political unity]. – Nalchik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2018. – 268 p.

Надо признать, что работа имеет ровно ту структуру, которая необходима для анализа поставленной проблемы. Авторский коллектив, собранный целиком из сотрудников КБНЦ РАН, демонстрирует высокий потенциал этого научного, академического учреждения. Важно, что авторам, каждый из которых является опытным и авторитетным исследователем, удалось сблизить позиции по всем принципиальным аспектам изучаемой проблемы.

Введение, содержащее описание принципиально важных подходов и категориального аппарата, написано кандидатом исторических наук А.Х. Боровым, автором ряда работ по концептуальным проблемам изучения истории Северного Кавказа. А.Х. Боров отмечает высокую степень идеологизации и политизации российско-кавказских отношений в общественном и академическом дискурсах, а также объективно существующие трудности в интерпретации многочисленных актов присоединения кавказских народов и политических образований к Русскому государству и Российской империи. Выход видится в «построении более дифференцированной категориальной сетки, которая была бы с “внутренней” стороны достаточно сложной и гибкой, чтобы вместить в общую интерпретационную схему всю сложность и противоречивость историко-политического процесса, а с “внешней” - была бы достаточно жесткой, чтобы оградить пространство научно-исторического дискурса от влияния вненаучных социокультурных и политических факторов» [Россия... 2018: 10-11].

Часть I «Российское государство и Северный Кавказ в XVI-XVIII вв.: от асимметричного партнерства к российскому доминированию в макрорегионе» написана известными специалистом по истории адыгов и балкарцев XVI-XIX вв., докторами исторических наук К.Ф. Дзамиховым и Е.Г. Муратовой. Первая глава данного раздела посвящена историографии российско-северокавказских отношений на протяжении XVI-XVIII вв. Она дает комплексное видение основных историографических тенденций дореволюционной, советской и постсоветской научной исторической литературы. Заслуживает внимания вывод авторов, звучащий как предупреждение: «Складывается парадоксальная ситуация, когда северокавказские историки, как и историки федеральных научных учреждений, формулируют и реализуют идею “своей истории”. Такое положение может привести к противостоянию позиций региональных историков и историков российского центра как носителей “этно-сепаратистской” и “державно-патриотической» идей» [Россия... 2018: 58].

В историографическом обзоре приводится мнение В.В. Дегоева о том, что по условиям Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. не только собственно Кабарда (в ее этнических границах), но и другие территории Центрального Кавказа перешли под влияние империи [Дегоев 2014]. Этот подход к проблеме присоединения, например, Осетии основан не только на тексте данного договора, но на всей массе известных нам документов предшествующего периода. В связи с присоединением осетинских земель, Е.И. Дружинина в свое время сделала редкое для отечественной историографии наблюдение: «Осетинские земли, зависевшие от кабардинских феодалов и в силу этого признанные владением России» [Дружинина 1955: Приложение: Карта

территориальных изменений по Кючук-Кайнарджийскому миру]. Соответственно Кабардинское феодальное владение воспринималось российским правительством не только как этническая кабардинская территория, но и как территориально-политическое образование.

Вообще, внутренне сложные этно-социо-территориальные единицы, структурировавшие северокавказское политическое пространство обычно не упоминались в русско-турецких договорах хотя в российской науке XVIII в. уже сформировалось представление о них. «С помощью собранных и сравненных образцов языка, наблюдений и сравнения государственных устройств, исторических обстоятельств, физического сходства и т.д. [выяснилось], что различные диалекты сводятся к немногим коренным или родственным языкам, и точно так же [можно свести] многочисленные толпы народов к немногим нациям и множество уездов и округов к немногим провинциям», – писал И.А. Гильденштедт [Гильденштедт 2002: 224]. Следуя такому методу, он выделил на Северном Кавказе укрупненные провинции, соответствовавшие областям расселения карачаево-балкарцев (Басиания), адыгов (Черкесия), осетин (Осетия), вайнахов (Кистия), дагестанских народов (Лезгистан). Но обнаружить их упоминание в формальном международно-правовом контексте той эпохи практически невозможно. Это обязывает нас не к формальному прочтению, а к комплексному анализу соответствующих документов.

Так, дагестанцы или дагестанские политические образования не были упомянуты в Константинопольском договоре 1724 г. Но комментируя его в письме Петру I российский дипломат отмечал, что за Россией «подтвердили все то, как вашему величеству от шаха Тахмаспа уступлено. А в Ширване от Баку до единения рек Аракса и Куры, а против Шемахи от моря две трети земли, а против Дербента двадцать тридцать часов. А Дагистаны все достались вашему величеству и ничего о тех народах в трактате не упоминано» [Цит. по: Касумов 2010: 28]. Так же, нет упоминания Западной Черкесии (Черкесии, земли черкесов, черкесов, закубанских черкесских племен и прочее) в самом главном для их судьбы договоре (Адрианопольском 1829 г.). Но Российская империя подразумевала, что этот договор прямо определяет политический статус данной территории.

Принципиально важный характер носит четвертая глава данного раздела, в которой К.Ф. Дзамихов и Е.Г. Муратова анализируют переход Санкт-Петербурга в отношениях с северокавказскими союзниками и подданными к «имперскому монологу». После военно-политического поражения Петра I в османской Молдавии в 1711 г., российское правительство проводило двойственную политику: с одной стороны, всячески снимая подозрения Порты о вмешательстве в кабардинские дела, а с другой – постоянно обнадеживая кабардинских князей обещанием военной поддержки. В 1720-е гг., по наблюдению авторов, Российская империя не располагала «юридическими правами открыто заступаться за Кабарду» [Россия... 2018: 84]. Позиции Российской империи резко усилились после заключения Белградского договора 1739 г., который определил независимый и буферный статус Большой и Малой

Кабард. Это был первый международно-правовой акт, который ограничивал права Османской империи на территории Северного Кавказа.

В «белградский» период (1739-1768 гг.) российская дипломатия и военная администрация в регионе Северного Кавказа считались (хотя и не в полной мере) с властными правами кабардинской владельческой верхушки над горским населением Центрального Кавказа. «Изменение юридического статуса Кабарды, – отмечают авторы, – неминуемо отразилось бы на зависимых от кабардинских князей горских народах Осетии, Ингушетии, Балкарии и Карачая» [Россия... 2018: 85]. Но уже в начале 60-х годов XVIII в. Российская империя переходит к политике территориальных захватов в формально независимой Кабарде и отторжению от нее вассальных территорий [Россия... 2018: 87]. Не совсем точным выглядит утверждение о том, что «в результате Кючук-Кайнарджийского договора между Россией и Османской Турцией в 1774 г. Кабарда была признана составной частью России» [Россия... 2018: 88]. Более корректным выглядел бы тезис о том, что по тексту данного договора Османская империя отказалась от своих прав на Кабарду и согласилась с тем, что данный вопрос находится в полной компетенции Крымского ханства. Надо отметить, что рассматриваемая работа почти целиком лишена анализа взаимоотношений политических образований Северного Кавказа с Крымским ханством. Было бы очень полезно при переиздании и при дальнейшем анализе проблем присоединения Северного Кавказа к Российской империи максимально учесть влияние крымско-татарского фактора.

Часть вторая освещает период с 1801 по 1864 гг. и написана А.Х. Боровым, Н.Н. Вариводой, А.Х. Абазовым и Д.Н. Прасоловым. На высоком теоретическом уровне написаны две первые главы данного раздела (А.Х. Боров), в которых рассматриваются военно-политические аспекты фазы *инкорпорации* региона в состав Российской империи. Здесь особый интерес вызывает параграф «Проблема сложности в осмыслении Кавказской войны». А.Х. Боров отмечает, что «происхождение Кавказской войны, ее затяжной характер, формы военных действий с *обеих сторон* соотносятся с традиционным социальным укладом в целом» [Россия... 2018: 115]. Это замечание представляется справедливым, если его распространить на обе стороны конфликта, но весь материал, обобщенный автором по социальному укладу, относится только к «горцам». Тогда как совершенно очевидно, что весьма специфичной стороной конфликта была, прежде всего, сама Российская империя. Причем не только на фоне европейских государств, но и на фоне Османской империи. Последняя, например, мирилась более 300 лет с реальной политической автономией Имеретинского царства, отмененной Санкт-Петербургом почти мгновенно после достижения военного перевеса над османами в регионе Южного Кавказа.

Неубедительно выглядит подбор утверждений о системных недостатках северокавказского общества (Ч. Кинг, Д. Романовский, В.В. Лапин, др.), которые не анализируются А.Х. Боровым, но полностью принимаются в качестве выводов к данному разделу. Так, мнение Ч. Кинга, высказанное им в «Призраке свободы», до крайности банально: центральная проблема, с которой

сталкивались Московское государство, а затем Россия в отношениях с горцами было отсутствие централизованной политической власти [Россия... 2018: 116]. Ну да, была централизованная власть в Крымском ханстве и как это повлияло? Явно выбивается из такой картины и мирная Абхазия под управлением М. Шервашидзе, пережившая немирную Черкесию только двумя месяцами.

Страницы 125-128, на которых анализируется переживание эпохи Кавказской войны в адыгской среде, представляются весьма содержательными и способными серьезно повлиять на эволюцию взглядов и представлений не только адыгских интеллектуалов, но и широких общественных кругов.

Напротив, текст на стр. 148-153 «Завершающий этап Кавказской войны (1856-1864)» не проработан в должной мере. Здесь автор достаточно бессистемно пересказывает основные события, что сделано уже многократно. Гораздо интереснее было бы здесь увидеть текст, объясняющий нам события этого периода, именно такой финал многолетней эпопеи сопротивления для адыгов и абазин. Например, как повлиял на поведение сторон так называемый «крымский синдром»? [Дегоев 2009: 387; Трагические... 2000: 95] В чем смысл признания покорности абадзехами в ноябре 1859 г. и почему данный опыт (24-месячное неукоснительное соблюдение присяги и мира абадзехами) не был использован российским правительством? Каково значение последнего меджлиса в истории черкесского сопротивления? Каковы были обстоятельства и последствия визита Александра II в Черкесию в сентябре 1861 г.? Совершенно блёкло выглядит фигура Сефербея Зана, который у автора «не имеет определенной политической позиции» [Россия... 2018: 150]. Поверхностно выглядит пассаж о том, что в 1857 г. широким потоком на вооружение Кавказской армии хлынули «нарезные дальнобойные винтовки» [Россия... 2018: 148-149]. Как раз наоборот, ими вооружались только по одной роте в стрелковых батальонах [Женетль 1994: 246]¹ и сверх всякой меры милитаризованная империя продолжала экономить на солдатских жизнях.

Глава 3 второй части «Переформатирование этно-демографической и этно-социальной композиции макрорегиона» (автор: научный сотрудник сектора новейшей истории ИГИ КБНЦ РАН Н.В. Варивода) – обстоятельный очерк русской (русско-украинской) колонизации степного Предкавказья. В целом, данная глава выглядит как излишне детализированный отчет о ходе этой колонизации. Слишком много цифр и названий. Хотелось бы увидеть больше внимания к идеологическим и политическим аспектам колонизации. Как складывалось отношение к татарскому и ногайскому населению. В отношении этих групп населения не хватает и конкретных исторических данных: где

¹ Из письма князя Барятинского к военному министру Н.О. Сухозанету: «Я полагаю необходимым заменить то, что мы теряем в численности, усовершенствованием оружия, тем более, что и неприятель, изменяя вековым своим привычкам, начинает предпочитать новейшие европейские ружья старым своим винтовкам. Горцы всегда имели над нами преимущество в ручном огнестрельном оружии, у них нет гладкоствольных ружей, а винтовка их уступает в действии только новейшим штуцерам и нарезным ружьям. Но в последнее время и у них все более и более распространяется употребление европейских винтованных ружей, которые к ним путем Черного моря проникают» [Письмо... 1889: 340].

таковые проживали и как были выселены, по каким причинам перемещались остатки ногайского населения. Оказывается, что Таманский остров, очевидно процветающая территория при османах (при двух основных национальных группах населения: черкесах и татарах), вмиг пустеет и заселяется по указу Екатерины.

В главе нет анализа источников, способных пролить свет на мотивы территориального усечения Кабарды. Учитывая современные дискуссии об этнических территориях балкарцев и кабардинцев весьма важен вопрос о том, как некогда густонаселенный именно кабардинцами район внутренней, предгорной Большой Кабарды оказался полностью лишен населенных пунктов в 1821-1822 гг. [Хотко 2015: 202-205]. Тогда же из состава Большой Кабарды был изъят огромный сектор между Кубанью и Малкой, а немногочисленные уже остатки адыго-абазинского населения окончательно удалены из данного района после 1856 г. [РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390: О поселении вновь покоряющихся горцев внутри наших кордонных линий на землях покорных нам туземцев. 17 октября 1856 – 5 декабря 1857 г. Л. 3 об. – 21]. Затем последовало тотальное выселение всех адыгов и абазин из нагорной части Восточного Закубанья (в ноябре 1857 г. начальник Главного штаба Кавказской армии Д.А. Милютин формулировал эту цель недвусмысленно: «Никакого туземного населения в этих долинах терпеть не следует, так что вся горная полоса, от верховий Теберды до р. Белой, а потом до Пшиша, должна быть совершенно пустынной» [Акты... 1904: 763]). Эти мероприятия по «переформатированию» и относительно редкая линия русских поселений, возникших в этом районе, заложили условия для территориального и демографического роста балкаро-карачаевских обществ во второй половине XIX в.

В главе также совершенно отсутствует освещение проблемы колонизации черноморского побережья Черкесии в 1864-1865 гг. Не упоминается почти состоявшийся бунт черноморцев 1861 г. против попытки их тотального переселения в Черкесию («Землю Адыгов», по выражению составителей казачьего меморандума) [Короленко 1911: 497-499]. Не хватает анализа политических и идеологических аспектов основания Кубанской области, Черноморского округа (с 1896 г. – губерния), Кабардинского, Георгиевского, Нальчикского округов, других административных образований региона.

Есть не вполне осознанная трактовка Адрианопольского договора, как имеющего отношение только к побережью от Анапы до Поти. Наверное, только по невнимательности, тут же сказано, что эти земли (от Анапы до Поти) «были заселены преимущественно адыгскими племенами» [Россия... 2018: 184]. В отношении численности адыгов Северо-Западного Кавказа заявлено, что их было 500 тысяч около 1800 г. и осталось после «вынужденного переселения» в Османскую империю 45 тысяч. Насколько можно судить, на основании комплекса источников, точных данных за начало века по численности закубанских адыгов нет. За точку отсчета надо было принять 1829-1830 гг. и сумму сведений за все 30-е годы XIX в., а также попытаться проанализировать

многочисленные данные за 1856-1865 гг. Наконец, в главе совершенно не упоминаются ни убыхи, ни абазины.

Глава четвертая второй части «Поиск форм имперского контроля и управления территориями и народами Северного Кавказа» (автор: доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории ИГИ КБНЦ РАН А.Х. Абазов) представляет собой тщательно выполненное исследование истории административных преобразований и внедрения российских судебных учреждений. Стоит высоко оценить раздел, посвященный деятельности Моздокского верхнего пограничного суда (1793-1822), родовых судов и родовых расправ (1793-1807). Вместе с тем, для раскрытия заявленной темы – поиск форм имперского контроля – явно не хватает анализа планов и предположений высшего российского руководства в отношении инкорпорируемого региона. Эти аспекты достаточно хорошо освещены в исследовании Я.А. Гордина и в ряде сборников статей и документов, изданных под эгидой этого блестящего питерского интеллектуала, писателя, историка. Когда и как восторжествовала идея изгнания? Или вообще этот порочный подход, связанный с депортациями народов? И начать надо опять-таки с крымских татар и ногайцев на всем пространстве Северного Причерноморья.

В 1830 г. правительство планировало создать Закубанский край, в котором предполагалось объединить все адыго-убыхо-абазинское население до границы Абхазского княжества [Отношение... 1878: 887-891]. А в 1834-1836 гг. был составлен план полного изгнания адыгского населения из Натухая (Натхокуаджа): «вящее очищение края, предполагаемого к заселению черноморскими и малороссийскими козаками» [Предписание... 1881: 647]. В целом, рассматриваемая глава ориентирована на Кабарду и Центральный Кавказ, тогда как военно-народное управление в Кубанской области осталось неосвещенным.

Глава пятая второй части «Культурно-идеологические сдвиги в горских обществах и пути легитимации имперской власти» (автор: кандидат исторических наук, заведующий сектором этнологии и этнографии ИГИ КБНЦ РАН Д.Н. Прасолов) также в целом производит самое благоприятное впечатление.

Д.Н. Прасолову удалось показать эволюцию культурно-просветительского движения в адыгской среде (от Измаил-бея Атажукина до Султана Хан-Гирея), ориентированного на присоединение Черкесии к России и модернизацию социально-экономической жизни своих соплеменников. Мысли о том, как прекратить войну и встроиться в имперский организм действительно были культурно-идеологическим сдвигом, потенциально способным интегрировать Черкесию в состав Российской империи. На этом и следовало сконцентрировать внимание. Но автор вышел за рамки определенной им самим же проблематики. Так, совершенно лишним выглядит текст о Сефербее Зане и Мухаммеде Амине на страницах 230-233 (тем более, что он написан под сильным влиянием одного источника – Т. Лапинского). Сефербей Зан действительно мог бы стать объектом исследования в рамках данной главы, но

именно в интеллектуальных своих проявлениях, в которых он допускал возможность замирения с Россией, признания ее власти над адыгами, которых он еще в 1830-м и в начале 1831 г. убеждал на народных собраниях признать российское подданство и не вступать на путь вооруженного сопротивления [Рапорт... 1878: 901].

Возвращаясь к общей оценке труда, стоит отметить, что, несмотря на стремление учесть все главные работы по рассматриваемой проблематике, авторы не избежали заметных недочетов. Так, не использованы важные работы Б.Э. Нольде [Нольде 2019: раздел «Подданство кабардинских князей» (С. 613-627)], Е.И. Дружининой [Дружинина 1955], Ф. Кырзыоглу [Kırzioğlu 1998], Б.М. Джимова [Джимов 1986], Э.А. Шеуджен [Шеуджен 2009; Шеуджен 2010; Шеуджен 2012; Шеуджен 2015], С.Г. Кудаевой [Кудаева 2014], А.Ю. Чирг [Чирг 2002], Р.С. Кандора [Кандор 2009] некоторых других авторов. Учитывая, что Абхазия на протяжении всего XIX в. переживала весьма близкий по векторам воздействия и по последствиям исторический период, следовало уделить ей хотя бы минимальное внимание.

Верхнюю хронологическую границу исследования нецелесообразно ограничивать 1864 г.: надо было продлить ее до конца XIX в., когда прекратилась массовая эмиграция северокавказцев в Османскую Турцию, что можно считать определенным этапом социокультурного сближения их с Россией. В период после 1864 г. более явственно проступают те самые культурно-идеологические сдвиги (под воздействием российских реформ в том числе), которые завершились, в целом, легитимацией российской власти в сознании северокавказских народов.

Несмотря на перечисленные здесь недостатки методологического свойства, в целом, данную работу можно охарактеризовать как ценный для дальнейшего развития опыт обобщающего исследования северокавказской истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Акты... 1904 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК): в 12 т. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. – Т. XII. – 1558 с.

Гильденштедт 2002 – *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 512 с.

Дегоев 2009 – *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. – 551 с.

Дегоев 2014 – *Дегоев В.В.* Кавказская война: предотвратимая неизбежность или неумолимость истории? 05.10.2014 [Электронный ресурс] // Информационное агентство REX: сайт. URL: <http://www.iarex.ru/articles/51065.html> (дата обращения: 04.05.2019).

Джимов 1986 – *Джимов Б.М.* Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX веке. – Майкоп: Краснодарское книжное издательство: Адыгейское отделение, 1986. – 192 с.

Дружинина 1955 – *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. (Его подготовка и заключение). – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. – 368 с.

Женетль 1994 – *Женетль А.Т.* Вооружение и методы ведения Кавказской войны // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы

мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. 24-26 октября 1990 г. – Нальчик: «Эльбрус», 1994. – С. 244-248.

Кандор 2009 – *Кандор Р.С.* Трансформация традиционной системы управления западных адыгов (черкесов) (конец XVIII в. – 60-е гг. XIX в.). – Майкоп: Изд-во: Паштов З.В., 2009. – 216 с.

Касумов 2010 – *Касумов Р.М.* Константинопольский русско-турецкий договор 1724 года // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2010. – № 2. – С. 24-29.

Короленко 1911 – *Короленко П.П.* Переселение казаков за Кубань в 1861 г. Русская колонизация на Западном Кавказе (с приложением документов и записки полковника Шарапа) // Кубанский сборник. – Екатеринодар. – 1911. – Т. XVI. – С. 266-575.

Кудаева 2014 – *Кудаева С.Г.* Адыги черкесы Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества / Науч. ред. Э.А. Шейджен. – Майкоп: Магарин О.Г., 2014. – 388 с.

Нольде 2019 – *Нольде Б.Э.* История формирования Российской империи / Пер. с франц. Л.Ф. Сахибгареевой. Ответственный редактор академик РАН В.А. Тишков. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2019. – 768 с.

Отношение... 1878 – *Отношение* графа Нессельроде к графу Паскевичу, от 8 апреля 1830 г. // АКАК: в 12 т. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. – Т. VII. – С. 887-891.

Письмо... 1889 – *Письмо* князя Барятинского к военному министру Н.О. Сухозанету. 8 ноября 1857 г. Тифлис // Русский архив. – 1889. – Вып. 2. – С. 339-351.

Предписание... 1881 – *Предписание* графа Чернышева генерал-лейтенанту Вельяминову, от 14 ноября 1836 г. // АКАК: в 12 т. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. – Т. VIII. – С. 647-648.

Рапорт... 1878 – *Рапорт* штабс-капитана Новицкого графу Паскевичу, от 16 января 1831 г. // АКАК: в 12 т. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. – Т. VII. – С. 900-901.

РГВИА – *Российский государственный военно-исторический архив.*

Россия... 2018 – *Россия* и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 268 с.

Трагические... 2000 – *Трагические* последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Сборник документов и материалов. – Нальчик: «Эль-Фа», 2000. – 458 с.

Хотко 2015 – *Хотко С.Х.* Открытие Черкесии. Картографические источники XIV-XIX вв. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. – 292 с.

Чирг 2002 – *Чирг А.Ю.* Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). – Майкоп: ООО «Качество», 2002. – 204 с.

Шейджен 2009 – *Шейджен Э.А.* Кавказская война в пространстве исторической памяти. – Майкоп: Исторический факультет АГУ, 2009. – 42 с.

Шейджен 2010 – *Шейджен Э.А.* Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – 280 с.

Шейджен 2012 – *Шейджен Э.А.* О «национальной историографии», «национальных историках», «своей» истории и «историописаниях» // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 2. – С. 90-98.

Шейджен 2015 – *Шейджен Э.А.* Уничжительная терминология как маркер конфликтности (о «хищниках» и «хищничестве») // Научное обеспечение регионального развития. Материалы международной научной конференции. 23-24 апреля 2015 г. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2015. – С. 385-392.

Kırzioğlu 1998 – *Kırzioğlu M.F.* Osmanlılar'ın Kafkas-Elleri'ni Fethi (1451-1590). – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1998. – 552 s.

REFERENCES

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkhograficheskoi komissiei (AKAK) [Documents compiled by Caucasian archeographical commission]: in 12 vols. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – Vol. XII. – 1558 p. (In Russian)

CHIRG A.Yu. *Razvitie obshchestvenno-politicheskogo stroya adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (konets XVIII – 60-e gg. XIX v.)* [The development of the social and political system of the Circassians of the North-Western Caucasus (end of the 18th – 60s of the 19th century)]. – Maikop: ООО «Kachestvo», 2002. – 204 p. (In Russian)

DEGOEV V.V. *Kavkaz i velikie derzhavy 1829-1864 gg. Politika, voyna, diplomatiya* [Caucasus and the Great Powers of 1829-1864. Politics, war, diplomacy]. – Moscow: Izdatel'skii dom «Rubezhi XXI», 2009. – 551 p. (In Russian)

DEGOEV V.V. *Kavkazskaya voyna: predotvratimaya neizbezhnost' ili neumolimost' istorii?* [Caucasian War: preventable inevitability or inexorability of history?] 05.10.2014 [Electronic resource]. IN: Information agency REX: website. URL: <http://www.iarex.ru/articles/51065.html> (date of access: 04.05.2019). (In Russian)

DRUZHININA E.I. *Kyuchuk-Kainardzhiiskii mir 1774 goda. (Ego podgotovka i zaklyuchenie)* [Kyuchuk-Kaynardzhy peace treaty of 1774. (preparation and making of Peace)]. – M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk USSR, 1955. – 368 p. (In Russian)

DZHIMOV B.M. *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie adygov v XIX veke* [Socio-economic and political condition of Adygs in the XIX century]. – Maikop: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo: Adygeiskoe otdelenie, 1986. – 192 p. (In Russian)

GIL'DENSHTEDT I.A. *Puteshestvie po Kavkazu v 1770-1773 gg.* [Journey through the Caucasus in 1770-1773]. – SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. – 512 p. (In Russian)

KANDOR R.S. *Transformatsiya traditsionnoi sistemy upravleniya zapadnykh adygov (cherkesov) (konets XVIII v. – 60-e gg. XIX v.)* [Transformation of the traditional System of Administration among western Adygs (Circassians) (the end of the 18th – 60-ies of the 19th century)]. – Maikop: Izd-vo: Pashtov Z.V., 2009. – 216 p. (In Russian)

KASUMOV R.M. *Konstantinopol'skii russko-turetskii dogovor 1724 goda* [Constantinople Russian-Turkish Treaty of 1724]. IN: *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki.* – 2010. – No. 2. – P. 24-29. (In Russian)

KHOTKO S.Kh. *Otkrytie Cherkessii. Kartograficheskie istochniki XIV-XIX vv.* [Opening Circassia. Cartographic sources of 14th – 19th centuries]. – Maikop: OAO «Poligraf-YuG», 2015. – 292 p. (In Russian)

KIRZIOĞLU M.F. *Osmanlılar'ın Kafkas-Elleri'ni Fethi (1451-1590)* [The Ottoman conquest of the Caucasus (1451-1590)]. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1998. – 552 p. (In Turkish)

KOROLENKO P.P. *Pereselenie kazakov za Kuban' v 1861 g. Russkaya kolonizatsiya na Zapadnom Kavkaze (s prilozheniem dokumentov i zapiski polkovnika Sharapa)* [Settlement of the Cossacks over the Kuban in 1861. Russian colonization in the Western Caucasus (with the supplement of documents and Colonel Sharap's memo)]. IN: *Kubanskii sbornik.* – Ekaterinodar. – 1911. – Vol. XVI. – P. 266-575. (In Russian)

KUDAEVA S.G. *Adygi cherkesy Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva* [Adygs (Circassians) of the North-West Caucasus in the 19th Century: the processes of transformation and differentiation of the Adyg society]. Ed. by E.A. Sheudzhen. – Maikop: Magarin O.G., 2014. – 388 p. (In Russian)

NOL'DE B.E. *Istoriya formirovaniya Rossiiskoi imperii* [The history of the formation of the Russian Empire]. Transl. from Fran. By L.F. Sakhibgareevoi. Ed. by V.A. Tishkov. – SPb.: Izdatel'svo Olega Abyshko, 2019. – 768 p. (In Russian)

Otmoshenie grafa Nessel'rode k grafu Paskevichu, ot 8 aprelya 1830 g. [The memo of Count Nesselrode to Count Paskevich, April 8, 1830]. IN: AKAK: in 12 vols. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1878. – Vol. VII. – P. 887-891. (In Russian)

Pis'mo knyazya Baryatinskogo k voennomu ministru N.O. Sukhozanetu. 8 noyabrya 1857 g. Tiflis [Letter by Prince Baryatinsky to the Minister of War N.O. Suhozanet. November 8, 1857 Tiflis] IN: Russkii arkhiv. – 1889. – Iss. 2. – P. 339-351. (In Russian)

Predpisanie grafa Chernysheva general-leitenantu Vel'yaminovu, ot 14 noyabrya 1836 g. [The instruction of Count Chernyshev to lieutenant-general Velyaminov, dated November 14, 1836]. IN: AKAK: in 12 vols. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1881. – Vol. VIII. – P. 647-648. (In Russian)

Raport shtabs-kapitana Novitskogo grafu Paskevichu, ot 16 yanvarya 1831 g. [Report of the staff captain Novitsky to Count Paskevich, dated January 16, 1831]. IN: AKAK: in 12 vols. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1878. – Vol. VII. – P. 900-901. (In Russian)

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives].

Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu [Russia and the peoples of the North Caucasus in the sixteenth – mid nineteenth centuries: sociocultural distance and movement towards state and political unity]. – Nalchik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2018. – 268 p. (In Russian)

SHEUDZHEN E.A. *Adygi (cherkesy) v prostranstve istoricheskoi pamyati* [Adygs (Circassians) in the space of historical memory]. – Maikop: Izd-vo AGU, 2010. – 280 p. (In Russian)

SHEUDZHEN E.A. *Kavkazskaya voina v prostranstve istoricheskoi pamyati* [Caucasian war in the space of historical memory]. – Maikop: Istoricheskii fakul'tet AGU, 2009. – 42 p. (In Russian)

SHEUDZHEN E.A. *O «natsional'noi istoriografii», «natsional'nykh istorikakh», «svoei» istorii i «istoriopisaniyakh»* [On the "national historiography", "national historians", "one's own" history and "historiography"]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2012. – No. 2. – P. 90-98. (In Russian)

SHEUDZHEN E.A. *Unichizhitel'naya terminologiya kak marker konfliktnosti (o «khishchnikakh» i «khishchnichestve»)* [Derogatory terminology as a marker of conflict (on «predators» and «predation»)]. IN: *Nauchnoe obespechenie regional'nogo razvitiya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 23-24 aprelya 2015 g.* [Scientific sustenance of regional development. Proceedings of the international scientific conference. April 23-24, 2015]. – Rostov on/D.: Fond nauki i obrazovaniya, 2015. – P. 385-392. (In Russian)

Tragicheskie posledstviya Kavkazskoi voiny dlya adygov. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. Sbornik dokumentov i materialov [The tragic consequences of the Caucasian war for the Circassians. The second half of 19th – early 20th century. Collection of documents and materials]. – Nalchik: «El'-Fa», 2000. – 458 p. (In Russian)

ZHENETL' A.T. *Vooruzhenie i metody vedeniya Kavkazskoi voiny* [Weapons and methods of warfare in the Caucasian War] IN: *Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba narodov Severnogo Kavkaza i problemy mukhadzhirstva. Materialy Vsesoyuznoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 24-26 oktyabrya 1990 g.* [The national liberation struggle of the peoples of the North Caucasus and the problems of Muhajirism. Materials of the All-Union scientific-practical conference. October 24-26, 1990]. – Nalchik: «El'brus», 1994. – P. 244-248. (In Russian)

Наши авторы

Бербекова Марианна Мусалиновна – аспирантка ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: kadykoeva1992@mail.ru

Биттирова Тамара Шамшудиновна – д-р филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: tbittir@mail.ru

Боров Аслан Хажисмелович – канд. истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: aslan-borov@mail.ru

Гугова Марина Хабасовна – канд. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник сектора истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: gugowa@mail.ru

Гулиева (Занукоева) Фаризат Хасановна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: ghariza37@mail.ru

Кажарова Инна Анатольевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: barsello@rambler.ru

Курбанов Ахмед Джабраилович – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

E-mail: ahmed2005@mail.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – д-р истор. наук, заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: anzor-vk@mail.ru

Махиева Людмила Хаматгериевна – канд. филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

Махмутов Zufar Александрович – канд. истор. наук, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

E-mail: zufar@inbox.ru

Муратова Елена Георгиевна – д-р истор. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: [lena_gm@mail.ru](mailto:lana_gm@mail.ru)

Нальчикова Елена Аниуаровна – канд. истор. наук, доцент, доцент кафедры организации работы с молодежью Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: elenalchik@yandex.ru

Прасолов Дмитрий Николаевич – канд. ист. наук, доцент, заведующий сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Текуева Мадина Анатольевна – д-р истор. наук, доцент, заведующая кафедрой этнологии, истории народов КБР и журналистики Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: tekuevamadina@gmail.com

Тетуев Алим Инзрелович – д-р истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Хотко Самир Хамидович – д-р истор. наук, главный научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

E-mail: inalast@mail.ru

Кавказология

Caucasology

№ 2 / 2019

DOI: 10.31143/2542-212X-2019-2